

Doctor
WHO

DECALOG

**TEN
STORIES**

**SEVEN
DOCTORS**

**ONE
ENIGMA**

DAVID AUGER, VANESSA BISHOP, PAUL CORNELL, DAVID J HOWE,
ANDY LANE, JIM MORTIMORE, MARC PLATT, TIM ROBINS,
MARK STAMMERS, STEPHEN JAMES WALKER.

EDITED BY

MARK STAMMERS & STEPHEN JAMES WALKER.

Доктор Кто

Декалог: Загадка

Десять рассказов.

Семь Докторов.

Одна загадка.

Под редакцией

Марка Стэммерса

и Стивена Джеймса Уокера.

Перевод осуществлён **ssv310**

на сайте Notabenoid

Примечание редакторов.

Рассказы по мотивам сериала «Доктор Кто» имеют долгую историю. Самые первые из них попали в печать в составе «Ежегодника Доктор Кто» ещё в 1964 году, хотя в том же году его немного превзошла тиражом «Книга Далеков». С тех пор рассказы продолжали появляться в различных изданиях. Пожалуй, главными приверженцами этого формата были фанаты сериала, которые направляли Доктора и его спутников во множество приключений собственного сочинения. Их работы сформировали основное содержание большого числа различных журналов (включая некоторые, которые были целиком посвящены творчеству фанатов, к примеру, «Космическая Маска» общества поклонников «Доктор Кто»), и многие из них затем стали писать профессионально.

Эта книга, однако, в литературной истории «Доктор Кто» является своего рода вехой, в том смысле, что это первый опубликованный сборник рассказов. И вместо того, чтобы представить просто сборник, мы постарались сделать его ещё более необычным, объединив рассказы связующим сюжетом (некоторым читателям эта идея знакома по старым

кино-ужастикам вроде «Dead of Night»). Это значит, что хотя можно окунуться в Декалог читая рассказы по отдельности, читатели, которые прочтут книгу от начала до конца, получают от этого нечто большее.

Мы хотели бы сердечно поблагодарить всех писателей, кто сделал вклад в этот проект (в том числе и тех, чьи рассказы мы, к сожалению, не могли использовать), а также Питера Дарвилла-Эванса и Ребекку Левин из Virgin за их энтузиазм и поддержку.

Приятного вам чтения!

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Стивен Джеймс Уокер

Это было холодным вечером, через несколько дней после Рождества 1947 года. Я сидел в своём офисе в деловом районе Лос-Анжелеса, набросив шляпу на телефон, забросив ноги на стол, и раскачивая носками ботинок туда-сюда. Воздух был полон табачного дыма, поэтому я положил сигарету в пепельницу и наклонился назад, чтобы раскрыть окно, на котором большими чёрными буквами было написано «Барт Эддисон — частный детектив». От расположенной четырьмя этажами ниже забегаловки «У Фрэнка» поднимался запах жирной пищи. Воздух в кабинете от этого не стал чище, но, по крайней мере, это внесло некоторое разнообразие.

Через несколько секунд в окно залетела большая пурпурная бабочка. Она осторожно присела на подоконнике, а затем отправилась исследовать кабинет. Я наблюдал за тем, как она порхала на фоне драных обоев лимонного цвета, настенного календаря на давно прошедший год, трёх старых шкафов, пустых, как мой желудок, и, наконец, уселась на полу у самой двери.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет, шатаясь, вошёл человек, который нечаянно наступил на бабочку и размазал её по ковровой дорожке. Проследив за моим взглядом, он увидел, что сделал, но никак это не прокомментировал. Я решил, что будет лучше нарушить тишину:

— Проходите, мистер... Как вас зовут?

Он не ответил на вопрос, но, тем не менее, зашёл и бессильно опустился в кресло для клиентов у противоположного края стола. Я внимательно рассмотрел его. Первым бросался в глаза его свитер — нечто цветастое с узором из вопросительных знаков, почти такое же безвкусное, как вечеринки в Голливуде. Затем брюки — светло коричневые, в крупную клетку — то, что нужно для дневного посещения провинциального гольф-клуба. Его пиджак был бесформенным тёмно-коричневым предметом одежды, который мог когда-то принадлежать Чаплину, или дедушке Чаплина. Завершали ансамбль мятая панама и большой зонт с красной ручкой в виде вопросительного знака.

Я решил сказать ещё что-нибудь:

— Чем я могу вам помочь, мистер... Вы не представились.

Он опять ничего не ответил, лишь поднял руку ладонью вперёд, пытаясь отдышаться. Наконец, он заговорил:

— Прошу прощения, мистер Эддисон.

Было похоже на то, что он только что пережил какое-то весьма суровое испытание. У него был необычный акцент, который я не мог привязать к какой-либо местности.

— Вы не из этих краёв, мистер?..

— Нет, — он странно улыбнулся. — Можно сказать, что я здесь пришелец.

— Ну, что же, я и сам вырос в Англии.

В конце концов я отбросил манеры:

— Так что, у вас есть имя?

Незнакомец снова улыбнулся.

— Да вот в этом-то и дело, — сказал он. — У меня есть имя, я в этом уверен, но в данный момент... Мне не удаётся его вспомнить.

— Понятно. Вы хотели бы остаться инкогнито. Почему же? Дело связано с разводом?

— Нет, нет, нет. Дело совсем не в этом! — нахмурился он. — Во всяком случае, мне так кажется. Дело в том, что... Я потерял память, — он снова нахмурился. — Или, быть может, её украли.

Я рассмеялся:

— А! Думаю, вы ошиблись, приятель. Кабинет психиатра дальше по коридору, затем налево...

Он решительно покачал головой:

— Нет.

— Нет? То есть, вам не доктор нужен?

— Доктор?.. — он на мгновение задумался, а затем опять покачал головой. — Нет. Мне нужен частный детектив. Я посмотрел в телефонной книге. Ваше имя было первым в списке.

— Да, именно так большинство клиентов меня и находят. Но, послушайте, я не понимаю, чем я могу вам помочь? Если у вас амнезия, то вам нужен доктор.

— Нет. Со мной в этом городе что-то произошло. Мне то ли мозги промыли, то ли загипнотизировали, то ли... ещё что-то. Одним словом, моя память пропала, и я хочу, чтобы вы помогли мне её найти. Вы можете воспроизвести, где я бывал после прибытия сюда. Где я был, с кем встречался, что делал.

Я откинулся на спинку кресла, взял из пепельницы свою сигарету, и глубоко затянулся. Незнакомец внимательно на меня смотрел, и я почувствовал себя насекомым, которое разместили на предметном стекле микроскопа. Я подумал, а не проворачивает ли он со мной какой-то сумасшедший розыгрыш, но он казался слишком серьёзным для этого, слишком напряжённым.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, смогу ли я чем-то помочь.

А какого чёрта? У меня всю неделю не было дел, так что либо это, либо стену рассматривать.

— Я беру сорок в день плюс расходы, — быстро добавил я.

— А, деньги, — на лице незнакомца промелькнуло беспокойство, и на моём тоже. — Я не уверен, что они у меня есть.

— Ну, — рассудил я, — почему бы вам не вывернуть свои карманы и не посмотреть? Кто знает, вдруг у вас в бумажнике найдётся какой-нибудь удостоверяющий личность документ, и мы сразу раскроем это дело.

Судя по его реакции, раньше ему эта простая мысль в голову не приходила: его лицо озарилось так, словно я ему рассказал о результатах скачек на следующей неделе. Может быть, он и рассудок потерял вместе с памятью?

Незнакомец встал и принялся выворачивать свои карманы, сваливая их содержимое кучей на моём столе. Я думал, что у него найдётся четыре-пять предметов, но минуты через две создалось впечатление, что их скорее четыре или пять десятков. Это мне напоминало одно выступление в ночном клубе, которое я когда-то видел; в нём фокусник

раскрыл чемодан и вынул из него невозможное количество больших громоздких предметов, которые на самом деле он вытягивал из потайного отверстия в крышке стола. Но в этот раз я не понимал, как делается фокус.

Через какое-то время незнакомец закончил своё выступление, и снова сел.

— Что, нет фикуса? — спросил я.

Он озадаченно почесал голову, и мне показалось, что он собирается проверить карманы, чтобы убедиться.

— Профессиональная шутка, — быстро добавил я.

— Профессиональная шутка? — нахмурился он. —

А я думал, что вы частный детектив.

Теперь настала моя очередь чесать затылок. Да, видно тот ещё денёк сегодня будет.

Я наклонился вперёд, чтобы изучить рассыпанную на моём столе пёструю коллекцию предметов. Некоторые вещи я узнавал. Среди них были: детская рогатка, телескоп с потёртой бронзовой оправой, очки с проволочными дужками, таймер для варки яиц, смятый пакет мармеладок, свёрнутый номер местной газеты с заголовком о последней панике по поводу НЛЮ. Но большинство предметов были для меня загадкой: гнутое зеркало с дырой посередине, стеклянный флакон с серебряными ушками по бокам и

с несколькими каплями ртути внутри, чёрный кубик с непонятными иероглифами, коричневый пластиковый прямоугольник со следами металлического припоя, и множество других предметов, о происхождении и предназначении которых я мог только догадываться.

Едва ли не единственный предмет, которого там не было — бумажник; впрочем, как не было там и любого другого предмета, способного установить личность хозяина. Ни визитной карты, ни чековой книжки, ни читательского билета, ни счёта из химчистки — ничего. Был кошелёк с завязочкой, в котором лежало некоторое количество монет разных форм и размеров, но они не были похожи ни на какие деньги, с которыми мне когда-либо доводилось сталкиваться. Что бы это ни были за деньги, валютой США они не были.

— Похоже, у вас нет наличных денег, — сказал я ему.

— О... Значит, вы мне не поможете?

Я перемешал его «сокровища» на неровной поверхности стола, делая вид, что раздумываю. На самом деле я был так заинтригован этим странным человечком и его сумасшедшим рассказом, что, наверное, я бы сам ему заплатил, чтобы он разрешил мне взять это дело.

— Не волнуйтесь об этом, — сказал я ему. — Когда мы выясним кто вы и откуда, тогда и уладим этот вопрос.

Он широко улыбнулся:

— Хорошо. Раз мы уладили этот вопрос, то с чего вы предлагаете начать?

Я встал и начал ходить туда-сюда, задумчиво потирая подбородок. После пары минут этого представления я снова посмотрел на странную кучу хлама на моём столе и улыбнулся — у меня появилась идея.

— Собирайте всё это обратно, — сказал я, потушил сигарету, надел шляпу, и потянулся за плащом. — Мы немного прокатимся.

К тому времени, когда мы добрались до нашего места назначения, были уже сумерки. Дорога тянулась впереди нас как узкая белая лента, извивающаяся между гор. Слева от нас, внизу, были огни города, словно нарисованные маслом, а справа от нас был поросший густым лесом хребет, похожий на тёмный занавес.

Во время нашего путешествия мой клиент, на удивление, был молчалив. Он даже не спросил, куда и зачем мы едем. Он просто сидел и смотрел в окно,

погрузившись в свои мысли. Так мог себя вести только не местный. Или страдающий амнезией.

Я сбросил скорость и направил машину с дороги направо, остановившись у ветхих деревянных ворот, за которыми была узкая грунтовая дорога. Мы оба вышли. На воротах висел замок (как я и предполагал), поэтому я залез наверх, перевалил через них, и спрыгнул на другой стороне, едва не потеряв равновесие. Когда я обернулся, чтобы подсобить маленькому человечку, у меня от удивления раскрылся рот: ему каким-то образом удалось справиться самому, молча, и без видимых усилий. Он явно был более ловким, чем казался. Я мысленно сделал пометку: нужно проверить, есть ли сейчас в городе цирк.

Мы начали подниматься на хребет, маневрируя между выбоинами и свисающими на дорогу с обеих сторон ветками. День подходил к концу, и голые, качающиеся на ветру деревья смотрелись на фоне темнеющего неба гротескными силуэтами. Я отвернул ворот своего плаща, чтобы защититься от зимнего холода. Моего же клиента, похоже, холод не беспокоил. Задумавшись, он со всё большим нетерпением шёл вперёд. Мне пришлось ускорить шаг, чтобы не отставать от него, и, спотыкаясь на камнях и сталкиваясь со стволами деревьев, я заработал несколько ушибов.

Минут через пять тропа вывела нас на небольшую поляну, на которой, как я и припоминал, находился приземистый дом в испанском стиле, прижавшийся к скале словно ящерица. При его виде у клиента загорелись глаза:

— Здесь я, по-вашему, был, когда потерял свою память?

Я улыбнулся и покачал головой:

— Я, приятель, конечно, хороший детектив, но не настолько.

— О... — на его лице было такое разочарование, что меня это почти рассмешило. — А я думал, что вы воспользовались дедукцией...

— Что, как Шерлок Холмс?

— Хм... Он тоже частный детектив?

Я внимательно посмотрел на него, думая, не разыгрывает ли он меня.

— Нет, главный помощник окружного прокурора!

— О, — сарказм в моём голосе он, похоже, не уловил. — Итак, что вы предлагаете дальше делать? Посетителям тут, похоже, не рады, — он указал на прибитый к столбу ржавый знак:

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

НЕ ВХОДИТЬ.

ВАС ПРЕДУПРЕДИЛИ.

— Не волнуйтесь на этот счёт. Хозяин любит уединение, вот и всё. Он мне однажды помог в благодарность за моё участие в деле о шантаже, и мне кажется, что у него могут быть ответы и на ваши вопросы.

Хотя голос у меня был оптимистичный, внутри у меня нарастало беспокойство от мысли о том, что нужно снова посетить этот жуткий дом и его ещё более жуткого обитателя.

— Вы, наверное, подождите тут, — предложил я, — а я пойду и узнаю, есть ли кто-нибудь дома.

Тихонько насвистывая, я пересёк поляну и перепрыгнул несколько низких ступеней, ведущих к дому. Только я поднял руку к звонку, как вдруг из тени соседней арки выскочил человек размером почти как шкаф, и схватил меня сзади за шею, словно зажал её в тиски. Я инстинктивно начал пытаться вывернуться, но мои попытки были бесполезны. Чем сильнее я сопротивлялся, тем крепче он меня сжимал. Я начал задыхаться и решил, что пора действовать более решительно. Прогнувшись назад, я обхватил руками его шею. Затем, перенеся на руки весь свой вес, я оторвал ноги от земли, упёрся подошвами в деревянную дверь, и сильно оттолкнулся. Не отпуская друг друга, мы опрокинулись назад и полетели со ступеней головами вперёд на твёрдую каменистую

землю. От удара об землю мы расцепились, и я наконец-то снова смог дышать. Я откатился в сторону и упёрся спиной в кучу брёвен на краю поляны. Обернувшись, я увидел, что нападавший — смуглый мускулистый мексиканец, одетый в национальный кожаный пиджак и свободные штаны цвета хаки, подпоясанные верёвкой — лежал возле ступеней, держась за голову.

У меня отвисла челюсть, когда я увидел, что мой новый клиент молча подошёл, поднял с земли большой камень, и занёс его над головой, явно собираясь опустить его на череп мексиканца.

— Эй! — крикнул я. — Вы что творите? А ну положите на место!

Я встал на ноги, подбежал к нему, вывернул из его рук камень, и бросил его на землю. Человечек не мог в это поверить:

— Он же напал на вас!

— Да, но... работа у него такая. Ему платят за то, чтобы он охранял этот дом. Верно, Рамон? — повернулся я к мексиканцу.

С трудом встав на ноги, Рамон схватил меня за руку и так начал её трясти, что я испугался, как бы он мне плечо не вывихнул.

— Тысяча извинений, мистер Эддисон, — сказал он с сожалением на лице. — Я вас не узнал. Вы давно

уже к нам не приходили, а в тени у двери... Как мне заслужить ваше прощение?

— Да ладно, ничего страшного, — небрежно сказал я, словно со мной такое каждый день случалось.

Впрочем, если подумать, именно такое со мной регулярно и случалось.

— Мы с другом пришли проконсультироваться у твоего босса, — добавил я, кивая в сторону моего ошеломлённого спутника. — Если он дома, конечно.

Рамон широко улыбнулся, продемонстрировав свои кривые почерневшие зубы.

— О, да, сэр, он дома. Уверен, что он вас ждёт.

Рамон провёл нас по затхлому, освещённому свечами коридору к внушительного размера деревянной двойной двери, на которой были вырезаны какие-то оккультистские символы. Со стены над дверью на нас недобрым взглядом смотрела голова лося.

Мексиканец постучал в дверь и, секунду подождав, открыл её, пропуская нас в комнату. Это был большой кабинет, на стенах были книжные полки, в сделанном из песчаника камине теплился огонь, вокруг низкого круглого стола стояли три кресла, а в алькове в конце комнаты, за письменным столом из красного дерева сидела худая, потрёпанная временем фигура Ясновидца Сильвермана.

В полумраке Сильверман был похож на труп. Его тёмно-серый костюм, хоть и был хорошо скроен, болтался на его похожем на скелет теле, а мерцающие свечи отбрасывали на его осунувшемся лице контрастные тени. Когда он заговорил, его голос был похож на шорох листьев на ветру.

— Проходите, мистер Эддисон, проходите.

На его лице не было ни следа удивления нашему приходу, отчего возникало чувство, что он нас ждал. Встав из-за стола, он направился к нам, и его лицо исказила жуткая гримаса, которая, по-видимому, была попыткой улыбнуться. Мы обменялись рукопожатиями, и у меня было такое чувство, словно я сжимаю пальцами пучок веток. Я постарался не сжимать руку слишком сильно.

— Простите, что побеспокоил вас, Сильверман, да ещё и в такое позднее время, — я поймал себя на том, что нервно переминаюсь с ноги на ногу, словно непослушный школьник, которого отправили в кабинет директора.

— Ну что вы, мистер Эддисон. Я, как вы знаете, навечно у вас в долгу. Никогда не стесняйтесь навещать меня, если мой дар может сослужить вам службу, — он направил свой холодный, как сталь, взгляд на моего спутника. — А теперь, не представите ли вы нас?

— Ну, я бы с удовольствием, — ответил я, — но вы, видимо, уже и так знаете суть нашей проблемы. Дело в том, что я сам не знаю, кто это такой, да и он тоже не знает. Видите ли, он...

— Потерял память! Понятно, понятно.

— Да, он обратился ко мне за помощью, и я подумал, что, быть может, вы сможете что-нибудь о нём узнать. Я помню, как вы когда-то взяли часы одного человека, и...

— Смог узнать где он их купил и какая его постигла участь?

— Да, именно.

— Психометрия! — мой клиент так давно молчал, что его возглас застал меня врасплох. — Вы говорите о психометрии, верно? Да, она может помочь, — он пожимал руку Сильверману гораздо энергичнее, чем я, и внимательно его рассматривал. — Чрезвычайно важно выяснить, что со мной происходило после прибытия в этот город. Вы должны помочь мне вспомнить!

На лице Сильвермана снова появилась его жуткая, как у трупа, улыбка:

— Что же, я постараюсь, сэр.

Освободившись от рукопожатия незнакомца, он провёл нас к круглому столику. По указанию хозяина, Рамон взял у меня шляпу и плащ и поспешил уйти,

словно не желая видеть то, что будет происходить дальше. Мы расселись по трём обитым кожей креслам (которые, как мне кажется сейчас, были заранее расставлены в ожидании нашего прибытия) и Сильверман снова обратился к моему спутнику:

— А теперь, сэр, не найдётся ли у вас одного или двух предметов, которые для вас важны либо по каким-то причинам очень дороги, и которые я мог бы рассмотреть?

Я с трудом сдерживал ухмылку, когда незнакомец встал и повторил свой номер, который уже демонстрировал в моём кабинете: запустил руки в карманы и начал выкладывать груду барахла, включая вещи, которые — я был готов поклясться — в первый раз он не вынимал. Он вывалил всё это на стол перед нами и уселся, с лицом, исполненным радостного предвкушения.

Сильверман даже бровью не повёл. Бегло осмотрев эту коллекцию, он протянул руку и взял маленькую, но очень детальную модель птицы.

— Да, думаю, начнём с этого, — объявил он.

— Что же, хорошо, — согласился я. — Если это, конечно, не на Мальте сделано.

— Что?

— Простите. Профессиональная шутка.

Сильверман взял модель в пригоршню, и уставился на неё пронизывающим взглядом, глядя не столько на неё, сколько сквозь неё. Секунду или две ничего не происходило, а затем свечи в комнате начали мерцать и погасли. Единственным источником света остался огонь в камине, который сильно загудел, словно на ветру, но окрестности стола были освещены потусторонним светом, который, казалось, исходил прямо из рук Сильвермана, подчёркивая рельефность его костлявого лица.

— Я вижу человека, — нараспев произнёс ясновидящий, и его голос звучал так, словно доносился откуда-то издалека. — Высокого и элегантно одетого. Он несёт подмышкой большой прямоугольный свёрток. И поёт. Поёт во весь голос.

ПАДШИЙ АНГЕЛ

Энди Лэйн

Памяти Лесли Чартериса, 1907-1993 г.г.

Бенджамину Банни села муха на нос...

Чей-то баритон сотрясал ночной воздух, эхом отражаясь от зданий в Мейфэр¹, и казалось, что это целый хор решил оторваться во время полуночного кутежа.

Бенджамину Банни села муха на нос...

Констебль Шарплесс ускорил шаг; в нём боролись надежда увидеть краем глаза ночного певца и надежда на то, что тот будет слишком далеко, чтобы утруждать себя погоней за ним. По мнению Шарплесса, 1933 год был не очень урожайным на аресты, и хорошее «нарушение общественного порядка» определённо заслужило бы внимание сержанта Эймиса. Но, с другой стороны, было уже три часа ночи, и в верхних строках списка «Их разыскивает Шарплесс» значились чашка чая и обильный слой мази на его бурсите. А одинокие ночные певцы не попадали даже в первую десятку.

Бенджамину Банни села муха на нос...

¹ Квартал Лондона

Голос становился громче, видимо, Шарплесс и невидимый певец шли навстречу друг другу. Мысли о закидывании ног на стол и чашке горячего чая уступили место мечтам об аресте. О легендарном аресте! Где-то на задворках его сознания слабенький голосок уже начал репетировать слова: *«Я шёл по Парк Лэйн в южном направлении, и вдруг...»*

Рукой он махнул, и муху прогнал...

Летя на крыльях своих амбиций, Шарплесс свернул за угол и тут же наткнулся на высокого человека с пакетом подмышкой. Обычно в таких случаях его дородная фигура выходила победительницей, но пакет был жёстким и прямоугольным, одним из углов он сильно ударил Шарплесса по уязвимому месту. Тяжело дыша, констебль согнулся пополам.

— Ой, прошу прощения, констебль! — человек поддержал его под локоть, помогая распрямиться.

На полисмена глядели ярко-зелёные глаза; лицо было из тех, которые можно встретить у статуй в саду, например, статуй римских богов. Впрочем, у этого мужчины лицо своей молодостью и чертовщинкой в глазах скорее напоминало фавна.

— Позвольте поинтересоваться, что вы тут делаете, сэр?

— Разумеется, констебль. Интересуйтесь.

С этим типом будут проблемы, — подумал Шарплесс.

— И что же вы делаете, сэр?

— Иду домой.

Шарплесс был просто очарован покроем одежды этого мужчины. *Одежда не может так хорошо сидеть. За несколько часов носки она мнётся и обвисает. Во всяком случае, моя.*

— А вы в курсе, сэр, — спросил он, распрямляясь в полный рост, хотя и после этого ему приходилось заглядывать в слегка насмешливые глаза мужчины снизу вверх, — что пение в жилых кварталах в тёмное время суток является нарушением общественного порядка?

— Правда?

В голове полисмента промелькнула тень сомнения. Он её прогнал:

— Да, сэр, нарушение.

— О, — улыбнулся мужчина, — меня всегда поражало, сколько можно всего нарушить, даже если не собираешься ничего нарушать.

Столь предвкушаемая радость возможности совершить арест куда-то улетучилась. Что-то в этом человеке говорило об обилии предстоящей волокиты в сопровождении непрекращающегося потока насмешек, и перспективы проиграть в итоге дело в суде. Чашка

чая манила всё сильнее и сильнее. Ладно, последняя попытка:

— Позвольте спросить, а что... — он запнулся. — Что у вас в пакете, сэр?

Человек дал пакет ему. Пакет был высотой с самого Шарплесса. Полисмен осторожно раскрыл его.

— Это картина! — воскликнул он. — По крайней мере, мне кажется, что это картина.

— А вы молодец, констебль. Мы ещё сделаем из вас искусствоведа.

Шарплесс критическим взглядом осмотрел холст. В основном он был ярко-жёлтый, местами чёрные закорючки противостояли красным точкам.

— И что же она означает?

— Это портрет Мадонны с младенцем, кисти Рубенса, — ответил мужчина.

Шарплесс пытался переварить услышанное:

— Ну, я конечно об искусстве мало что знаю...

— Можете не продолжать, констебль, — прошептал мужчина, и ловко завернул картину. — Я вижу, что вы обладаете хорошим, тонким вкусом.

Вдали слышался какой-то шум. Из тумана раздавались крики и полицейские свистки. Внимание Шарплесса переключилось с мужчины на звук приближающихся к ним бегущих шагов.

— В этот раз я вас не задержу, — сказал он. — Но не забывайте, что люди хотят спать. Если вам приспичит петь — пойте в ванной.

— Благодарю вас, констебль. Постараюсь не забыть. Доброй вам ночи.

— Доброй ночи, сэр.

Мужчина неторопливо пошёл прочь, держа пакет так, словно тот был невесомый. Через несколько секунд он скрылся в тумане.

Когда Шарплесс обернулся, перед ним, тяжело дыша, возникла упитанная фигура в униформе.

— Сержант Эймис! — воскликнул Шарплесс.

— Шарплесс, произошло ограбление. Украдено последнее приобретение сэра Уоллейса Биэри! Картина, современное искусство. Вор даже не вырезал её из рамы, просто ушёл с ней, как так и надо. И ушёл в этом направлении.

Он вручил Шарплессу маленькую карточку. На ней был нарисован человек, который, если судить по крыльям с перьями и белым одеяниям, был ангелом, но дьявольская улыбка и раздвоенный хвост вызывали противоположные ассоциации.

Внизу готическим шрифтом было написано: *«Отмщение настигло вас от руки Падшего Ангела».*

Шарплесс быстро осмотрел и вернул карточку.

— Ещё одна, — вздохнул он. — Уже двадцатая в этом году. Что это всё значит?

— Вы были всю ночь на дежурстве, — прорычал Эймис. — Вы ничего необычного не видели?

Внезапно голову Шарплесса посетила мысль, от которой у него возникло ощущение, что он поднимается в лифте, а его живот остался в подвале.

— А что было нарисовано на картине? — осторожно спросил он.

— Она называется «Венера в мехах», — ответил сержант. — По описанию сэра Уоллейса это дадаистское изображение фаллической зависти, что бы это ни значило. А почему вы спрашиваете?

— Ну, — с явным облегчением ответил Шарплесс, — я встретил одного джентльмена, который нёс картину, но у него была «Мадонна с младенцем» Рубенса. Я бы заметил, если бы это была... как вы сказали?... Количество зависти?

Эймис недоверчиво посмотрел на Шарплесса. Тот отвёл взгляд.

Где-то вдали зазвучала песня:

Умница, умница, Бенджамин Банни...

Лукас Сейтон перестал петь и засмеялся. Ротозейство рядовых полисменов не переставало поражать его. Если эту картину сбыть в Амстердаме,

она может принести до четырёх тысяч гиней, но не из-за денег у него сверкали глаза, и было легко на сердце. Лукасу Сейтону не нужны были деньги.

Внезапно его внимание привлёк странный звук, доносившийся из одного из тупиковых переулков. Он огляделся. Никого не было видно. Звук повторился: скрежет металла по камню. Судя по звуку, это было что-то тяжёлое, слишком тяжёлое для пистолета — его первой версии. В окрестностях Лондона было некоторое количество людей, которые желали его смерти. Его загородный дом до сих пор не закончили ремонтировать после последней зажигательной бомбы.

Он быстро засунул картину под автомобиль. Судя по собравшимся вокруг колёс кучам листьев, он тут стоял уже несколько недель, так что добыча должна быть в безопасности. Ему даже на секунду не пришла в голову мысль проигнорировать шум. У Лукаса Сейтона — наследника одной из наиболее знатных и состоятельных семей в Англии, известного полиции, журналистам, и преступному миру под именем Падший Ангел — было два недостатка. Меньший из них — ненасытное любопытство.

Он тихо пошёл по переулку, не пригибаясь и не спеша, но и не упуская возможности скрываться в тени. Под подошвами его дорогих кожаных туфель чавкали гнилые овощи. Среди мусорных ящиков и

расшатавшихся камней мостовой бегали крысы. Кусок цепи с петлёй на конце — видимо, грубый вариант детской качели — зловеще раскачивался на молодом деревце, бросившем вызов неумолимой урбанизации Англии самим своим существованием в этом гибельном месте. Слабый свет луны покрывал крошащуюся кирпичную кладку тонкой серебристой патиной.

Когда в струившемся тумане стал виден конец переулка, Сейтон остановился. Четыре фигуры замерли в немой сцене. Три из них сверкали, словно на них были одеты доспехи. Их руки были подняты и направлены на четвёртого, который прижался к запертой металлической двери — возможно, чёрному входу в ресторан — словно его туда загнали.

— О божечки, — причитал он, заворачиваясь для защиты в полы своего длинного сюртука. — О, божечки, божечки!

Оружия не было видно, но ситуация намекала на то, что троица была вооружена. Это было похоже на ограбление. Он не стал даже думать о том, чтобы незаметно скрыться. Он не одобрял воровство. Во всяком случае, у тех, кто этого не заслужил — а невысокий человек казался ему типичной жертвой.

Падший Ангел шагнул вперёд.

— Простите, — сказал он, — это экскурсия анонимных агорафобов?

Слегка зашипев, три фигуры повернулись к нему. Вместо лиц у них был сплошной металл. Словно стебли цветков, их шеи были тонкими и гибкими. На спинах у них было что-то похожее скомканную ткань с шёлковым отливом, а ладони и ступни ног представляли собой зловещие бронзовые когтистые лапы.

Это было не просто нападение хулиганов на одинокого прохожего.

— Если бы я знал, что тут маскарад, то оделся бы Наполеоном, — сказал Падший Ангел.

Одна из фигур в доспехах шагнула вперёд. Когда она двигалась, из её суставов вырывались клубы пара. Её голова без лица отслеживала Падшего Ангела, шагнувшего в сторону.

Словно по волшебству, в руке Падшего Ангела появился пистолет.

— Как говорили многие, кого я повстречал за свою недолгую, но насыщенную событиями жизнь, — тихо сказал он, — «А что тут происходит?»

— Берегитесь! — крикнул маленький человек, нервно проведя рукой по взъерошенным чёрным волосам. — Они умеют летать!

— Уилбур и Орвилл Райты тоже умеют, — сказал Падший Ангел, — но пижамы они могут надевать без консервного ключа.

— Вы меня не поняли. Они опасны!

— Кто, Уилбур и Орвилл?

— Нет! — завопил человек. — Роботы!

Падший Ангел угрюмо усмехнулся:

— Какое совпадение, — прошептал он. — Я тоже опасен.

Вышедшее вперёд существо протянуло руку в непонятном жесте. Поток пламени вырвался из кончиков его пальцев и взорвал кусок кирпичной кладки рядом с Падшим Ангелом. Лукас бросился в сторону, приземлился изящным кувырком, и упёрся в другую стену. Он выстрелил раз, затем ещё, но пули, отлетая от головы существа, лишь высекали искры и рикошетили дальше по переулку.

Ещё одна вспышка — и поток осколков кирпичей словно ужалил шею Падшего Ангела. Он нагнулся, схватил с земли гнилой пучок салата, и швырнул его в существо. Листья шлёпнулись на металлическую маску и поползли на грудь, оставляя мокрые листья там, где у человека были бы глаза. Существо молча начало аккуратно соскребать со своей головы отходы.

А позади него два других существа начали подниматься в воздух на огромных полупрозрачных

крыльях, которые до этого были свёрнуты у них на спинах. Хлопающие крылья подняли в воздух обрывки бумаги и пищевых отходов, пальцами рук существа вели вслед человечку, который суетливо семенил к Падшему Ангелу.

— Я же сказал, они опасные, — сказал он; у него была странная манера быстро тараторить предложение, словно боясь забыть его завершение, а затем растягивать последнее слово, словно компенсируя. — Вам не следовало вмешиваться.

Падший Ангел посмотрел вверх. Два существа кружили над переулком словно металлические осы, а то, которое на него нападало, жужжа крыльями поднималось к ним.

— Ничего не мог с собой поделаться, — ответил он. — Как только увижу, что на кого-то напали металлические летающие люди, просто не могу не вмешаться.

— Только не подумайте, что я вам не благодарен.

— Кстати, я Лукас Сейтон, заступник падших, поднимающий упавший дух, возмездитель утерянных бабок, и бич фальшивой морали.

— А я Доктор... — его лицо приобрело преувеличенно обеспокоенное выражение, — но не знаю, долго ли мне осталось им быть.

Первым взрывом с мусорных баков сорвало крышки, и те полетели, словно смертоносные диски. Вторым взрывом в воздух подбросило Доктора и Падшего Ангела.

Пока они лежали на земле, два существа спикировали в их сторону, а третье отрезало путь отступления в переулок. Отмахиваясь от металлических когтей, тянущихся к его лицу, Падший Ангел лихорадочно думал над тем, как им сбежать.

В начале переулка раздался свисток, временно заглушивший низкий гул крыльев существ и присвист их конечностей. Когти немного отдалились, и у Падшего Ангела сердце чуть не замерло: он увидел в тумане силуэты двух полисменов.

— Убирайтесь, придурки! — крикнул он.

Он не испытывал особой любви к констеблям, но всему есть пределы.

— Что тут происходит? — спросил полисмен, который был пониже и потолще своего коллеги.

Падший Ангел узнал его голос — тот самый полисмен, который его останавливал.

— Вы знаете, который сейчас час?

Его слова утонули в сильном взрыве. Когда дым рассеялся, Падший Ангел рассмотрел лежащие на дороге два распластанных тела.

— Ну, всё, — пробормотал он себе под нос. — Шуточки кончились.

Он жестом показал Доктору, прятавшемуся в перевернутом мусорном баке, чтобы тот держался подальше. Доктор в ответ помахал бирюзовым платком, и утёр им пот со лба.

Падший Ангел вынул из мостовой разболтавшийся камень. Оценивая рукой его вес, он встал. Зависшие сверху три металлические существа снова обратили своё внимание на него.

— Эй, ребята, — весело крикнул он, — кто хочет сыграть в снежки?

Ближайшее существо начало снижаться к нему. Он отошёл на три шага и швырнул булыжник. Тот угодил роботу прямо по лицу, издав громкий звон, эхом пронёсшийся в ночи, словно удар Биг Бена. Отклонившись от курса, существо мотало головой, словно пытаясь отогнать докучливую муху.

— Бенджамину Банни села муха на нос! — запел Падший Ангел.

Доктор смотрел на него, как на сумасшедшего.

Отступив ещё на несколько шагов вдоль переулка, Падший Ангел поднял второй булыжник. Два других существа пытались взять его в клещи: разошлись, чтобы было две подвижные цели. Он отслеживал их перемещение вдоль краёв переулка. Движение его

руки было таким быстрым, что невозможно было разглядеть. Камень блеснул в темноте, и снова раздался звон, после которого один из роботов сбился с курса.

Третий робот пикировал на Лукаса, вытянув вперёд когти ног. Падший Ангел спешно отступил ещё на несколько шагов, пытаясь нащупать за спиной то, что — он помнил — должно было там быть. Несколько раз его рука хватала пустоту, а затем в неё попала холодная цепь детской качели.

Он пригнулся, и когти робота просвистели там, где только что была его голова. Ориентируясь в пространстве скорее инстинктивно, чем по расчёту, он набросил автомату на ногу петлю и быстро откатился в сторону. Автомат взмыл вверх, таща за собой на затягивающейся петле цепь.

Ни на секунду не останавливаясь, Падший Ангел вскочил на ноги и бросился по переулку к Доктору. Автомат, не желая терять добычу, развернулся в воздухе и спикировал следом.

Раздались несколько взрывов — видимо, автомату надоело сражаться на ближней дистанции. Сейтон увернулся от вспышек пламени, а затем, в точно рассчитанный момент, резко затормозил и развернулся. Когда безликая металлическая маска и сверкающие когти, отражая оранжевые отсветы

взрывов, заполнили его вид, заслонив небо, звёзды, и переулок, он улыбнулся:

— А вы в курсе, сэр, — сказал он с нарочитой помпезностью, — что выгуливать летающих роботов без поводка — нарушение?

Цепь натянулась, громко заскрипев. Деревце согнулось и затрещало. Когти царапали воздух у Сейтона перед носом, казалось, целую вечность.

А затем упругость дерева пересилила отчаянное жужжание крыльев механизма. Дерево распрямилось, потянув металлическое существо обратно со всё возрастающей скоростью, и в конечном счёте существо наткнулось на стену.

Земля затряслась, по стене переулка растеклось пламя. Искорёженные металлические конечности, шестерни и поршни посыпались на мостовую.

Посмотрев вверх, Падший Ангел увидел двух роботов, похожих на ярких мотыльков с серебристыми крылышками, поспешно улетающих на восток, где уже начал краснеть рассвет.

— Это было впечатляюще, — сказал голос.

Лукас обернулся и увидел Доктора.

— Похоже, для меня трусость оказалась лучшим, что было в храбрости², — ответил он. — Кажется, подходит время завтрака.

² Видоизменённая цитата из «Генрих IV» У. Шекспира.

— Должен признать, вы просто молодец.

— «Молодец как огурец, только не такой зелёный», как могла бы сказать моя матушка, если бы она имела склонность к глупым поговоркам. Но она такой склонности не имела, она была занята увеличением семейного имущества на рынке акций. Я предлагаю яичницу с беконом, потом ещё раз яичницу с беконом, и литр или два кофе. А потом, для разнообразия, ещё одну яичницу с беконом.

Он повернулся к выходу из переулочка, но, увидев разбросанные по тротуару человеческие останки, остановился. Доктор натолкнулся на его спину.

— Но вначале... — пробормотал Лукас и подошёл к тому месту, где на мостовой лежала одна из бронзовых лап существа.

Вынув из кармана маленькую карточку, он посмотрел на неё, положил её в лапу, и пошёл прочь.

Доктор подошёл и поднял карточку. Он осмотрел рисунок дьявола-ангела, прочёл подпись. Его подвижное, словно резиновое, лицо ухмыльнулось. Посмотрев вслед Падшему Ангелу, он пробормотал себе под нос: «Хм, интересно...», и поспешил догонять своего спасителя.

Далеко ему идти не пришлось: Падший Ангел стал на корточки и достал из-под автомобиля картину.

— Вот это, — сказал Лукас Сейтон, откидываясь на спинку кресла и довольным взглядом глядя на усыпанную крошками и обляпанную джемом скатерть, — был завтрак, так завтрак.

Доктор кивнул головой. Такого плотного завтрака он не припоминал ещё со встречи с Нероном. Языки жаворонков в тот раз были мелкими, но целую стаю жаворонков мелочью не назовёшь. Впрочем, он не мог не признать, что яйца с беконом были превосходны. И джем тоже.

Он осмотрел своего невероятного спасителя. Пока молчаливый слуга — бывший боксёр, судя по внешности — готовил завтрак, Сейтон сменил свой обляпанный отбросами костюм на жёлтый шёлковый халат. Он был любезен и расслаблен, можно было подумать, что ночью ему довелось только спать. А вот Доктор выглядел так, словно его протащили сквозь живую изгородь. Причём дважды.

Всё было бы не так плохо, если бы он был в менее роскошной обстановке. Меблировка дома Сейтона в Кенсингтоне была похожа на хозяина: дорогая, подобранная со вкусом, и с более чем намёком на оригинальность.

— Ещё чаю, Арчибальд? — спросил Сейтон.

— Да, спасибо. Только меня не Арчибальд зовут.

— А как же вас зовут?

— Зовите меня просто Доктор.

Сейтон улыбнулся:

— Я всегда недолюбливал врачей. Когда я последний раз пожелал своему врачу доброго утра, он мне выставил счёт в пятнадцать гиней за то, что ответил мне тем же. То же самое и адвокатами: паразиты на теле человечества. Как там сказал старина Уилл³? «Первым делом мы перебьем всех законников». Ну и врачей туда же. И налоговых инспекторов, — внезапно он вернулся к их разговору: — Нет, лучше я буду звать вас Арчибальд. Чтобы не вспоминать о том, что вы доктор.

— А вы, кажется, назвались Сейтон, я не ошибаюсь? Полагаю, это довольно древний род.

На лице Сейтона промелькнула тень. Когда он заговорил, в его голосе уже не было легкомыслия:

— Сейтоны известны ещё с тех пор, как Гарольд⁴ лишился глаза при Гастингсе. Семейное поместье даже удостоено отдельного упоминания в «Книге Страшного Суда»⁵, как места, которое стоит стереть с лица земли. Не самые приятные люди, учитывая все эти их права первой ночи, грабежи, охоту.

³ Уильям Шекспир.

⁴ Гарольд II Годвинсон — король Англии (1066 год), погибший в битве при Гастингсе.

⁵ Поземельная перепись, проведённая в Англии в 1085—1086 годах по приказу Вильгельма Завоевателя.

— А я считал охоту старым добрым английским способом провести досуг.

— Это если в качестве дичи не использовать женщин и детей.

Сейтон отвлёкся, наливая Доктору чашку чая, а себе — кофе.

— Уильям Сейтон, — припомнил Доктор, — правая рука короля Джона. Вернул сажание на кол как способ казни.

— Вы слышали о нём? — Сейтон был заинтригован.

Рот Доктора неодобрительно скривился:

— Встречал... людей, которым доводилось слышать.

— Примерно тогда разгневанные крестьяне начали называть мою семью «Сатаны», а не «Сейтоны». Я последний в этом роду, и до конца моих дней не намерен изменять это.

— Если вы будете действовать так, как вы действовали этой ночью, — предостерёг Доктор, — это может произойти раньше, чем вы рассчитываете.

Сейтон надпил кофе и улыбнулся:

— Кстати, по поводу ночных событий... — напомнил он и посмотрел на Доктора.

Доктор заёрзал в кресле:

— Это будет непросто объяснить.

— Вы называли их «роботы».

— Роботы, верно. Это от чешского слова «рабочий».

— А мне они показались металлическими людьми. Металлические люди с крыльями.

Доктор посмотрел на Сейтона, удивляясь его спокойному тону:

— И вам это не кажется странным?

Сейтон встал из уютного кресла и подошёл к деревянному шкафу. Отперев дверцу, он вынул из шкафа модель утки и поставил её на стол.

— Вот, посмотрите, — сказал он.

Доктор посмотрел. У того, кто изготовил эту модель, должно быть, были золотые руки. Перья были металлические, эмалированные тонким зелёно-голубым покрытием, которое сверкало на расстоянии, но в то же время детали были проработаны так подробно, что можно было различить отдельные пёрышки. Он ткнул пальцем утке в грудь. Металлические перья слегка подались под давлением.

— Она изготовлена чуть меньше двухсот лет назад Жаком де Вокансоном, — тихо сказал Сейтон. — Их было всего пять, это одна из них.

Он нажал что-то под хвостом утки. Задрожав, модель птицы ожила и огляделась с умным блеском в

стеклянных глазах. Изогнув шею, она принялась изображать чистку перьев.

— Очень впечатляет, — сказал Доктор.

— Заводной механизм, — сказал Сейтон. — Больше пяти тысяч отдельных деталей.

Устав чиститься, утка выпрямила шею и широко расправила крылья.

— В одних только крыльях четыреста деталей, — добавил Сейтон.

— Это всё весьма интересно, — сказал Доктор, в то время как утка, раскачиваясь, подошла к его чашке чая и начала из неё пить, — но я не понимаю, к чему это?

— Если можно сделать автоматическую утку, значит можно сделать и автоматического человека. Даже с крыльями. Это вопрос всего лишь масштаба. Нет, напавшие на вас ночью существа меня не очень удивляют. А вот что мне интересно, так это *почему* они на вас напали?

Доктор отодвинул чашку и недовольно смотрел, как утка тыкалась клювом в пустоту.

— Проблема с роботами в том, что они лишь следуют приказам, понимаете? — наконец сказал он.

— Если обстоятельства изменяются, они не всегда способны к ним приспособиться.

— К чему вы клоните?

Доктор нагнулся ближе к металлической птице.

— Кря! — громко сказал он. — Кря!

Утка не прореагировала.

Сейтон снисходительно улыбнулся:

— Ну, хорошо, можете вначале поиграться.

— Те летающие существа были запрограммированы стеречь жителей некого дома, возвращать в него беглецов, и убивать любого, кто попал туда по ошибке, — сказал Доктор, поняв, что отвлечь Сейтона от этой темы не удастся. — Я и мои спутники... оказались... в этом доме. Охранники обнаружили нас, но мне удалось выбежать из дома, — он нахмурился. — Я спрятался в первом же подвернувшемся месте: в кузове грузовика, перевозившего капусту. Надо же было додуматься! Должно быть, я выбежал за пределы территории этого поместья и попал на соседнюю ферму. И меня повезли на рынок в Ковент Гарден⁶! Я не осмелился говорить что-то водителю, потому что видел, что роботы преследуют грузовик. Если бы мы остановились, они бы схватили и убили нас обоих. Я спрыгнул в Кенсингтоне⁷, но они почти не отстали, — его лицо стало грустным. — Не знаю, что случилось с моими спутниками, мне нужно вернуться и найти их.

Лукас Сейтон откинулся на спинку кресла.

⁶ Район Лондона.

⁷ Район Лондона.

— А что такого важного в обитателях дома? — спросил он.

Доктор наблюдал за тем, как утка помахала хвостом, крякнула, и затихла.

— Она, должно быть, часть семейного наследства, — ни с того ни с сего сказал он.

— Да, но не моей семьи, — ответил Лукас Сейтон.
— Я её украл.

Доктор неодобрительно посмотрел на него:

— Украли?

— Я ворую.

— Почему?

— А почему бы и нет?

— Что за глупость!

Доктор топнул ногой — насколько это было возможно в сидячем положении, когда ноги не достают до пола. Он хмуро посмотрел на Сейтона:

— Воровать — плохо.

На лице Сейтона промелькнула лёгкая улыбка:

— Хуже, чем пытаться? — спросил он, с лёгким ударением на последнем слове.

— Нет, конечно же, нет.

— Хуже, чем убивать?

— Я не вижу...

— Хуже, чем шантажировать?

— Нет, но...

— Мои предки очернили фамильное имя и уничтожили фамильную честь. Я богат благодаря страданиям других. Несколько лет назад я присягнул попытаться частично искупить это, — он указал на яркую, картину, стоявшую у стены. — Вот это я украл этой ночью. Украл из дома мужчины, который отравил трёх своих предыдущих жён, женившись на них ради их приданого. Все деньги, которые я за неё получу, будут анонимно розданы бедным. Эту утку я украл у торговца наркотиками, снимавшего порнографию, который соблазнил несчётное количество девушек и обрёк их на путь деградации.

— Понятно, — тихо сказал Доктор. — Вы считаете себя современным Робин Гудом, или кем-то вроде того персонажа, как он назывался? Святой? Почему просто не раздать своё семейное наследство?

Не мигая, Лукас Сейтон пересёкся взглядом с Доктором:

— Робин Гуд был бедным и жил в лесу. Я же слишком привык к комфорту. Когда я умру, оставшееся состояние Сейтонов пойдёт на основание фонда для тех, кому в жизни повезло меньше, чем мне. То есть, практически для всех, поскольку себя я считаю самым удачливым человеком в мире.

— А что насчёт тех, у кого вы воруете? Каким образом кража одного или двух предметов их наказывает?

Сейтон подошёл к окну и выглянул на улицу.

— Обычно для признания вины в суде улики недостаточно, — сказал он, помолчав, — и я не желаю быть палачом. Отобратить у них их состояние, их радость — самое большее, что я себе позволяю. Я знаю, на чьей я стороне. Я крепко сплю по ночам. Вы можете похвастаться тем же?

— О, да, — сказал Доктор. — Если я вообще ложусь спать, то сплю крепко, — он вздохнул. — Каждый по-своему, мы оба на стороне ангелов.

Сейтон едко рассмеялся:

— Так я себя и называю, — сказал он. — Падший Ангел. Мне показалось, что в этом что-то есть.

Он снова повернулся к Доктору, усилием воли вернув своему лицу обычное легкомысленное выражение.

— Итак, Арчибальд, — сказал он, — куда нам ехать, чтобы спасти ваших друзей?

Доктор посмотрел в открытое, улыбающееся лицо Лукаса Сейтона, и у него на сердце стало легче. Можете любить человечество или ненавидеть, но нельзя отказать им в непредсказуемости.

Что касается Доктора, то он обожал человечество.

— Это усадебный дом в Сассексе, — сказал он. — Во всяком случае, так он выглядит в данный момент. У него есть свойства хамелеона. Я смогу его найти. Думаю, смогу.

— И чего можно ожидать, когда мы попадём туда?

— Опасности, разумеется, — Доктор нахмурился. — Нет, я не могу рассчитывать на вашу помощь. Это чересчур рискованно.

— Глупый медвежонок, — сказал Сейтон, — я всегда хотел отправиться в экспедицию.

— В *экспедицию*? — подозрительным тоном спросил Доктор.

— Именно. И именно потому, что я так недружен с законом, я буду очень полезен в предстоящем приключении.

Где-то в глубине души Доктор улыбнулся, но сделал всё возможное, чтобы его лицо осталось обеспокоенным. Обычно это он цитировал Винни-Пуха. И когда его опередили, он даже немного растерялся.

— Значит, отправляемся в путешествие с новым компасом козла? — невинным тоном спросил он.

— Именно так, медведь. И будем надеяться, что не дойдём до края кирпича.

Волосы Доктора развевались на ветру, словно хвост небольшой кометы. Он вцепился в приборную доску «Лагонды» Лукаса Сейтона — машины с открытым верхом, которую швыряло на скорости на каждом повороте.

— А нам обязательно ехать так быстро? — он постарался перекричать рёв мотора.

— Нет, конечно же, не обязательно, — улыбнулся Сейтон и вдавил педаль газа до самого пола.

«Лагонда» бросилась вперёд, как гепард, который только что вспомнил о свидании.

— Какая у вас обычная процедура в таких случаях? — прокричал Доктор.

— Обычная дура?

Глубокий вздох Доктора был унесён встречным потоком воздуха. Это непреходящее легкомыслие уже начинало действовать ему на нервы. На минутку он задумался о том, а не действовал ли он сам на нервы людям аналогичным образом.

— Что мы будем делать, когда приедем на место?

— Я никогда не планирую, это слишком скучно. Нет, мой авокадо, на повестке дня — импровизация. Так вы мне расскажете, кто в том доме?

— Вы мне не поверите.

— В таком случае я сразу пойду и постучусь в главный вход.

— Нельзя это делать!

— А вот увидите, Арчибальд.

Доктор промокнул лицо носовым платком.

— Ну что же, — вздохнул он. — Я расскажу вам историю о войне, и тех, кто её начал. Они считали, что правят вселенной. Они искренне верили в свое божественное право подчинять всех остальных, и чтобы доказать это, они готовы были убить любого. Проблема была в том, что очень многие поверили им, и сражались на их стороне, — пока Доктор рассказывал, привычная невинная неуверенность в его голосе пропала, голос стал холодным и жёстким. — Погибших было больше, чем вы или я смогли бы сосчитать за миллион лет. Существа, похожие на нас с вами, и другие, совсем не похожие. Солнца взрывались; планеты выворачивались наизнанку. В конце концов, они были побеждены, как это всегда бывает с тиранами, но какой ценой! — он задумался — его глаза до сих пор видели ужасы прошлого.

— И что вы с ними сделали? — тихо спросил Лукас Сейтон.

Доктор даже не заметил, что ему приписали участие:

— А что мы могли сделать? Они просто вели себя как дети. Мы не могли их убить, это сделало бы нас

такими же, как они. Поэтому мы заключили их в тюрьму сознания.

«Лагонда» немного замедлилась, и внезапно свернула в ворота и выехала на поле. Перед ними был большой ангар, который, похоже, проигрывал в войне против ржавчины.

— Мы аккуратно стёрли из их памяти все следы их поражения, и перенесли их сюда. Мы дали им дом, и сказали, что это засекреченная крепость; дали им охранников, и сказали, что это слуги. Они по радио отдавали приказы, и получали поддельные рапорты об их выполнении. У них бывают победы, бывают поражения, но всё это понарошку. Им хорошо, и остальным хорошо. Дом замаскирован так, что никто не считает его странным.

«Лагонда» с визгом остановилась. Солнечный свет блестел на чём-то, стоявшем внутри ангара.

— И когда это всё произошло?

— О, очень давно, — сказал Доктор, проведя рукой по волосам, чем только растрепал их ещё сильнее. — Очень, очень давно. Это ваш самолёт?

— Вам нравится?

У Доктора горели глаза. Поспешив за Сейтоном в ангар, он зачарованно разглядывал большой, но в то же время хрупкий, двухместный биплан «Бристоль F.2B».

— Интересная история, — продолжил Сейтон после того, как проверил самолёт с компетентностью, которая противоречила его обычным манерам. — И вы оказались в этом доме абсолютно случайно?

— Я везде оказываюсь абсолютно случайно.

Что-то над кокпитом, над крыльями, привлекло внимание Доктора и он, не понимая, пытался рассмотреть это. Оно было похоже на раму-«ходилку» для престарелых, к которой были пристёгнуты ремни.

— А что это там? — спросил он, указав рукой.

— Неважно, — сказал Сейтон с поддельной небрежностью.

Доктор вскарабкался по борту в кокпит.

— И как они поживают? — спросил Сейтон.

— Кто?

— Эти мифические правители вселенной, которые на самом деле ничем не правят.

— Я так и не смог их увидеть. Охрана заметила нас, как только мы вышли из ТАР... — Доктор неожиданно прикусил язык. — Божечки, это что, пулемёт? — он указал на большую конструкцию из двух цилиндров с отверстиями для охлаждения.

— Он самый, медведь, — ответил Сейтон.

Но внимание Доктора уже переключилось на другое. Его нога нащупала педаль и начала интенсивно

её нажимать, отчего закрылки начали подниматься и опускаться, а руль поворачиваться.

— Почему-то я его так и не снял, — слышался из темноты чей-то голос. — Такой уж я, видимо, романтик.

Доктор от неожиданности вздрогнул. К ним, вытирая тряпкой замасленные руки, шёл мужчина в драном лётном костюме. У него было уверенное, загрубелое лицо. Глаза сверкали как осколки голубого льда.

— Кеттерс! — воскликнул Лукас Сейтон. — Как, чёрт возьми, поживаешь?

— Люк! Я получил твой запрос. Твоя любимица заправлена и готова лететь.

— Чудесно, — Сейтон поманил Доктора, сидевшего в кокпите. — Арчибальд, это мой добрый друг и подельник Пол Кеттеринг, известный официально как командир эскадрона Кеттеринг, и известный каждой собаке как Кеттерс из «Летающего цирка Кеттерса». Среди тех, у кого нет перьев, никто не летает лучше него, да и из тех, кто с перьями, не каждый с ним поспорит. Мы с ним вместе на войне были, — он указал рукой на Доктора. — Кеттерс, у этого дружелюбного лунатика по имени Арчибальд серьёзные неприятности. Его друзей похитили, сам он

в полном замешательстве, а ещё ему нужен хороший портной. Мы ему можем помочь?

— Можешь на меня рассчитывать, — сказал Кеттерс.

— Хм... — осмелился вставить Доктор, — позвольте спросить, а зачем нам самолёт? Он, конечно, замечательный, но я не понимаю...

— Я решил, — сказал Сейтон, — что проще всего будет разобраться с летающими машинами, если и сам летишь на машине.

— Так у нас драка предвидится? — спросил Кеттерс, взяв со скамьи шлем пилота.

— Я объясню по пути, — сказал Сейтон.

— Но тут только два места, — возразил Доктор. — Как мы туда все поместимся?

Сейтон и Кеттерс посмотрели друг на друга, а затем на верхнюю часть биплана. Доктор проследил за их взглядом и увидел конструкцию из труб и ремней над верхним крылом.

— О боже, — вырвалось у него.

Гул ветра в растяжках крыльев заглушал рёв двигателя и крики Доктора, пристёгнутого наверху к месту для акробата, выполнявшего трюки на крыле. Лукас Сейтон удовлетворённо смотрел на проплывающие под ними поля и леса Англии. Только

здесь, высоко над суетой честных добропорядочных граждан с их шляпами-котелками и свёрнутыми зонтами, он по-настоящему чувствовал себя спокойно.

— Что он там лопочет? — прокричал Кеттерс из заднего кокпита.

— Что-то о чёртовой бабушке, — крикнул Сейтон.

— Ему она тоже родственница?

— Не знаю. Кстати, я тебе рассказывал о том, как моя тётя Ада спрыгнула с парашютом с Бен Невиса?

Через несколько секунд Кеттерс ответил:

— Расскажешь в другой раз, старина. Бандиты на десять часов.

Сейтон не сразу заметил в небе то, что заметил Кеттерс: три маленькие фигурки, сверкая под английским солнцем, поднимались к ним.

— Рано они появились, — крикнул он. — До того дома, который Арчибальд указал на карте, ещё пол мили.

— Может быть, они его могут унюхать?

— Вполне возможно. Может быть, удастся одного из них натаскать на трюфели?

Тональность воплей Доктора изменилась. Он, видимо, тоже заметил нападавших.

— Держитесь крепче! — крикнул ему Сейтон. — Дорога тут ухабистая!

Металлические летуны выстроились клином. Кеттерс направил «Бристоль» круто вверх, чтобы увеличить разницу в высоте. Сидящий в переднем кокпите Сейтон для проверки выстрелил пару очередей из пулемёта. Светящиеся линии трассирующих пуль превратили небо в голубое полотно, прошитое белыми нитками.

— Разнесём эту чертовщину, — пробормотал Падший Ангел и невообразимым образом, несмотря на рёв двигателя и завывание ветра в растяжках, Кеттерс расслышал каждое слово.

Первым проявлением атаки была линия из взрывов, последовательно вспыхнувших перед ними. Кеттерс дёрнул рычаг управления, и биплан сместился в сторону, сбрасывая высоту. Затем Кеттерс снова выровнял курс. Падший Ангел, прищурившись, дождался, пока в перекрестии прицела появился силуэт. Почувствовав, что Кеттерс выровнял курс, он нажал на гашетку. Бристоль в этот момент летел почти ровно, а робот в ста метрах перед ними набирал высоту. Сейтон мягко жал на гашетку, между пулемётом и роботом протянулась линия ярких вспышек. В полупрозрачных крыльях появилась череда дыр, робот дёрнулся. Он попытался уйти с линии огня, но Кеттерс предвидел его манёвр и направил самолёт следом. В крыльях дыр стало

больше, чем металла, и на глазах Павшего Ангела их разорвало на серебристые тряпки, которые трепетали позади робота, начавшего падать.

— О, боже... — раздался у них над головами крик, — оглянитесь!

Падший Ангел резко обернулся и увидел, что у них на хвосте два робота. В их гладких масках отражались яркие краски самолёта и бледно-розовое лицо Доктора, смотревшего на них с раскрытым ртом. Кеттерс, повинуясь инстинктам, направил самолёт круто вверх, и очень скоро они уже летели вверх ногами. Для роботов это было неожиданностью и они не успели прореагировать, а Кеттерс тем временем перевернул самолёт и заложил ещё одну петлю. Когда он выровнял самолёт, роботы, не знакомые с переворотом Иммельмана, были на сто метров ниже и летели в другую сторону. Кеттерс развернул биплан и спикировал на них. Падший Ангел накрыл левого робота длинной очередью и с удовольствием смотрел, как тело разваливается на конечности и механизмы, разливая липкую чёрную жидкость.

Правый робот ловко развернулся в воздухе и начал набирать высоту. То ли инстинктивно, то ли осознанно, он оказался в слепом пятне под бипланом.

Кеттерс снова потянул рычаг, самолёт накренился и повернул, а Падший Ангел тем временем отстегнул

свой ремень и, нагнувшись за борт, посмотрел вниз. Нижнее крыло закрывало часть неба; существа не было видно.

И вдруг из-под крыла возникла металлическая рука, схватила его за куртку и выдернула из кокпита.

Он падал. Поля под ним вращались. Выдернув из-под куртки пистолет, он попытался обернуться и выстрелить в существо, прицепившееся к шасси, но самолёт уже был слишком высоко над ним и с каждой секундой удалялся. Сейтон дёрнул за вытяжной трос, надеясь, что парашют затормозит его достаточно, чтобы суметь сделать выстрел, но парашют раскрылся с таким рывком, что Сейтон выронил пистолет. Замерев, он следил за его падением. Не будучи одним из тех, кто унывает, он снова взглянул вверх и увидел, что робот подставляет свою руку под лопасти пропеллера. В воздух полетели щепки, и здоровый гул мотора сменило перегруженное завывание. Кеттерс пытался выровнять самолёт, но «Бристоль» был известен тем, что планировал как буханка хлеба. Самолёт начал падать; грациозно, но бесконтрольно.

— Спасайтесь! — крикнул Падший Ангел.

Ему показалось, что Доктор пытается высвободиться из своих ремней, но Кеттерс не переставал пытаться направлять самолёт. Порывом ветра Падшего Ангела отнесло в сторону. Он падал в

направлении особняка, построенного на большом земельном участке. Земля приближалась быстро и неумолимо, как вираж на гоночной трассе. Он потянул стропы, чтобы развернуться. «Бристоль» быстро падал недалеко от него, оставляя позади себя шлейф из густого дыма. Над самолётом висела на парашюте одинокая фигура. Он не мог разглядеть, Доктор это или Кеттерс.

Биплан встрял в землю, развалился, его окутал огонь. Пока Падший Ангел мысленно прощался с тем, кто остался в самолёте, земля из абстрактной картинки превратилась в твёрдую реальность, и сознание покинуло его, словно блестящая детская игрушка, выроненная в колодец.

Очнувшись, Падший Ангел увидел грустно смотревшего на него Доктора.

— Для ангела вы слишком некрасивы, а в ад я надеюсь не попасть, — сказал Сейтон, — значит, я всё ещё жив.

— Вам повезло, — ответил Доктор.

— Я этому чрезвычайно рад. Кеттерс?

Доктор покачал головой:

— Боюсь, что...

— Склеил ласты, да? Он всегда хотел такой смерти, — он встал и оглядел сад, идеальный вид

которого нарушали лишь два одинаковых парашюта и обгорелые остатки самолёта, лежавшие дальше. — *«А когда я умру, подумайте обо мне лишь следующее: есть где-то в Англии кусочек поля, который навсегда стал Кеттерсом».*

Он вздохнул и повернулся к Доктору:

— Ладно, а почему живы мы?

— Охранники пару раз пролетали над нами, но я прикрыл нас парашютами, и они подумали, что мы мертвы. Я же говорил, что их программа не отличается гибкостью. И это всё?

— О чём вы?

— О поминании мистера Кеттерса. Вы не переживаете по поводу его смерти?

— Позвольте объяснить вам кое-что, Альфонс...

— Раньше вы называли меня Арчибальдом.

— Сейчас вам больше подходит Альфонс. Кеттерс жил так же, как и я: ходил по краю. Он не боялся смерти. Когда мы с ним снова встретимся в Зале Счастливых Пиратов, мы опрокинем несколько бокалов и посмеёмся над тем, что сегодня случилось. Я не собираюсь горевать о нём, потому что не считаю, что его не стало. Мы просто временно расстались.

Доктор посмотрел в глаза Падшего Ангела. Они ему сказали не больше, чем слова.

— Вы хоть чего-нибудь боитесь? — тихо спросил он.

— Только того, что в мире когда-нибудь не будет веселья. А теперь идёмте спасать ваших друзей.

Они прокрались к особняку через кустарник. Здание было чудовищем в стиле Тюдор, и даже беглый его осмотр подтверждал рассказ Доктора о том, что оно было создано для того, чтобы удерживать кого-то внутри, а не защищать от опасности снаружи. Устройства, размещённые вокруг оконных рам, были незнакомы Падшему Ангелу, но их предназначение было очевидным, и он не видел способа обойти их.

Разве что...

— Роботы же должны как-то входить и выходить, верно? — спросил он у Доктора. — Видимо, сквозь люк в крыше.

— Вполне вероятно, но...

— Значит, у них должно быть что-то, что позволяет им проходить сквозь систему охраны? Что-то, что говорит «Привет, я гадкий робот, не надо бить тревогу», ну или что-то в таком духе.

— Ну-у...

— Так пойдёмте, пороемся в останках.

Тело робота, уничтожившего самолёт, отбросило во время падения в сторону; теперь его ноги торчали

из куста. Доктор залез в куст и вылез лишь через десять минут, много раз до этого крикнув «ах, чтоб тебя!» и «боже мой!». В руках у него было какое-то устройство, которое, как он заверил Падшего Ангела, было именно тем, что им было нужно. Падший Ангел опустил добычу себе в карман, и они направились к дому.

— Залезайте мне на плечи, — сказал падший Ангел.

— Но?..

— Этот приборчик, возможно, срабатывает только на одного.

— Ну, ладно, — проворчал Доктор и сделал так, как ему было велено.

Вот так, уже не в первый раз, Падший Ангел вошёл в хорошо охраняемый дом через парадный вход. На взлом замка ему понадобилось меньше минуты, несмотря на то, что на спине у него сидел Доктор.

— Странно, что я раньше никогда не слышал об этом особняке, — сказал Падший Ангел, ступая вовнутрь тёмной прихожей.

Внутри здание не было похоже на усадьбу. Коридоры были из какого-то белого, похожего на мрамор, материала.

— Как вы скрывали его от всех?

— Мы создали в этой местности что-то вроде слепого пятна. Если сюда кто-то и забредёт случайно, то забудет об этом в течение нескольких часов.

— А это предусмотрительно.

— Да, мы тоже так подумали.

Коридор расширялся в некое подобие зала, и Доктор радостно вскрикнул. Подойдя ближе, Падший Ангел увидел прямо в середине зала полицейскую будку, которая не вписывалась в интерьер.

— ТАРДИС! — сказал Доктор. — Она всё ещё тут!

— Какое облегчение. А что такое ТАРДИС?

— Это мой... не важно.

Падший Ангел хотел было настоять, но в этот миг дверь будки со скрипом приоткрылась и оттуда выглянула девушка. На ней был надет серебристый облегающий костюм, выгодно подчёркивавший её восхитительную фигуру, а её милое, округлое лицо было исполнено радостью.

Над ней появилось второе лицо: довольно воинственно настроенный молодой человек.

— Доктор!

— Джейми, Зоуи! Слава богу, вы живы!

— Вопреки желаниям тех металлических тварей,
— сказал молодой человек с сильным шотландским акцентом. — Они гонялись за нами и наверху, и внизу, и...

— И в комнате миледи⁸, чтоб мне лопнуть, — закончил фразу Доктор.

Он светился от радости, потирал руки, что не нравилось Падшему Ангелу, на шее которого Доктор продолжал сидеть.

— Точно, так и было! Нам повезло, мы успели добежать до ТАРДИС раньше, чем они нас догнали. Похоже, они нас не видят, если мы не выходим.

— А кто этот мужчина? — недоверчиво спросила Зоуи.

Падший Ангел обезоруживающе улыбнулся:

— Всего лишь бродячий артист, единственная цель которого — расстраивать злодейские козни и разочаровывать благоразумных граждан.

— Он серьёзно? — спросила она у Доктора.

— Ни разу его серьёзным не видел, — тихо ответил Доктор, спрыгивая с плеч Падшего Ангела.

— Да что же вы делаете! — крикнул Падший Ангел, но было уже поздно.

На Доктора защитное действие отобранного у разбитого робота устройства больше не распространялось. Доктор шлёпнул себя ладонью по лбу.

⁸ «...Вверху, внизу, и в комнате миледи» — строка из детского стихотворения «Goosie Goosie Gander».

— Доктор, — тихо сказал Падший Ангел, — у вас в голове одни опилки.

— Я знаю, — скромно согласился Доктор.

Всё началось со слабого шороха вдали, затем послышался хруст, как ночью в лесу, а затем их стало видно. Огромные металлические пауки бежали по потолку и стенам, они вылезали из всех коридоров, которые отходили от зала.

— Назад в ТАРДИС! — крикнул Доктор Зоуи и Джейми, но они и сами догадались.

— Домашняя охрана, — сказал Доктор Падшему Ангелу. — Когда скажу «бежим!», мчите, как заяц.

— Как-как вы скажете? — спросил Падший Ангел, когда многоногие роботы посеменили к ним, раскрыв металлические клыки.

— «Бежим»! — сказал Доктор.

И они побежали.

Проход к парадному входу был перекрыт особенно зловещим металлическим арахнидом, поэтому они бросились по боковому коридору. Забежав в комнату, обставленную старинной мебелью, Падший Ангел и Доктор захлопнули за собой дверь и начали нагромождать возле неё всё, что попадалось под руку. Столы, стулья, серванты, полки — всё пошло в дело. Дверь задрожала под ударами охранников. Вокруг дверной коробки начала отваливаться штукатурка.

Падший Ангел огляделся в поисках ещё чего-нибудь, годного для баррикады.

— Моя святая тётя! — воскликнул Доктор.

Падший Ангел обернулся. И хотя часть его мыслей вертелась вокруг того, что среди родственников Доктора есть и черти, и святые, и на язык просилась острота на этот счёт, остальная часть его сознания была ошарашена видом трёх трупов, вцепившихся друг в друга посреди комнаты. Свет из венецианского окна сверкал на их покрытых шипами, похожих на крабов панцирях. Панцири были расколоты и внутри были видны клочья голубоватой плоти и следы высохшей зелёной жидкости. Это были кто угодно, только не роботы.

— Похоже, они убили друг друга, — сказал Доктор, осторожно ткнув в ближайший труп красивым стулом эпохи Луи XIV, и сразу отпрыгнув. — В программе охранников такое не было предусмотрено.

— Откуда вы знаете?

— Их я программировал.

Дверь дёрнулась, опрокинув сервант.

— В окно! — одновременно сказали они.

Они синхронно врезались в венецианское стекло. Включилась сигнализация, но их это уже не беспокоило. Падший Ангел приземлился кувырком, вскочил на ноги, и успел пробежать несколько шагов,

прежде чем сообразил, что Доктор приземлился головой вперёд в красиво ухоженную клумбу. Он вернулся и едва успел выдернуть Доктора из многочисленных лап одного из охранников, выбиравшегося из открытого окна. Беглого взгляда хватило, что бы увидеть, что в комнате полно металлических существ.

На середине газона он услышал, как позади него землю разрывают когтистые лапы. Острые когти вцепились в его пиджак, но ему удалось высвободиться; он бежал дальше. Для своего невысокого роста Доктор был весьма проворен. Фалды его сюртука развевались на ветру, а колени он поднимал так высоко, что доставал до своей груди.

Колючая металлическая клешня ухватила Падшего Ангела за плечо и потянула его к распахнутой пасти, в которой во встречных направлениях вращались похожие на пилы зубы. Он попрощался с жизнью, любовью, и весельем.

Глубокое стаккато заглушило скрежет зубов, и ноги металлического паука начали изгибаться под неожиданными углами. Падший Ангел высвободился, откатился в сторону, и, не веря в такую удачу, смотрел, как орда преследователей разваливалась под градом раскалённого металла. Чтобы избежать судьбы, постигшей охранников, они с Доктором поползли по-

пластунски к кустам, из которых вёлся прикрывающий их огонь.

— Привет, старина! — крикнул Кеттерс, когда они заползли в кусты.

Он сидел, скрестив ноги, на земле, а перед ним на земле стоял пулемёт Льюиса, снятый с «Бристоля». Рёв пулемёта оглушал.

— И тебе привет, старина! — ответил Падший Ангел, лениво растянувшись рядом.

Доктор тем временем тяжело дышал и выглядел переутомлённым.

— Мне показалось, что у вас неприятности, — прокричал Кеттерс, всё ещё стреляя короткими очередями. Пулемётная лента была уже пуста больше, чем наполовину.

— Разве что самую малость. Я смотрю, ты всё-таки решил не идти на дно вместе с кораблём.

— Чёртова стропа парашюта зацепилась за что-то в кокпите.

Тем временем на газоне был хаос. Всё новые и новые волны пауков стремились навстречу своему уничтожению.

— Пока я её отцепил, — продолжал Кеттерс, — уже не было времени на раскрытие парашюта. Я выпрыгнул, когда старушка налетела на деревья, и умудрился приземлиться в декоративный пруд,

который они там устроили. Пока я из него выбрался, вы уже ушли, так что я спас старую Дорис, и уселся ждать вас, — он повернул пулемёт стволом вверх и начал стрелять по нескольким летающим гуманоидам. — А как прошёл день у вас?

— Сносно, старина, — сказал Падший Ангел и глубоко вздохнул; они уже несколько раз чудом избежали смерти.

Стрельба прекратилась. Падший Ангел чувствовал жар, исходящий от металла пулемёта. Над газоном стелился дым, по траве были разбросаны части тел.

— Что же, — сказал он, — одно очко в пользу Ангелов.

Прохаживаясь по обугленной земле, выбирая дорогу между конечностями и когтями, которые всё ещё пытались ухватить пустоту, он вынул из кармана пиджака маленькую карточку и аккуратно положил её на голову одного из пауков.

— Эти крустакоиды живут очень долго, — рассказывал Доктор, нервно заламывая руки, — и мы не думали, что они поубивают друг друга в какой-то дурацкой междоусобице.

Он стоял в центре столовой Лукаса Сейтона и объяснял то, что было возможно объяснить, самому Сейтону, Полу Кеттерингу, Джейми, и Зоуи.

— Такое даже в лучших правительствах случается, — неспешно произнёс растянувшийся поперёк дивана Сейтон. — Хотя они ничем на самом деле и не правили, но считали-то они себя правителями. Наверное, поссорились из-за цен на бананы на Венере, или из-за чего ещё, столь же «важного». Налейте себе ещё бокал игристого.

— О, пожалуй, нет... Ну, разве что один.

— А что случилось с охранниками? — спросил Кеттерс.

— Ошибка в их программе, — ответил Доктор. — Им не было указано, что охраняемые должны быть живы. Им было всё равно кого сторожить, трупы или живых существ. Наверное, это моя ошибка, но нельзя же предусмотреть всё, верно?

— И сколько ещё таких домов с военными преступниками такого рода находится на нашем благословенном острове? — спросил Сейтон, наполняя Доктору бокал.

Доктор отвёл взгляд.

— Ни одного, — сказал он. — Теперь для них выделили где-то небольшой астероид, так мне сказали.

— И что же будет с тем большим домом? — спросил Джейми.

— О, его приберут, не переживай. А теперь, если вы не против...

— Кто приберёт? — многозначительно посмотрев на Доктора, спросила Зоуи.

— Ну, те же, кто его там построил, я полагаю, — сказал Доктор, взглядом намекая ей на то, что развивать эту тему не стоит.

Он залпом выпил вино:

— Нам действительно пора уже отправляться.

— Но, Доктор...

— Я серьёзно.

На этом всё и закончилось. Сейтон и Кеттерс любезно попрощались с теми, с кем только что пережили приключение. Все понимали, что больше они не увидятся, но никто ничего об этом не сказал. Все лишь подшучивали друг над другом.

— О, Доктор, — сказал Сейтон, когда невысокий человек направился к двери, — я хотел бы дать вам кое-что, — он подошёл к шкафу, и вынул из него механическую утку. — Пусть напоминает вам о нашем приключении.

— Что вы, я не могу... — возражал Доктор. — Она краденная! И вообще, разве вы не сказали, что таких всего пять штук было сделано? Нет-нет, я не могу!

— Да ничего страшного, — сказал Сейтон, — остальные четыре я тоже выкрал.

Он улыбался, глядя вслед троим гостям. Один из них — невысокий мужчина в длинном чёрном сюртуке — тихо крякал, прижимая к груди металлическую утку. Сейтон уже забыл его имя. У него в голове лениво всплывали фразы: *«Мы создали в этой местности что-то вроде слепого пятна. Если сюда кто-то и забредёт случайно, то забудет об этом в течение нескольких часов»*. Но он был уверен, что это какая-то ерунда. В конце концов, что в мире не ерунда?

Он повернулся к Кеттерсу, который хмурился, словно хотел что-то сказать, но забыл что.

— А о чём мы разговаривали, старина? — спросил он.

Сильверман судорожно вдохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, и вернул металлическую птицу обратно на стол. Странное свечение, окружавшее его ладони, быстро угасло, и в комнате стало абсолютно темно. Какое-то время мы сидели в полной тишине, а затем я встал, достал из кармана спички, и снова зажёг свечи.

Облокотившись на каминную полку, пытаюсь хоть немного согреться возле слабого огня, я повернулся к ясновидцу:

— Знаете, Сильверман, мне кажется, что вы злоупотребляете чтением комиксов. Что это вообще было?

Сильверман смотрел на свои костлявые руки, на его лице не было никаких эмоций.

— Уверяю вас, мистер Эддисон, я могу излагать только те образы, которые моё сознание извлекает из предъявленных мне предметов. Мои собственные мысли и мой опыт не имеют к этому никакого отношения.

Мой клиент, сидя в кресле, покачивался вперёд-назад.

— Что же, — сказал он, — по крайней мере, мы узнали кто я. Доктор.

Я удивлённо посмотрел на него:

— Что? С чего бы это?

Мой вопрос застал его врасплох:

— А... разве это не очевидно? Ведь это Доктор, в конце концов, стал владельцем заводной птицы. И вы же слышали, как Сильверман его описал: невысокий мужчина со взъерошенными волосами, — он указал на завиток, торчавший из-под его шляпы.

Сильверман покачал головой:

— Простите, друг мой, но вы ошибаетесь. Внешность Доктора чем-то похожа на вашу, но не такая же. Кроме того, описанные мной события происходили примерно двадцать пять лет назад, и уже тогда он был старше, чем вы сейчас. Боюсь, если мы хотим выяснить кто вы такой, нам нужно продолжать.

Ясновидец вопросительно посмотрел на меня и я, неохотно кивнув, вернулся на своё место.

Быстро осмотрев предметы на столе, Сильверман потянулся за стеклянным флаконом, который я заметил раньше. Он был закреплён в серебряных хомутиках, соединённых серебряной цепочкой, а внутри него были несколько капель ртути. Согнувшись в своём кресле, Сильверман держал флакон в пригоршне рук.

— Пожалуйста, вы тоже сконцентрируйтесь на предмете, — сказал он. — И посмотрим, что он сможет нам рассказать.

Как и в предыдущий раз, возник миниатюрный смерч, который пронёсся по комнате и задул зажжённые мной свечи. Руки Сильвермана снова начали светиться, погрузив нас в неземной свет.

— Я снова вижу человека, — прошептал ясновидец. — Он одет в чёрное, и у него мрачное, злое лицо, — он резко набрал в грудь воздуха. — Человек непомерного зла!

ДУК ДОМИНИ

Марк Плэтт

Косой дождь напоминал ему тюремную решётку.

С заднего сидения машины Мастер глядел на окурок, торчавший изо рта Сэма Кулисы. Бычок уже потух и, возможно, уже давно, но Сэм продолжал его жевать. Белые шины «Бьюика» взвизгнули — Сэм направил его в боковую улицу, уезжая от музея. Нет смысла прикуривать бычок, — подумал Мастер. Дождь всё равно его затушит.

Костюм Мастера промок. Он разгладил выглядывающий из кармана пиджака платок и поправил на голове коричневую шляпу.

— Я полагаю, с Эстерхэйзи уже разобрались, — холодно сказал он.

Сэм Кулиса с ухмылкой ответил:

— Мы шлёпнули его, как вы и сказали, Дук... Погасили, как лампочку. А потом его машина съехала с конца дока. Такая беда. Больше от него не будет проблем.

— Вы, небось, в машину цемента налили. Я бы предпочёл, чтобы это сделали тише, — Мастер рукой, одетой в перчатку, разгладил сидящую бороду. — Что же, по крайней мере, теперь Джо Клементи

хорошо подумает, прежде чем засылать ко мне убийцу. Что ещё?

— Марджи оставила вам сзади бутылку. Это из последней партии из гаража.

Мастер раскрыл ящичек в двери. Там, рядом с кольцом 45-того калибра, была бутылка янтарного алкоголя. Он понюхал содержимое и закашлялся.

— Что этот идиот Хамильтон делает? Я дал ему чёткие инструкции. Опять он взял гнилой картофель.

— Мне тоже так показалось, босс.

— С ферментацией было что-то не то. Никто такую дрянь покупать не станет, а пить так тем более. Как обычно, придётся всё самому делать!

— Было гораздо лучше, когда вы его заказывали в другом гараже, босс.

Мастер нахмурился. Сэм задел его за больное место.

— Пока ситуация не изменится, Кулиса, нам придётся гнать виски в ржавом аппарате Хамильтона. Даже если варево из растительного крахмала не идёт ни в какое сравнение с тем, что может дать синтезатор питательных веществ.

— Да, босс. Но Марджи говорит, что поставки уменьшаются. И что с клиентами могут быть проблемы.

— Клиенты могут подождать.

Дальше они ехали по мокрым утренним улицам молча. Глаза Мастера буравили толстую шею Сэма Кулисы. Ещё один сырой ингредиент варится в иммигрантском котле США. Неуклюжий телом и умом. Пройдёт каких-нибудь сто лет, и пластиковые карты от Webster-Sayuki Credit Houses на Новом Ниппоне будут умнее, чем он.

— Что-то случилось, — пробормотал Сэм минут через десять; окурок в его тонких губах выполнял невообразимые движения.

Мастер наклонился вперёд:

— И из чего ты сделал такой вывод?

— Копов нет, босс, — сказал Сэм. — Там, где они обычно бывают. Офицер Хаггерти, он всегда на углу Расин, в четырёх кварталах отсюда. Каждое утро, всегда он. А О'Коннор где? Он же каждый день завтракает в заведении Мэйсона. У него личный столик у окна. А когда Мэйсон уходит на всю ночь играть с мужиками в покер, его жена угощает О'Коннора не только завтраком. Они тоже «в покер играют», — он хихикнул и чуть не выронил окурок.

Мастер сказал:

— Полагаю, сегодня Мэйсон остался дома.

— Я видел его в окно, босс. А О'Коннора не было.

— И на основании этого мы делаем вывод, что полиции этого жалкого города сегодня есть чем заняться.

— Точно, босс. Что-то случилось.

— Это ты уже говорил, — Мастер посмотрел на запястье, на прибор, похожий на часы. — Дави на газ, Кулиса. Уже почти семь часов, я жду важный звонок.

Он откинулся на спинку из потрескавшейся кожи и мужественно терпел шквал толчков — неотъемлемую часть поездки на лимузине тридцатых годов, который был больше похож на ящик с колёсами.

Дождь наконец-то прекратился. Чикаго времён сухого закона; серые здания торчали из густого тумана и, дрожа, проносились за окном. Медленно наступал очередной унылый рассвет. Жалкие фигурки брели по улицам в поисках работы, еды, или очередной порции выпивки.

Он смотрел, как мимо проплывает мрачная громадина Мишн Холла. Из его раскрытых дверей струился свет глупых надежд и доброты. Он усмехнулся, почти засмеявшись. Его собственное положение стало невыносимым. Всё теперь шло не так. Это была жалкая планета. Ему хотелось быть в роскошном скоростном катере, который бы плавно унёс его из этого вонючего города в открытое небо и дальше. Сейчас это было невозможно.

А поначалу всё шло как по маслу. Задуманный им план, великолепная комбинация, был достоин только его плодотворного ума. Всё было тщательно продумано, всё ложилось на свои места. И в этот раз никто не должен был помешать... особенно тот самый, который заимел привычку повсюду совать свой нос.

Мастер уже раскрутил сеть комбинаций по всему пространству и времени, накопил частички информации из карт и свитков Великой Александрийской Библиотеки и из иероглифов в пещере Домданиэль на Страве. Мрачные пророчества и легенды о будущем, предсказывающие подъём самопровозглашённых Проповедников Благодати и их суицидальном соучастии в смерти Вселенной.

Из дюжины далёких мгновений космоса Мастер добыл осколки, давно утерянные фрагменты вечного могущества. И в далёком мире он осмелился собрать их, подчинить их влияние себе, не будучи до конца уверенным в том, что именно он создаёт. И затем, по мере сборки, он осознал, что собирает Бога. Никак не меньше. Но Бог будет подчиняться ему — Мастеру, серому кардиналу в тени трона.

И наконец, до завершения его дерзкого замысла оставалась одна последняя деталь. Вставить последний ключ, рукоятку, которая провернёт нелепый барабан шарманки-вселенной и сыграет его мелодию. Всё шло

идеально. До тех пор... пока не была украдена его ТАРДИС.

За полквартала до отеля «Империял» «Бьюик» затормозил. У входа в отель было несколько полицейских машин, и два офицера стояли на посту у дверей в фойе.

— Нас явно ждут, — сказал Мастер. — Подъедем сзади к нашему частному входу.

Персонал «Империяла» не знал, что он пользуется лифтом для белья возле кухни — он *убедил их* не замечать это. Стоя среди стопок свежих полотенец, Мастер стряхивал грязь со своего тёмного костюма. Тем временем лифт поднял его прямо в пентхауз отеля.

Со стороны служебного хода ему было слышно повышенный голос Марджи, доносившийся из гостиной комнаты номера:

— Сколько раз вам ещё повторить? Дука здесь нет. Он не сказал когда вернётся. И не знаю я ничего про этого вашего Эспланади.

Марджи дель Монсалват, урождённая Марджери Стоукс, длинноногая танцовщица, с которой он впервые повстречался в криминальных глубинах клуба Райнстоун. А затем на бейсболе. А потом в опере. А потом в тёмном переулке, как раз в тот момент, когда он застукал Тони Сайро, другого наёмника банды Джо

Клементи, за кражей выпивки из гаража. Когда он сжал Тони, она даже не моргнула своими накрашенными веками. Она лишь спрятала сжатое тело в чемодан и вышвырнула его в озеро Мичиган, куда, похоже, сбрасывали улики всех преступлений, совершавшихся в Иллинойсе.

— Боже, у тебя такие холодные глаза, — сказала она. — Мне это нравится. Это так мило.

И он взял её под своё крыло, что-то ей пообещал, и очень скоро узнал обо всех притонах и контактах в гнилом подбрюшье Чикаго.

— Эстерхейзи! — прорычал в гостиную мужской голос. — Максимилиан Эстерхейзи. Мёртвый немец в машине в озере.

— Может быть, ему больше негде было припарковаться? — предположила Марджи. — Я же сказала, мы никогда о таком не слышали.

— Он был мелкий фраерок, но наверняка увидел что-то крупное. Иначе почему у него в кошельке были вырезки из газет с вашим Дуком Домини?

Мастер выругался про себя и сверился с астросинхрометром на запястье. В сером Чикаго было уже почти семь утра, а на Голубом Профундисе в системе Сапфо, на полярном берегу Острова Туманов, солнца уже почти зашли. По относительному

галактическому времени, ему вот-вот должны были позвонить.

— Так может тот козёл героя в нём видит, — сказал голос Марджи.

— Видел, — поправил полицейский. — Он утонул в цементе ещё до того, как упал в воду. В мире полным-полно психов, мисс дел Монсалват. Чем он вам так нравится? В конце концов, Дук Домини далеко не Гарри Купер.

— Может быть, я и не Гари Купер, — Мастер зашёл в позолоченную дверь, — но я не имею дел с кем попало.

— Да что вы? — крепко сбитый мужчина в тяжёлом плаще повернулся лицом к Мастеру.

Другая дверь была перекрыта полицейским в униформе. Марджи, с золотыми волосами, зачёсанными волнами, как у Джин Харлоу, сидела в кожаном кресле. От сигареты Лаки Страйк, которую она теребила между пальцами, вилась тонкая струйка дыма.

— Дук, это шеф Маллиган. Он тебя давно уже ждёт.

У начальника полиции Маллигана был вид человека, который уже устал от тщетных попыток добиться своего, но надежду ещё не потерял. Его

маленькие глазки на одутловатом лице были похожи на две чернички в мороженном.

— У вас странный распорядок дня, Дук. Не помню, чтобы вы были в Чикаго два месяца назад, но сейчас рапорты о вас приходят отовсюду.

— Сожалею, что вам пришлось ждать, шеф, — улыбнулся Мастер. — Я очень занятой человек, но я всегда к услугам тех, кто стоит на страже закона.

— Я так и подумал. Каждый вечер вы то на боксе, то в опере, то на какой-то модной вечеринке. И ночью тоже где-то пропадаете, как я слышал. А большую часть дня проводите в музее Уэйнрайта. Вы хоть когда-нибудь спите?

Улыбка Мастера стала шире:

— Просто знакомлюсь с достопримечательностями, шеф.

— То есть, вы тут ненадолго?

Мастер посмотрел на Марджи. Она изучала дырку в ковре, прожжённую сигаретой.

— Кто знает? Меня в вашем городе так хорошо принимают.

— Можете ещё на бейсбол сходить перед тем, как уехать обратно в Мехико или в Рио, или в Европу. Простите, а откуда вы приехали?

— Как только я завершу свои дела, я уеду.

Маллиган кивнул:

— Прибыльные дела, разумеется. И какого они рода?

— Это личные дела, — сказал Мастер, снова взглянув на часы. — Спасибо, что заглянули, шеф. Но если у вас больше нет вопросов...

Складки на лице шефа сурово нахмурились. Он перенёс вес с одной ноги на другую, потом обратно.

— Видите ли, мистер Домини... Дук, могут быть проблемы. Есть очень... очень крупные рыбы в этом городе, и они не очень рады, когда кто-то, неизвестный им чужак, пытается... так сказать...

— Выкладываете, шеф, — засмеялся Мастер. — Или же предоставьте право угрожать тем, кто это умеет. Кто вас направил ко мне? Джо Клементи? Это же он заправляет полицией в этом районе? Или он тоже кому-то подчиняется? Например, Аль Капоне?

Полицейский, стоявший у двери, шагнул в комнату, но Маллиган остановил его:

— Всё хорошо, Фрэнк, можешь подождать меня в коридоре.

Не отводя глаз от холодного взгляда Мастера, он дождался, пока дверь закрылась, и сказал:

— Скажем так: Клементи ежегодно делает солидные пожертвования в фонд добровольной помощи полиции.

— Но если кто-нибудь другой сделает ещё более щедрое пожертвование, то сможет склонить действия полиции в свою пользу.

Его голос нужно было слышать: воспитанный, убедительный, властный. Но он становился мягче, как колыбельная... он почти ласкал.

Маллиган немного покачивался. Его рука потянулась к воротнику. Этот взгляд мог испепелить его, но вместо этого он, словно мягкий бурбон, затекал прямо в голову.

— Да, именно это я и имел в виду, — услышал он свой собственный голос.

И горящий взгляд ему ответил:

— Но вам не нужны деньги, шеф Маллиган. Вы хотите мне помочь. А мне нужна ваша помощь, шеф. Вообще-то, я её требую. Вашего беспрекословного подчинения.

— Беспрекословного, — бормотал Маллиган.

— Верно. Вы должны мне подчиняться. Я... Ваш Босс.

— Подчиняться. Да, — Маллиган стоял в простодушной покорности, согласный принять новое положение дел в ущерб всему остальному.

— Выглядит полным идиотом, — заметила Марджи.

Мастер улыбнулся и вынул из внутреннего кармана Маллигана бумажник.

— Как это вовремя, — сказал он, взяв себе тридцать долларов.

Он показал Марджи семейное фото, и та изобразила умиление младенцем в чепчике, затем Мастер вернул бумажник на место.

— Спасибо вам за ваше пожертвование, шеф Маллиган. Мы с вами, несомненно, ещё свяжемся.

Маллиган вышел, как лунатик.

— И тебе тоже пора идти, дорогая, — многозначительно добавил Мастер.

— Ты ждал звонок, — тихо сказала Марджи. — Он был около часа назад.

— Что?!

— Я попросила их подождать.

Мастер поспешно выдвинул ящик стола. В нём была небольшая зеркальная коробка с мерцающим зеркальным экраном на крышке.

— Как ты об этом узнала?

Она прижалась к нему боком и положила ему на плечо руку:

— Я всегда хотела стать секретаршей. Это мама настояла, чтобы я пошла в шоу-бизнес.

— Что ты видела?

— Ну не злись, Дук. Тут какие-то фокусы, как кино. Это, наверное, при помощи каких-то зеркал делается.

— Ты ничего не видела, — повелел он. — Совсем ничего.

Но её глаза каким-то образом избегали его взгляда. Не успел он её остановить, как она наклонилась и дотронулась до боковой стенки коробки.

Она вскрикнула. Их обоих обволокло вырвавшимся из коробки светом. Рука Мастера как тиски схватила руку Марджи:

— Не двигайся!

Весь пентхауз отеля «Империял» охватило мерцающее свечение. Дым струился между высокими колоннами, похожими на десятикратно увеличенный фасад музея Уэйнрайта, некоторые из них упали и развалились на куски. Рядом горел пожар, возле самой двери в ванную. Он горел беззвучно. Звуков не было никаких.

Мастер разжал руку, и Марджи недовольно опустилась на пол.

— Хитрый фокус, — сказала она. — Но сейчас в кино уже звук делают.

— Помолчи!

Ни единого звука. Дым был без запаха, а пламя было холодное, как в кинематографе. За краем

мощёной площадки земля спускалась к тёмно-зелёному морю, окружавшему древний Остров Туманов. Двойное солнце системы Сапфо уже опустилось за изогнутый горизонт. Вверху, на тёмно-фиолетовом небе, облака набухали, словно готовые раскрыться бутоны. У Мастера в животе похолодело. Здесь раньше был дворец, построенный в его честь, прославляющий его за новую эру великолепия, которую он принёс на Голубой Профундис. Это было три недели относительного времени назад. После его отбытия многое изменилось.

Что-то, что он вначале принимал за камень, пыталось выбраться из руин. Оно посмотрело на него, сверкая в огне пожара маленькими глазками. Его одеяния были изодраны, а на узорчатых наростах на его голубой голове, похожей на голову ящерицы, лежала пыль. В длинной тонкой руке оно держало такую же зеркальную коробку, как у Мастера.

Марджи попыталась завизжать, но в горле у неё пересохло. Голова существа качалась вперёд-назад на длинной шее. Широкий рот без губ беззвучно шевелился. Чудовище споткнулось, потрянуло коробкой, и до них стали доноситься обрывки звука:

— Мой Мастер! Ты вернулся, чтобы посмеяться над нами, — мелькал между челюстями тройной язык.

— Хэвури-sss-Кэзцим! Что случилось с моим дворцом?

Существо подошло ближе:

— Ты обрушил погибель на своих слуг, мой Мастер. Зачем ты это сделал? Ты обещал нам могущество и спасение. Зачем ты отобрал у нас всё, что дал?

— Я не делал вам ничего дурного, Хэвури-sss-Кэзцим.

— Не правда, Мастер. По твоей воле из Храмов Вечности внезапно вырвалась буря. Тысяча смерчей и торнадо. Великий огненный глаз, который опустошил землю.

Стоя на месте, Мастер мог лишь осматривать окрестности, отображаемые передатчиком реальности. Этого было достаточно. Его внезапно охватила ярость:

— Кто трогал буферы перегрузки? Имбецил, чтоб твои яйца пересохли, я доверил тебе сохранение! Я сделал тебя Великим Визирем, хранителем всех моих планов. А ты позволил приблизиться к ним кому-то другому! Кто это был?

— Только ты, мой Мастер. Я был тебе верен.

— Вздор! Ты позволил кому-то объединить мощь артефактов, которые я тебе дал. Несколько лет работы коту под хвост! А высвободившаяся мощь будет неконтролируема. Скажи мне, кто это был!

Змееподобное существо стояло почти лицом к лицу с Мастером:

— Ты явился как пророк, и до сих пор обманываешь нас. Мы твои жертвы. Мы знаем корабль, на котором ты являешься.

Мастер замер:

— Какой корабль? — поток его ярости ослаб. — Такой же, как у меня?

— Это был твой корабль, Мастер. Я сам его видел.

— Опиши его. Он был синий? Похожий на высокий ящик с фонарём на крыше?

Он напрягся, готовясь услышать ответ.

— Нет, мой Мастер. Это был твой корабль, такой, каким он был всегда: в виде резного саркофага.

Мастер держал себя в руках:

— Тогда это кто-то другой. Кто-то, кто хочет перехватить собранное мной могущество. Они уже украли мой корабль, а теперь ещё и подставили меня.

— Ты соблазнял нас своими дарами могущества, Мастер.

— И вы их у меня чуть с руками не оторвали! — он ухмыльнулся. — Не важно. Думаешь, меня после этого заботит твой народ? Ты меня подвёл, Хэвури-ссс-Кэзцим. Мне нужно лишь моё могущество!

Он остановился. Над горизонтом поднималась новая звезда. Она поднималась быстро. Она двигалась

над морем к ним, и из неё, словно копья, били вниз лучи света.

— Наш мир теперь ничто, — ответил визирь. — Десять тысяч лет Голубого Профундиса рассыпаются, как иссохшая ветка. Мы расплачиваемся за свою грешную алчность, — его тонкая рука потянулась, чтобы схватить мучителя, но прошла его фантом насквозь. — Ты, мой Мастер, тоже проклят. Чтоб твоя кожа никогда не линяла, а твои сердца сгорели в твоём теле! Нам следовало понять, каков ты. Ты само воплощение Дьявола.

— Ну, так и отправляйтесь в ад, — сказал Мастер.

От приближающейся к ним звезды стал доноситься треск вспышек. Затем, словно найдя, наконец, свою добычу, звезда устремилась прямо на них, как комета.

Мастер ударил по боковой панели зеркальной коробки. На мгновение они оказались в центре холодного взрыва. Пылающее тело Хэвури-ссс-Кэзцима рассыпалось прямо перед Мастером. Затем пентхауз отеля «Империял» вернулся к своему прежнему виду. Мастер стоял в холодном поту, Марджи прижалась к его ноге. Дымящаяся коробка передатчика рассыпалась у него в руке как стекло.

Мастер опустил в кресло.

— Кто это со мной делает? — бормотал он. — Я тут абсолютно беззащитен. Мне нужна моя ТАРДИС.

Он опустил взгляд на Марджи: она смотрела на него. Теперь она знала слишком много, и больше ею пользоваться нельзя.

— Боже, — сказала она. — Я была неправа. В кино такое не увидишь. Да ещё и в цвете.

Хотя с другой стороны, если она настолько дура... Он встал и налил себе щедрую порцию виски. Не того, который гнал Хамильтон, а поставки из Кентукки. Опустив стакан, он надел шляпу.

— Я возвращаюсь в музей, — сказал он.

Он рассмотрел своё лицо в настенном зеркале с позолоченной рамой. Следы Времени брали своё. Голубые вены проступали под кожей на висках словно щупальца. Подумав о хрупкости своего тела, он пренебрежительно фыркнул и поправил галстук.

— Ты очень плохо выглядишь, Дук, — сказала она. — Давай, я за руль сяду.

Он на мгновение задумался, потом кивнул.

Они вышли через чёрный ход, пройдя мимо Кулисы, заснувшего у повара среди рассыпанных игральных карт. Сев в машину, Мастер включил на часах сигнал бедствия и стал ждать ответ на свой гипер-пространственный запрос. Это был последний оставшийся у него полезный прибор. Остальное, включая сжимающий материю элиминатор, пропало вместе с ТАРДИС.

Как обычно, первым он услышал сигнал местной американской радиостанции. Передавали приторновесёлую программу-варьете. Он выругался и увеличил усиление. Из эфира раздался хорошо поставленный, но мрачный голос, выговаривавший: «Передаёт Би-Би-Си. Сейчас вы прослушаете передачу мисс Флоренс Торп-Диксон о кухне и магазинах». Он расширил зону приёма. На фоне свиста небесных артронов он услышал сигналы пролетавших мимо космических кораблей: купец рекламировал свой товар, два космических дальнобойщика, пересёкшихся на проходящем неподалёку соляном пути из Проксимы Центавра, обменивались приветствиями. От его ТАРДИС ответа не было. Откуда-то с расстояния около 500 световых лет пришёл сигнал бедствия от корабля, окружённого пиратским флотом Гракинизских Корсаров. Кому нужны их жалкие крики о помощи? Так же, впрочем, как и его сигнал.

Марджи вела машину по Мичиган Авеню так, словно за ней черти гнались. Мастер решил на всякий случай не предаваться воспоминаниям. Чем скорее он окажется в музее, тем лучше. Чем бы ни было то, что ему противостояло, оно тоже должно искать последний ключ. Поэтому он должен добраться до этого предмета первым, любой ценой. Несмотря даже на то, что за прошедшие 94 дня все его попытки

проникнуть за хрупкое на вид стекло стенда музея были бесплодными. Когда он это заполучит, он сможет начать всё заново. Хорошо, хоть на девушку можно было положиться, — успокаивал он сам себя.

От этих мыслей его отвлёл её голос:

— А то, что ты обещал мне, Дук, ты тоже не выполнишь?

— Ты что такое говоришь? — резко ответил он.

— Не дави на меня, — сказала она. — Я почти до сорока миль в час разогналась.

— Моя дорогая Марджи, ты что, не веришь мне?

— А стоит ли тебе верить? Скажи мне, Дук. Я не хочу оказаться зажаренной, как твой змеиный друг.

Она крутанула руль, с визгом шин вписавшись в скользкий поворот.

— Ты в курсе, что за нами гонятся? — добавила она.

Мастер обернулся. За ними гнался угловатый чёрный «Портсмут». Новые представители банды Клементи, не иначе.

Она вдавила педаль и нажала на клаксон, проскакивая перед самым носом у грузовика. Тот сигналил во всю мощь. Мастер беспомощно вцепился в сидение. Он был в её руках.

— Ты уже забыл о своих обещаниях, — добавила она, наугад направив «Бьюик» в одну из боковых улиц.

— Что там на счёт большого дома в испанском стиле в Голливуде? Когда ты собираешься познакомить меня со своими друзьями из кино?

— Ты что, меня за какого-нибудь Свенгали⁹ принимаешь? — протестовал он.

Услышав позади себя дробь огня из автомата, он пригнулся почти одновременно с тем, как разбилось окно заднего вида. Марджи прижалась к рулю и сильнее нажала на газ.

Позади них из боковой улицы выехал ещё один «Портсмут». Гангстер, сидевший на пассажирском сидении, с автоматом в руках высунулся по пояс из окна.

Мастер вынул из отделения в дверце кольт 45-го калибра и попытался навести его на автомобиль. Пару раз он рискнул выстрелить, но не мог прицелиться в водителя — Марджи ехала зигзагом. Ещё одна очередь прошила «Бьюик» сзади, с Мастера сбило шляпу. Он почувствовал жжение на лбу.

Впереди них по центру улицы неспешно пыхтел старый «Форд Т». Он постепенно заполнял собой вид в лобовом стекле. Мастер бросился вперёд, к рулю, но Марджи его оттолкнула. За метр до столкновения она вывернула руль и заехала на тротуар, разбив «Форду» заднее крыло. Доехав до конца улицы, она резко

⁹ Злой гипнотизёр, персонаж романа «Трильби» Джорджа дю Морье.

свернула вправо, одним колесом по бордюру, другим по обочине.

«Портсмут» попытался повторить эти манёвры, но перепуганного владельца «Форда» бросало по улице из стороны в сторону. Он врезался «Портсмуту» в бок, отчего тот с разгона наехал на пожарный гидрант. Местная детвора неожиданно получила новый фонтан.

— Ты знаком со Свенгали? — спросила Марджи, когда стало ясно, что их преследователи остались позади.

— Что?

— С маленьким русским, который держит книжный магазин на 23-ей улице. Или его Свобода зовут?

Декоративным платком из нагрудного кармана Мастер промокнул на лбу кровь. Пуля его едва задела, за пару часов рана заживёт. Но слушать всё это время болтовню Марджи не хотелось. Он снова нахмурился. Компаньоны, при всей своей полезности, становились излишне близкими, и требовали слишком многого. Тогда зачем с ними вообще связываться? Они ему не верят, он им — тем более. Пускай они все идут к этому невыносимому Доктору. Тем не менее, он был вынужден признать, что прямо сейчас Марджи была ему нужна. Клементи со своими покушениями становился всё настойчивее.

— Разумеется, я не забыл свои обещания, — заверил он её. — Придёт время — всё будет.

Он снова попытался поймать её взгляд в зеркале заднего вида. На мгновение ему показалось, что она с любопытством попыталась сделать то же самое. Затем она нажала на педаль, и его рывком прижало к спинке сидения.

Когда они доехали до музея Уэйнрайта, он был уже закрыт. Стало сыро, надвигалась гроза. Марджи стояла на широких ступенях перед главным входом, неуклюже держа пистолет Мастера, а сам Мастер взламывал примитивный замок. Огромная статуя Авраама Линкольна с ребёнком на руках пристально смотрела на взломщиков. Надпись на постаменте гласила: «Со злобой — ни к кому; с милосердием — ко всем; с уверенностью в правоте, которую Бог дал нам увидеть».

Марджи хихикнула:

— У него борода как у тебя.

— Ещё одна неподвижная мишень, как и все президенты, — ответил Мастер. — Неотъемлемая часть профессии.

— Ты всё ещё собираешься баллотироваться на мэра?

Щёлкнул засов, и Мастер открыл тяжёлую дверь.

— Это зависит от того, как долго мне придётся здесь пробыть.

Мэр Чикаго — не бог весть какая должность. Он вряд ли остановится на чём-нибудь ниже, чем Император Вселенной.

В фойе музея было холодно, как в пещере. Каблуки Марджи цокали по каменным плитам. Они уже почти поднялись по центральной лестнице, когда их остановил чей-то крик. К ним спешил пузатый раздражённый зритель, которому они явно помешали спать. Он бросился к ним по ступеням, и Мастер сделал несколько шагов навстречу. Человек увидел горящий взгляд взломщика и споткнулся, хватая воздух ртом как рыба. Мастер подошёл ближе, не сводя хищного взгляда со своей жертвы.

Выстрел в зале прозвучал как гром среди ясного неба.

Удивлённого зрителя во внезапно покрасневшей рубашке отбросило спиной на парапет.

— Ты что творишь?! — возмутился Мастер.

Его кольт 45-го калибра был в руке Марджи.

— Решила сэкономить тебе время, — ответила она.

— Знаешь, дорогая, твоя находчивость может сослужить тебе плохую службу, — он смотрел на неё со стороны дула пистолета, поэтому говорил вежливо. — Оставь лучше стычки для меня. Хорошо?

Он протянул к ней раскрытую ладонь. Несколько мгновений она смотрела в его глаза, а затем отдала пистолет.

— И куда же мы идём?

Он повёл её между экспонатов к залу геологии. Марджи обвела взглядом экспонаты и сказала:

— Мне не такие камушки нравятся.

Мастер остановился перед маленьким пыльным стеклянным стендом. Он подошёл к нему с таким почтением, словно это был алтарь.

Под стеклом лежал коричневый кусок камня размером с кучу слоновьего помёта. Табличка гласила, что он называется Флагстаффский тектит. Найденный на горе Сан-Франциско, Аризона, в 1871 году.

— Прикоснись к стеклу, — сказал Мастер.

Марджи провела пальцем по стеклу. Пыль осталась на месте. Марджи пожала плечами:

— Странное ощущение. Как будто бы его нет.

— Именно! — Мастер нагнулся, чтобы его глаз были на одном уровне с экспонатом.

— И что это такое? — спросила она.

— С виду это обычный метеорит. Упавшая звезда. Кусок космического мусора, — он снял с запястья часы и приложил их к стеклу. — Во всяком случае, так мы должны считать.

На поверхности часов было несколько окошек, в каждом из которых светились цифры.

— Вот видишь? Ничего, — но он не стал ей показывать. — И знаешь почему?

— Без понятия. Ты на *это* смотреть каждый день приходишь? На что-то, чего там нет? Боже, как я проголодалась.

— Конечно же, оно там есть. Но оно помещено во временной хомут высокого напряжения. В любой момент времени этот тектит опережает нас, находящихся в реальном времени, на пять секунд. Поэтому то, что мы видим, это тектит пять секунд назад. И я не могу его взять. Я уже тысячу способов испробовал.

— Ты хочешь украсть это? — недоверчиво спросила она. — Дук, в городской галерее найдётся сотня картин, которые будут смотреться в нашем пентхаузе — или где ещё мы будем жить — гораздо лучше.

Мастер говорил немного уклончиво:

— Возможно. Но даже все алмазы, золото, и контрабандная выпивка этой жалкой планеты не могут дать мне и миллиардной доли той власти, которая содержится в этом куске камня! Даже я не осознаю всей его мощи! Я должен его достать!

Она смотрела на него, нервно теребя в руках сумочку. Наконец, она сказала:

— Ладно, Дук... милый, и что мы будем делать?

— Будем работать день и ночь, пытаясь его освободить. Это ключ к невообразимым силам, но его пытается заполучить кто-то ещё. Ты же видела, что случилось на Голубом Профундисе.

Обернувшись, он увидел, что она пьтится от него.

— В чём дело? Я обещал тебе долю в этом, Марджи, но мне нужна твоя помощь. Тем более, что времени так мало.

— О боже, — произнёс чей-то голос с сильным южным акцентом, — время — это такая ценность.

Из тени вышла высокая пожилая женщина. Чем дольше Мастер на неё смотрел, тем неопределённой ему казался её возраст. Её седые волосы были зачёсаны назад, поверх длинного чёрного платья была наброшена вышитая индийскими узорами шаль с бахромой. Поверх одного из её рукавов сверкал серебряный браслет с гравировкой. На руках у неё были кружевные перчатки, словно из чёрной паутины. Она выглядела так, словно только что вернулась с заседания общества по воздержанию... проходившего лет сто назад.

Она вздохнула:

— Вы же понимаете, что Ядро Мысли защищено от ваших посягательств. Полагаю, это вы меня разбудили. Больше в здании никого нет... кроме убитого моего охранника.

— Ядро мысли? — спросил Мастер. — Так оно называется? А кто вы такая?

Женщина мрачно улыбнулась:

— Уэйнрайт... На данный момент. Это мой музей. Уэйнрайт — это всего лишь имя, последнее из длинного списка, мистер Домини.

Мастер тоже улыбнулся:

— Миссис Уэйнрайт, я вижу, что с вами можно называть вещи своими именами.

— Просто Уэйнрайт. И я знаю, зачем вы пришли. Вы не первый, и вы не последний.

— Это мы ещё увидим, — кивнул Мастер. — Скажите, давно вы уже тут?

Уэйнрайт опустилась на скамью:

— В Городе Ветров? Ну, пожалуй, лет шестьдесят. С тех пор, как золотоискатель нашёл Ядро Мысли в Аризоне и доставил его сюда. Пришлось всё заново налаживать.

— Это было очень неосмотрительно, — сказал Мастер. — Поэтому с тех пор вы повысили бдительность.

— В большом городе люди считают себя намного более высокоразвитыми. Я около семисот лет жила среди апачей. Тогда они меня называли Облачный Буйвол. И не было никаких проблем, пока не появились белые поселенцы. Прогресс... Я видела, к чему он ведёт, — она снова вздохнула. — Простите, мистер Домини, но присматривать за Ядром довольно скучно. Предложила бы вам кофе, но вы же вор.

— Разумеется, разумеется. Мы ведь враги.

— И Ядро вам недоступно, — напомнила она ему, хотя явно была польщена его манерами. — Вы понимаете, почему его нельзя освободить?

— Я знаю, что его внешний вид никак не связан с его сутью. Если его снова объединить с остальными компонентами, его мощь будет неизмеримой.

— Снова? Мой дорогой мистер Домини, позвольте вам сказать, что оно никогда не было объединено с ними. Остальные компоненты давно утеряны. Мы позаботились об этом.

Он набрался наглости и сел рядом с ней:

— Ясно. Я в своих исследованиях об этом не узнал.

Он немного подумал, а затем добавил:

— Полагаю, я имею честь беседовать с одним из Проповедников Благодати?

Она медленно кивнула:

— Очень много времени прошло с тех пор, как меня так называли.

— А ещё больше времени пройдёт прежде, чем вы появитесь на свет, — улыбнулся Мастер. — Быть может, вы просветите меня: почему вы и Ядро находитесь здесь?

Она с любопытством посмотрела на Марджи, отступившую в дальний конец зала.

— Не обращайтесь на неё внимание, — сказал Мастер. — Ей это не понять.

Уэйнрайт плотнее завернулась в шаль. Её голос стал холоднее. Худыми пальцами она сжала серебряный браслет.

— Вот что должно случиться. В последнюю, тёмную эпоху нашей Вселенной, когда всё Мироздание прекратит расширяться, когда оно вновь обрушится в ничто. В этот ужасный момент небытия с доски всё будет стёрто, и родится новая Вселенная. Этот момент называют по-разному. «Громкий Треск», «Большой Взрыв», «Последнее и Первое Событие». А мы его называли Великая Чистка.

— Что же, аллилуйя! — сказал Мастер.

— Именно, — кивнула она. — Эпоха, из которой я родом, была ужасным, кровавым временем сжатия. В ней правил Орден Алкемэтров — жестокая тирания, пропитанная пороком и почти полным отсутствием

морали. И не думайте, что угроза надвигающегося вымирания могла заставить их раскаяться в их обычаях. Нет, ни на секунду. Наоборот, Алкемэтры замыслили увековечить свою злую родословную. Они сохранили суть отвратительного могущества их ордена в сосуде, спроектированного так, чтобы пережить Великую Чистку.

— Обмануть Бога? — одобрительно спросил Мастер. — Значит, в следующей Вселенной они сами выступят в роли Бога.

Она уже себя не сдерживала. Её возмущение не знало границ:

— «И посеют они свои отравленные семена в чистую землю следующего Мироздания». Книга Предсказаний, раздел 31, стих 12.

Мастер успокаивающе положил свою руку на её:

— Но я уверен, что вы сделали всё возможное, чтобы не допустить этого.

Она отдёргнула свою руку:

— Прошу вас, мистер Домини. Не нужно фамильярностей. Мы, Проповедники Благодати, дали обет противостоять такому соvrащению.

— Разумеется.

— И мы добились успеха. Вместилище зла Алкемэтров — Глава Бога, как они смели его назвать

— было разбито. Мы замаскировали обломки и разбросали их по тёмным закоулкам времени.

— Потому что полностью их уничтожить сами не могли, верно? — хмыкнул Мастер.

— Нет, сэр. Вы правы. Даже разбитая на части, Глава Бога сопротивлялась. Поэтому каждая часть по отдельности была вышвырнута обратно в прошлое в случайном направлении. Время подходило к концу, и нам больше нигде было их спрятать.

— И вы, Уэйнрайт, вытянули короткую спичку, — сказал он. — Вам пришлось отправиться в прошлое охранять Ядро.

Она встала со скамьи и подошла к высокому окну. Порывы ветра с дождём хлестали по стеклу. Прошедший сквозь мокрое стекло свет нарисовал на её каменном лице слёзы, которые уже не могли течь из её старых глаз.

— Был нужен лишь один доброволец. Остальные Проповедники были обречены остаться и ждать уничтожения. Это не высокая цена за безопасность всего Мироздания. Все остальные фрагменты, хвала небесам, вернуть невозможно. Так что, вы теряете время, мистер Домини. Вам пора покинуть Чикаго... и эту планету.

— Очень похвально, — воскликнул Мастер. — Как хорошо осознавать, что наши нравы находятся в

полной безопасности в ваших руках. Впрочем, в ваших аргументах, моя дорогая, есть один изъян, — он склонился над её плечом, шепча свои насмешки так, как влюблённый шепчет о запретных желаниях. — Вы знаете, почему я пришёл сюда? Думаю, знаете. Вы должны быть в ужасе, потому что я, Мастер, совершил величайшее преступление. Нечто, на что вы не решились, — он потеревил тесьму на её платье. — Я собрал ваши запретные, недоступные фрагменты, и теперь могу делать с ними всё, что пожелаю.

Она никак не прореагировала, лишь слегка повернула голову в его сторону. Выразительным голосом она спросила:

— Так вы этого хотите? Превосходства вашей воли над всем... ради уничтожения всех остальных? Чтобы были лишь ваши создания? Вы вынесете такое одиночество?

— Я всегда был один, — сказал он. — Да, я выдержу это. Это именно то, чего я всегда хотел! — его рука в перчатке медленно направилась к её горлу. — Разве не все хотят этого же? Разве не поэтому вы украли мой корабль?

— Что? — она дёрнулась и отошла от него. — Вы глубоко заблуждаетесь, сэр. Боже милостивый, мы все в заблуждении! — она повернулась к стенду и его невзрачному экспонату. — Это какая-то проделка

Ядра. Оно всё ещё сильно, несмотря на связывающие его узы, но оно лишено морали. Оно может пойти на что угодно.

— Уэйнрайт, предупреждаю вас, всё, что я сказал — правда.

Она побледнела, как пещерная рыба. Она снова дотронулась до серебряного браслета.

— Нет. Это невысказано. Соединение осколков... это стало бы самым гнусным, чудовищным преступлением, не имеющим себе равных во всей истории.

Мастера распирало от гордости:

— Спасибо за комплимент, Проповедник.

— Этим вы бы подвергли всё Мироздание невообразимой опасности.

— Это уже осуществлено. Всё под моим контролем. Ничто не случится, если я того не пожелаю, — он снизил голос. — Или вы мне не посоветуете.

К его неудовольствию, она это проигнорировала. Она подошла к затаившейся у двери Марджи.

— А что видели вы, дорогая? — спросила Проповедник.

— Она ничего не знает, — перебил её Мастер.

— Спасибо, мистер Домини, — сказала Уэйнрайт, — но девушка и сама умеет говорить. Вы не представляете, насколько легко люди всё схватывают.

— Марджи, — повелел Мастер, — ты ничего не знаешь.

Но к своему отвращению он увидел, что Марджи смотрит на старую каргу отрешённым взглядом, таким, каким никогда не смотрела на него.

— Что я видела? — сказала она. — Я расскажу, что я видела. Это было безумие, как будто кино, но по-настоящему. Боже, там были такие огромные древние руины. Вы видели «Нетерпимость»? Такие же, но сгоревшие. И кто-то уродливый, похожий на синюю ящерицу в банном халате...

Мастер попытался подойти к Марджи, но невидимая сила сделала воздух перед ним густым, как патока.

— Ерунда, — насмешливо сказал он. — Она слабоумная. Это её фантазии!

— Молчите, мистер Домини, — сказала Уэйнрайт.

Марджи тараторила без умолку:

— А затем в небе появился большой яркий свет, как падающая звезда. Он влетел, взорвал всё вокруг нас...

Уэйнрайт обернулась на Мастера. Он почувствовал её ярость, словно на него нахлынула волна.

— Ты врал! Глупый невежда, ты выпустил стихийную энергию Главы Бога, которая без Ядра Мысли творит, что хочет. Она неподконтрольна. Она вызовет неопишуемые разрушения!

Мастер достал свой пистолет:

— Тогда отдай мне Ядро, самодовольная ведьма!

— Никогда! — крикнула она. — Такому, как ты — никогда!

— Твоего взбесившегося бога теперь могу приручить только я! Дай его мне!

Уэйнрайт дерзко посмотрела на него, и он вздрогнул под её взглядом.

— Это сделало Ядро, — сказала она. — Оно никогда не прекращает попытки освободиться. Оно вас тут видело достаточно долго, мистер Домини. И девушку тоже.

— Девушку? — спросил он, уставившись на Марджи.

— А она вам не рассказала? — продолжала Уэйнрайт. — Она сюда приходила задолго до того, как появились вы. Как только Ядро узнало, что все осколки у вас, оно послало её разыскать вас. Оно просто ждало. Ядро украло ваш корабль. И рано или поздно оно доставит сюда всю свою мощь.

— Моя дорогая Проповедник...

— Нет, не пытайтесь меня искусить, мистер Домини. Дьяволы всегда принимают очень убедительные обличья. Но я должна вас простить. Нас всех использовали. Но пока я жива, Ядро не освободится.

Мастер от злости сжал губы. Он нажал на курок, но выстрела не последовало. Он вскрикнул, когда незримая сила выбила из его руки кольт, и тот полетел в другой конец комнаты.

Уэйнрайт глубоко вздохнула:

— А теперь ползите прочь, мистер Домини. Идите, и ждите того, на что обрекли нас всех. И да смилостивится Время над вашей душой.

Раздалось знакомое шипение изотронного оружия. Уэйнрайт поглотило пурпурное свечение. Она раскинула руки. Её тело и одежда уменьшились на глазах, словно их унесло вдаль, хотя они и остались на месте. Её похожее на куклу тело упало на выложенный каменной плиткой пол музея. Серебряный браслет ударился об пол и завертелся, как волчок, рядом с телом.

В руке у Марджи было чёрное, похожее на трубку, оружие. Это был сжимающий материю элиминатор Мастера.

— Где ты его взяла? — прошипел он.

— В твоём гараже, — холодно сказала она, — перед тем, как он улетел.

Он бросил взгляд на музейный стенд. Флагстаффский тектит был по-прежнему там, дразня своей невзрачностью. Мастер ждал, что он сейчас взорвётся.

— Уэйнрайт была ключом, удерживающим Главу Бога, — сказала Марджи. — Временной Хомут ослабнет не сразу. Но спасибо, что подсказал, как это сделать.

Мастер неожиданно бросился к браслету. В прыжке его лицо столкнулось с туфлей Марджи. Держась за челюсть, он покатился по полу. В этот момент он услышал, что дверь открылась, и в зал зашли несколько человек.

Что-то уткнулось ему в спину.

— Ну что, шустрик, — сказал грубый голос. — Вставай, давай.

Руки нескольких человек потянули его вверх так, что на пиджаке швы затрещали. Перед ним появилось широкое лицо, достойное бухгалтера. Мастер скривился.

— Добрый день, мистер Клементи, — сказал он, увидев, что находится в окружении такого числа гангстеров, что хватило бы на джаз-банд.

Джо Клементи, невысокий толстяк в кремового цвета костюме и шляпе, ответил:

— Не для тебя, Дук. Ты слишком долго вёл дела на моём участке.

— На вашем участке? Простите, я думал, что вы подчиняетесь приказам свыше. Но ведь мистер Капоне, когда нужно сделать грязную работу, всегда в Майами. Как это удобно.

Кулак врезал ему по зубам.

— Прикончите его снаружи, — проворчал Клементи.

— Мистер Клементи, — прохрипел Мастер опухшими губами, — такой проницательный человек как вы никогда не откажется от такой возможности.

— Не верь ему, Джо, — крикнула Марджи.

Клементи протёр потную шею чёрным платком:

— Приказов дешёвых девок я тоже не слушаюсь, дорогуша.

— Как хотите, — она стояла возле стенда с тектитом и небрежно вертела в руках браслет. — Мне всё равно, что вы с ним сделаете.

— Тогда пеняй на себя, — сказал Мастер и посмотрел в глаза Клементи. — Подумайте о том, что я могу вам предложить.

Джо Клементи стоял неподвижно.

— Такой человек, как вы, не должен быть одной из марионеток Капоне.

Голос Мастера источал мёд, как это было уже тысячи раз с предыдущими жертвами. Но главная роль была у его взгляда:

— Думаете, Капоне долго продержится? Я дам ему не больше двух лет. А вы не такой, Джо. Выслушайте меня, и получите больше власти, чем когда-либо мечтали. Всю Америку у ваших ног. Деньги, женщины... одежда. Просто выслушайте меня, Джо Клементи. Выслушайте... И сделайте то, что я скажу... — он запнулся, услышав тихий смех Марджи.

Посмотрев на тектит, он почувствовал, как что-то давит на его череп изнутри. Его глаза говорили сами с собой. Это было бесполезно. Его дар внушения пропал.

— Выведите его и пристрелите, — сказал Клементи.

Гангстеры взяли Мастера за руки, но он вырвался. Он врезался в Клементи, толкнув его на Марджи. Все вместе, втроём, они упали, и девушка ударилась головой о стенд.

Мастер тут же вскочил и опрокинул другой стенд, взорвавшийся осколками стекла и обломками деревянной рамы. Его преследователи не могли

похвастаться такой же ловкостью. Пока они добежали до дверей в галерею, он уже был на полпути вниз.

Снаружи дождь лил как из ведра, землю не было видно под брызгами. Мастер остановился и опёрся на огромную статую Линкольна. Клементи был не дурак: один из его гангстеров сидел в «Бьюике» Мастера.

Мастер, пригнувшись, спустился по боковой лестнице и побежал под ливнем в парк. Вода стекала с полей его шляпы ему за шиворот, его сердца тяжело стучали. Он не разбирая дороги пробирался через грязь между прогнувшимися под дождём кустами. Хэвурисс-Кэзцим его проклял — не беда, он был проклят с самого рождения. Проповедник Благодати простила его — это было хуже, ему не были нужны ничьи молитвы. Так же, как и надменные лекции Доктора. У него не было ни империи, ни власти, ни ТАРДИС, на которой можно было бы сбежать. Скоро (когда?) его корабль вернётся, принеся с собой Армагеддон.

Наконец, он добежал до дальнего края парка и повис на перилах, глотая сырой воздух. Его энергия покидала его. Дождь казался потоком игл. Промокший до нитки, он вышел из парка и пошёл по безлюдному тротуару. Напряжение в голове было немилосердное. По обеим сторонам улицы нависали высокие серые дома. Вверх по зданиям поднимались зигзагами пожарные лестницы. Он начал дрожать. С Доктором

такое бы никогда не случилось. Доктор взял бы с собой зонт.

Он прислонился к перилам, которые вели к большому зданию. У него ещё были деньги. Тридцать долларов, украденных у продажного полицейского. Он как-нибудь выкрутится. Он услышал за спиной шлёпанье чьих-то шагов. Резкая боль от удара по затылку заглушила постоянный стук в голове. Его прижали к перилам, и чьи-то грубые руки рылись в его карманах. Он почувствовал, что у него забрали бумажник и часы. Затем на него нахлынула тошнота. Грабитель убежал куда-то в ночь, а Мастер, потеряв сознание, растянулся на ступенях. Лёжа под проливным дождём, он сжимал в руке серебряный браслет, как утопающий сжимает соломинку.

Свеча не загоралась. Её чёрный фитиль упрямо оставался холодным, как бы Мастер ни пытался сосредоточиться. Это был старый фокус — зажечь свечу мыслью. Что-то вроде теста, который галлифрейские адепты телегностических дисциплин проводили после лекций. Пока что, как и любая другая дисциплина, она не поддавалась из-за болевшей головы. Всё было неопределённо. Он отвернулся от алтаря, решив оставить свечи в покое ради спокойствия отца Шеррина. Он вздрогнул и пошёл из

придела церкви обратно в спальню, где лёг и ещё целый час молча размышлял о своей головной боли.

Другие жители Мишн Холла старались не пересекаться с ним. Ему льстило, что они его боятся. Отец Шеррин разрешил ему остаться частично из любопытства, а частично потому, что Мастер умел готовить суп лучше, чем кто-либо когда-либо забредавший сюда. «Чудо репы и двух морковок», так называл его отец Шеррин, закрывая глаза (или не замечая) на пропажу бутылки вина для причащения.

— Я слышал о том, что на крыльце оставляют младенцев, — сказал священник, — но ты, мой друг, подарок совсем иного рода. Тем не менее, я очень рад. Что-то мне подсказывает, что ты — человек очень преданный, правда, я не знаю, чему именно ты предан. Выполнение обета молчания требует большой уверенности в вере.

Уверенность! Мастер повернулся на своём бугристом матрасе и накрылся одеялом с головой. В этом шерстяном домике он вертел в руках браслет. Уже четыре дня ни единого произнесённого слова. Лишь очистка разума. Это была простая часть дисциплины.

И последователь должен выполнять простые задания по проявлению доброты к своим товарищам.

Поэтому он готовил суп и мысленно проговаривал бесконечные мантры, помешивая огромный котёл. Но ничего не прояснялось. Никаких признаков того, что его ищут. Никаких признаков украденных у него ТАРДИС, кошелька и часов. И никакого конца ноющей боли в голове, которая исходила от лежащего в пыльном музее камня, который он считал Богом. Бессмыслица.

Провернуть серебряный браслет. Помешать жирный котёл. Слишком долго. Чем больше он искал, тем меньше он знал. Всё было неясно.

Может быть, суп не тот? Может быть, сделать консоме?

В семь часов, после вечерней молитвы, пришёл отец Шеррин, здоровый, как футбольный полузащитник, и уселся на конце матраса Мастера. Его добродушное лицо было усталым, а когда он раскрыл свои большие ладони, оказалось, что они красные и в мозолях. Ему хотелось поговорить, словно его молчаливый гость был своего рода исповедником.

— Сегодня я проводил очень странные похороны. Смерть младенца всегда пережить тяжелее всего, но эта смерть была ещё и странной. Всё было организовано каким-то адвокатом с хорошо подвешенным языком. Меня ни о чём не предупредили; просто сказали быть там. Я сам не

видел малышку, но её положили в гроб размером не больше коробки от сигар, а я вырыл могилу обычного размера. Уже только от этого сердце разрывалось. Ей, наверное, всего несколько дней от роду было. Родилась, наверное, преждевременно. Для переноски гроба нужен был только один человек, и от семьи был тоже только один человек. Только мать. Красивая девушка со светлыми волосами и такой юбкой, что при менее серьёзных обстоятельствах её могли бы назвать шлюхой. Её, наверное, выгнали из семьи. Но тёмное и светлое есть ведь в каждом из нас. У всех у нас есть тени. В общем, после похорон, состоявшихся в той части кладбища, где хоронят самых состоятельных жителей Чикаго, я высказал ей свои соболезнования. Она уставилась на меня. Никогда не видел таких холодных серых глаз, от них я словно промёрз до костей. А потом она сказала: «А кто плачет? Теперь начнётся самое весёлое». И пошла куда-то между могил, словно в какое-то питейное заведение. Я засыпал огромную могилу, похоронил это маленькое тело, и пошёл домой. Странно, но она мне напомнила тебя. Не обижайся. Просто она тоже обладает огромной целеустремлённостью. Как думаешь, может быть, мне стоит разузнать больше? Нет, не отвечай, конечно же, мне не стоит искушать тебя. Ребёнка звали

Грэйс... Грэйс Уэйнрайт¹⁰, как музей. Хотя я не слышал о семье с такой фамилией.

Он тяжело вздохнул:

— Спасибо, что выслушал, друг мой. Я проголодался. Какой у нас сегодня суп? Снова репа и морковь? Благослови тебя за это Господь.

Мастер заставил себя изобразить подобие благодарной улыбки. Он взял передник, и надел его поверх простой одежды, которую ему дал священник. Его собственная одежда, костюм Дука Домини с широкими плечами, была так заляпана грязью, что ею бы даже свинья побрезговала. Он начал разливать суп выстроившейся очереди голодных бродяг, тихо кляня каждого, кто продемонстрировал хоть грамм благодарности, и убеждая себя в том, что помогает другим лишь для того, чтобы помочь себе самому. Он поймал себя на том, что изучает каждое лицо. Чтобы убедиться в том, что никто, кого он знает, не пришёл и не стал свидетелем его позора.

Значит, Марджери Стоукс всё ещё ждала. Напрасно, Марджери. Она стала слишком близка, он никого не подпускал настолько близко. Она за это ещё поплатится. Скоро энергия осколков Главы Бога прибудет с Голубого Профундиса в украденной у него

¹⁰ В английском языке слово Grace означает не только имя Грэйс, но и, в частности, «благодать».

ТАРДИС. Ему нужно взять её под контроль раньше, чем она доберётся до Флагстаффского тектита. Но им не удастся объединиться без ключа Уэйнрайт.

Мастер прикоснулся к лежавшему у него в кармане браслету — образцу технологии, которую ему не удавалось проанализировать.

Очередь за супом закончилась, и он предоставил мытьё посуды простым смертным. Головная боль немного ослабла, но он чувствовал, что она возвращается. Он взглянул в надбитое зеркало и поразился смотревшему на него отражению. На него смотрел гораздо более энергичный мужчина, чем он ожидал. На щеках был румянец, в волосах блеск. Это его воодушевило. Странно, ведь он не чувствовал себя тем моложавым человеком в отражении. Он ощущал себя пустым, перегоревшим, глаза казались тяжёлыми, как свинец. В зеркале же глаза горели ярко, они проникали ему в сознание и говорили взять себя в руки. Он почувствовал, как его плечи расправились, а дыхание стало глубже. В нём явно было что-то сатанинское. Глаза говорили с ним, наполняли его уверенностью.

Ты можешь претендовать на то, что твоё по праву. Месяцы тщательной подготовки не должны быть потрачены зря. Ты готовился к этому. В отличие от чёртового Доктора, который ныряет в

любую ситуацию без подготовки, в считанные минуты вызывает хаос, обвиняет тебя в зависти, а потом ещё и находит время на то, чтобы прочесть скучную лекцию о важности морали. Но не в этот раз. Ты всё ещё можешь повернуть фортуна к себе лицом. У тебя уже есть браслет. Так иди и возьми то, что по праву твоё.

Ты — Мастер.

Он надел чужое пальто и впервые за четыре дня прокрался на улицу. В тёмном переулке рядом с Мишн Холлом он отвесил пинка какому-то мальчишке, и почувствовал себя ещё лучше. Затем он украл машину и поехал в гараж. Там никого не было, вход был забит досками. Хамильтон то ли смотался со своим ржавым перегонным аппаратом, то ли получил билет в один конец в озеро Мичиган. Затем он поехал в «Империял». У парадного входа стояли два гангстера из банды Клементи. Когда он попытался зайти через чёрный ход, новый безобразный повар, поигрывая пальцами на большом ноже, созвал всех своих подручных и велел вышвырнуть «грязный папашайка».

Он размышлял, навестить ли ему шефа полиции Маллигана, или же вначале сжечь с досады «Империял», как вдруг услышал звук знакомого мотора. Его собственный «Бьюик», чьи фары были

похожи на злобный взгляд, затормозил у парадного входа в отель, а за ним — пара «Портсмутов». За рулём был Сэм Кулиса. Несколько мгновений спустя из ярко освещённого фойе появилась Марджи, одетая в новый зеленовато-синий наряд со шляпкой без полей. Джо Клементи и ватага его приспешников семенили следом за ней, как пудели. Внезапно она остановилась возле машины и медленно посмотрела вдоль тёмной улицы. Мастер спрятался за мусорным баком. Затем она села в его «Бьюик», и весь кортеж направился в сторону музея.

Мастер сел в свою краденую машину и поехал следом. В зеркале заднего вида он поймал свой взгляд: в нём горела решимость. Оставив машину немного в стороне от музея, он по залитому лунным светом парку пошёл к зданию. Он чувствовал, как у него в голове нарастает напряжение, уверенность в том, что его ищут, или даже призывают. С двух сторон от статуи Линкольна стояли два громилы Клементи, мускулистые, как огроны, но не такие красивые. У обоих наготове были автоматы. Мастер обошёл вокруг здания, пока не нашёл нужное окно на втором этаже. Он вскарабкался к нему по водосточной трубе и осторожно заглянул в него.

Внутри было темно. Он едва различал тёмные силуэты группы людей во мраке, ему мешало его

собственное отражение в стекле. Освещённый ярким лунным светом, он казался серебряной фигурой в реальном мире; за стеклом, а не в его отражении. Фигура смотрела на него горящими глазами, которым невозможно было отказать. Его собственная зловещесть подняла его дух.

Глаза говорили: *Это твоё право. Зайди, и возьми свою власть. У тебя есть браслет. Заходи. Мы ждём. Ты — наш Мастер.*

Позади отражения тёмные фигуры медленно приближались к косым лучам лунного света. Марджи, Кулиса, и Клементи со своей бандой. Все смотрели на него, готовые заплодировать.

Заходи, — настаивали глаза. — Не теряй время. Неси браслет.

— Я повинуюсь, — медленно сказал он.

Краем сознания он отметил, что в окне отразился ещё один источник света. Словно свирепая звезда неслась по небу.

Но глаза снова заполнили его мысли: *Давай. Давай же, Дук Домини. Дай мне браслет. Повинуйся мне. Я Мастер!*

Он не мог отвести взгляд.

— Я... повинуюсь, — повторял он.

Новая звезда светила ярче луны. Высоко в небе она потрескивала, как мороз. Держась за одной рукой за

подоконник, он запустил вторую руку в карман. Пальцы нащупали там только пустоту. Браслета там не было.

Дай мне браслет. Мне он нужен. Повинуйся!

Изнутри руки распахивали окно.

Водосток задрожал, и рука Мастера соскользнула с подоконника. Он схватился за стены, чтобы не упасть, и прижался к кладке. Шок прочистил его мозги. Отражение пропало. В памяти всплыли слова Уэйнрайта: *«Ядро Мысли прибегает к любым уловкам»*.

Из открытого окна, в свете новой свирепой звезды, к нему тянулись руки. Появилось лицо Марджи.

— О нет, — сказал он. — Только не тебе!

Он оттолкнулся ногами от стены, и водосток оторвался и резко нагнулся. Мастер упал вместе с ним, приземлившись как кошка.

В окне раздались недовольные крики. Не обращая на них внимания, он смотрел на новую звезду. Она зависла в небе, слегка покачиваясь. Готовясь ринуться вниз, как сокол. Он негромко выругался. Перед ним была украденная у него ТАРДИС.

Из окна высунулась Марджи.

— Взять его! — закричала она.

Позади неё в комнате мерцало голубое свечение.

Звезда-ТАРДИС начала раскачиваться в воздухе туда-сюда. Мастер развернулся и бросился бегом через

кусты. Он услышал треск, и в террасу рядом с ним ударила молния. Повернувшись, он увидел ещё одну молнию, чуть дальше. Группа людей Клементи собралась возле музея.

— Туда! — кричала из окна Марджи.

По кустам ударила автоматная очередь. Мастер пригнулся. Гангстеры приближались к нему, но новая молния ударила прямо в них. Двое взорвались на месте. Остальные замерли, боясь тоже оказаться поджаренными.

Мастер рассмеялся. Наполнявшая его корабль энергия хлестала куда попало. Сгусток неконтролируемых инстинктов. Без мыслей. Беглый бог, неспособный получить указания Ядра Мысли. Но он возьмёт его под свой контроль. Эта мощь будет подчиняться ему, как только он достанет браслет Уэйнрайт из бугристого матраса, в котором он его спрятал.

Новые удары молний звезды ТАРДИС пришлись по стенам музея. Мастер воспользовался моментом и побежал к машине.

Не включая фары, он поехал в Мишн Холл. Пускай царит разорение. Он не возражает, если эта обезумевшая мощь пронесётся по всем планетам Солнечной системы. Будет пример для остальной

Вселенной. Всё, что ему нужно, это браслет. И понять, как он работает.

Ртуть! Он издал победный крик и резко свернул на тротуар. Браслет сделан не из серебра, а из твёрдой ртути. Вот как Уэйнрайт могла управлять осколками. Ртуть была посредником между враждебными силами мысли и энергией, составляющими Главу Бога. На том же принципе были основаны двигатели его собственной ТАРДИС.

Когда он доехал до Мишн Холла, он увидел оранжевое сияние над домами, которое было уже ярче далёких молний, сверкавших в ночном небе. Должно быть, музей Уэйнрайта горит.

Было поздно. Перед иконой святого Августина горело несколько свечей, а остальная часть церкви была погружена во тьму. Мастер бесшумно вбежал по задней лестнице в залитую лунным светом спальню. Он осторожно прошёл между спящими к своему матрасу. В торце был сделанный им разрез. Он запустил туда руку и вынул браслет. Браслет был тёплый и почему-то казался лёгким. Рассмотрев его поближе, Мастер увидел на нём сверкающие маленькие капли. Браслет истекал ртутью.

Он аккуратно завернул браслет в тряпку и начал высматривать контейнер для сбора жидкой ртути.

Рядом с ним один из спящих сел и что-то проворчал. Мастер вышел и спустился в придел.

Силы, управляемые тектитом, уже должны идти по его следу. Марджи или приспешники Капоне — те самые, которых он и сам использовал — а может и что-нибудь пострашнее. К этому нужно быть готовым.

Так что, пускай приходят. Однажды, ещё будучи студентом, когда его характер формировался на игровых площадках Галифрея, ему довелось увидеть брачный полёт ножничных жуков. Из-за туч крылатых самцов небо потемнело; тысячи отчаянно желающих спариться с единственной королевой колонии. Брачное сумасшествие продолжалось весь день, гадкие твари путались в его волосах, заползали в ноздри, но в конце концов все несостоявшиеся любовники умерли от истощения и разочарования. И всё это время он наслаждался знанием того, что королева спрятана у него в кармане в банке от джема.

Ему нужен был какой-то контейнер; он начал обыскивать холодную церковь. Под иконой святого Августина был небольшой шкафчик. Мастер вскрыл дверцу. Внутри, в коробочке, оббитой изнутри выцветшим бархатом, лежал стеклянный флакон. На нём был серебряный хомутик, к ушкам которого с двух сторон присоединялась серебряная цепочка. Флакон

был наполовину заполнен водой. Собранные слёзы святого.

Мастер открутил пробку и выплеснул жидкость на пол. Рядом на аналое лежала тяжёлая Библия. Он вырвал из неё страницу, свернул её в виде воронки, и приложил к горлышку флакона. Развернув браслет, он положил его в воронку. Браслет плавился. Зеркальные капли ртути сбегали по бумаге и собирались в основании флакона. Несколько пролитых шариков катились так, словно у них была своя воля. Браслет пытался сбежать.

— Тебя, значит, тоже призывают, — пробормотал он вслух. — Что же, это мы ещё посмотрим.

Он услышал позади себя кашель и, обернувшись, увидел стоявшего среди скамей отца Шеррина.

— Какая жалость, что ты нарушил свой обет, — сказал священник. — Тебе так хорошо удавалось держать его. Честно говоря, я не думал, что ты вернёшься.

Мастер устало посмотрел на него.

— Простите за флакон, отец, — сказал он. — И за книгу.

— Не стоит извинений. Слёзы святого Августина всё равно были подделкой. Просто вода из-под крана. Но людям нужно во что-то верить, — он подошёл ближе. — Я тут читал о святом Августине. Он

проповедовал о предопределении и о силе благодати. «А кого Он предопределил, тех и призвал». К Римлянам, глава 8, стих 30. Это страница, которую ты вырвал.

— Я верю, что течение времени можно изменять, — сказал Мастер и улыбнулся. — Ваш бог слишком непреклонный и старомодный, чтобы я поверил в него.

Отец Шеррин с интересом посмотрел на него:

— А когда у тебя в руках оружие, ты такой же обходительный? — он опустил руку в карман и вынул часы Мастера. — Я нашёл это тогда же, когда и тебя. Думаю, вор решил это выбросить. Я решил сохранить их.

Мастер подошёл ближе:

— Как вас отблагодарить за это, отец? Я думал, что навсегда потерял их. Что вам предложить взамен? Деньги для Мишн Холл?

— Какие деньги, друг мой? За тобой, наверное, и гроша не водится, кем бы ты ни был. По покрою твоей одежды я предположил, что тебе пришлось упасть с больших высот, но это не значит, что мне от тебя что-нибудь нужно. Мне не нужны от тебя деньги. Думаю, это честный обмен на то, что ты уже сделал.

Мастер потянулся за часами, но священник отвёл руку. На мгновение в глазах Мастера вспыхнул гнев, но затем он спокойно сказал:

— Ну же, святой отец. Вам наверняка что-то нужно. Поверьте в меня.

Шеррин сел на скамью из грубых досок:

— Никогда не думал, что искушение будет настолько буквальным.

— Самим Дьяволом? Ну что вы, отец.

— Дьявол долго падал, когда лишился благодати. Он хотел стать Богом и в своей зависти всегда ищет способ погубить вместе с собой весь мир.

— В последнее время меня часто так называли. Мне это льстит. И кто знает, отец, Дьявол ведь мог и раскаяться.

— Надо же! Если так случится, я могу оказаться не у дел. Снова будет свет и тьма. Но мне кажется, что об этом не стоит беспокоиться. Видишь ли, двое людей в спальне узнали тебя.

— И что же мне теперь делать? Исповедоваться?

— Дук Домини? Что это за имя такое?

— Мне оно казалось забавным. В старинной валларийской азартной игре Герцог Домино¹¹ — козырная карта. Она бьёт любую масть. Победитель получает всё.

— На твоих руках наверняка много крови, Дук.

Мастер засмеялся:

¹¹ Duke of Dominoes

— Мой дорогой отец Шеррин, все эти угрызения совести, чувство вины. Это основание и движущая сила всей вашей веры.

— У вины есть сестра, — ответил священник. — И зовут её Сострадание.

— Слабость, — презрительно сказал Мастер.

Отец Шеррин встал и протянул часы:

— Забирай. Ты готовил самый вкусный суп из всех, которые мне доводилось пробовать. Благослови тебя за это Господь, — он улыбнулся и осенил Мастера крестным знамением. — Свет и тьма. Хорошее и плохое во всём.

Отдав часы, он отвернулся и стал задувать свечи:

— *In nomine Domini, et filii et spiritus sancti*¹².

Мастер положил часы в карман. Затем тихо взял с аналая тяжёлую Библию и ударил ею отца Шеррина по голове.

Переступив через его тело, он в золотом свете свечей осмотрел браслет. Он был как пустая скорлупа. Вся ртуть стекла, пролившись через верх из горла флакона. Она текла по бархату, словно металлическая амёба, стремясь на зов.

Мастер руками собрал её, залив как можно больше живой жидкости во флакон. Закрутив крышку, он запер во флаконе от святой реликвии около половины

¹² Во имя отца и сына и святого духа (лат.)

ртути. На каменном полу отдельные блестящие капельки катались вокруг тела священника, стремясь соединиться и завершить свой путь.

Вдали завывала полицейская сирена, а затем где-то ближе обрушилась кирпичная кладка.

Мастер задул свечи и подошёл к окну. Мимо пробежали несколько человек. В ужасе, они бежали куда глаза глядят. Дальше, в конце улицы, что-то приближалось. Что-то огромное.

В свете луны его черты казались контрастнее на фоне тёмных зданий. От его шагов земля вздрагивала. Пятиметровая статуя Абрахама Линкольна шагала, и по её каменной одежде двигались складки.

— Что за чушь! — возмутился Мастер. — Ни капельки он на меня не похож!

Бывшего в её руках каменного ребёнка статуя выбросила, но на её руке кто-то был. Марджи спокойно сидела, придерживаясь одной рукой. В другой руке у неё мерцало что-то голубое. Мастер предположил, что это тектит.

Сзади ехал кортеж из лимузинов. Эта медленная процессия была похожа на похороны. Клементи и его прихвостни были явно под новым начальством.

Внезапно над зданиями вспыхнул яркий свет. Ожидая своего часа, звезда ТАРДИС тоже явилась

следом, как день следует за ночью, или как аллигаторы следуют за кораблями.

Мастер действовал быстро. С флаконом в кармане он направился вверх по задней лестнице. Он обошёл спальню и шмыгнул в неосвещённую кухню. Спрятав флакон в кофейнике, он снова спустился в придел.

Сквозь высокие окна внутрь ворвались холодные лучи фар и безумного бога в небе. Мастер поправил воротничок и раскрыл тяжёлую дверь.

Марджи стояла возле нижних ступеней. Её лицо освещала спичка, которую поднёс Джо Клементи, чтобы она прикурила «Лаки Страйк». Гангстеры тёмной стеной стояли вокруг неё. Позади них с отрешённым взглядом статуя смотрела вниз с застывшей улыбкой, окружённой каменной бородой. В её огромной ладони сверкал голубым тектит.

— Марджи! — воскликнул Мастер, выйдя на свет.
— А ты не торопишься. Смотрю, у тебя новые послушники.

Она выпустила облачко дыма:

— Ты что, не читаешь газеты, Дук? Аль Капоне посадили за уклонение от уплаты налогов. В «Следователе» только об этом и пишут.

— Так быстро? Надо же, как падают великие!

— Кому, как не тебе, это лучше знать.

Он бросил взгляд на раскачивающуюся в небе звезду и ожидающего внизу колосса.

— Что тебе нужно, Марджи? Странно, что две странствующие половинки Главы Бога до сих пор не соединились.

Она поднялась на пару ступеней:

— Они не готовы, Дук.

Он нарочито засмеялся:

— Серьёзно? Знаешь, я ума не приложу, почему.

— Не хватает последнего куска.

— Ты имеешь в виду ртутный браслет?

— Нет. Он явится, когда его позовут.

Мастер немного напрягся:

— А что же тогда? Больше ничего нет. Я сам, собственными руками собрал все части.

Марджи выпустила ещё одно облако дыма:

— Предохранитель, милый.

— Какой предохранитель?

— Им нужно чьё-нибудь сознание, чтобы держать Ядро Мысли и Фокус Энергии под контролем. Как масло в бутерброде.

— А, это эти прилежные, сующие повсюду свой нос Проповедники Благодати. Они добавили это в систему. Они добавили на всякий случай мораль. Они не лучше этих Алкемэтров.

— Да ну их к чёрту. Именно поэтому Ядро заставило собрать осколки тебя.

— Меня? — скептически спросил он. — Ему нужен мой разум?

— Конечно, нужен. Ты самый умный, Дук. Я всегда это знала.

— Ты дашь мне эту власть? И я буду всё осознавать? Буду управлять? Это сделает меня Богом.

Он замолчал. Его беспокоили её улыбка и безжалостный взгляд статуи. Всё было слишком просто.

— Нет, — сказал он. — Условия будут мои, а не твои.

В её глазах блеснул свет фонаря:

— Дук, какой же ты упрямый. Ты тут единственный, у кого есть мозги. Мы, остальные, по сравнению с тобой тупицы. Так отдай ему своё сознание!

— Возможно, — сказал он. — Да. Ты права, конечно. Да, когда у меня ещё будет такой шанс!

Их разговор перебил хриплый крик:

— Всем оставаться на своих местах! Никому не двигаться! Вы окружены!

Мастеру был знаком этот голос. Он начал лихорадочно высматривать кричавшего, а Марджи с

гангстерами спрятались за машины. На улице он заменил бегающих полицейских.

— Усердствующие идиоты, — пробормотал он и крикнул. — Шеф Маллиган, отзовите своих людей! Это я. Помните? У нас был договор.

Холодная улица ответила ему тишиной. Он сделал свой голос более мягким:

— Отзовите их, шеф. Вспомните, что я вам сказал. Теперь всё под контролем. Слушайте меня.

Он прочувствовал форму и цвет сознания Маллигана — спутанные серо-голубые мысли. В кои-то веки он улыбнулся, почувствовав уверенность в своём сознании. *Иди сюда, Маллиган,* — внушал он.

Раздались шаги. Он увидел тёмный силуэт шефа полиции, который брёл на середину улицы. Маллиган бормотал что-то и тряс головой, словно в неё залетела муха. Он остановился, посмотрел вперёд и крикнул:

— Мастер?

Статуя шагала и под ней что-то хрустело. Маллиган отпрянул назад, вынув из кобуры кольт. Выстрел. Пуля отскочила от ожившего камня. Статуя огромной пятернёй схватила Маллигана и швырнула его вдоль улицы.

Мастер поспешил скрыться в Мишн Холле. Вокруг него засвистели пули. С улицы донеслись автоматные очереди: гангстеры Клементи схлестнулись с отделом

полиции Чикаго. Закрывая за собой дверь, он увидел, как статуя медленно поворачивается в его сторону, и в её глазах горит тот же свет, которым сиял тектит в её руке.

Мастер понял, что ему не скрыться. В его голове раздался голос, наполовину Марджи, наполовину Уэйнрайт: *Ты принял обет молчания. Пусть он продолжится. Ты нужен.*

Мастер поперхнулся: невидимая рука сжала его горло. У него во рту пересохло. Он не мог сказать ни слова. Он увидел, как великан взял стоявшую на его пути машину и отбросил в сторону, как игрушку. Тогда он захлопнул дверь и задвинул все засовы. Пол церкви дрожал от приближающихся шагов.

Он побежал, и в этот момент дверь обрушилась вместе с большей частью стены. Статуя протиснулась в пролом, двигаясь, словно в медленном танце, а её голова высматривала Мастера.

Мастер скрылся в нише — он не мог пробежать до лестницы, не выйдя на просматриваемое пространство. Он опустил руку в карман, пытаясь нащупать часы.

С грохотом рука статуи направилась вокруг угла к нему. Она заскрежетала по каменной стене, Мастер кувыркнулся в сторону и побежал между скамьями, поражаясь собственной ловкости. Статуя не обращала внимания на препятствия, топча скамейки в щепки

своими каменными ногами. В другой руке всё ярче горел тектит.

Мастер добежал до кафедры и спрятался в тени за ступенями. Он набрал что-то на кнопках часов и зазвенел будильник.

Статуя сразу направилась к нему.

Он лихорадочно менял настройки, поднимая тон звонка всё выше и выше. Каменные пальцы потянулись сквозь пролом в стене, но не смогли до него дотянуться. Тон звука стал ещё выше, и Мастер прикрыл уши.

Окна церкви раскололись и посыпались вниз сверкающим потоком стекла. Недовольная статуя схватила кафедру проповедника и целиком швырнула её на пол. Мастера отбросило в угол, и огромная рука схватила его.

Он корчился в пятерне, не в состоянии даже крикнуть. Из последних сил он прижал верещащие часы к каменному рукаву. От статуи пошла пыль. Её движения стали судорожными, а затем она замерла. Голова дёрнулась вперёд, словно хотела укусить Мастера, но улыбающийся рот не открылся. Мастер продолжал прижимать часы к рукаву.

По поверхности колосса начали разбегаться тонкие трещины. Колосс замер. Затем раскололся и посыпался на землю дождём каменных осколков.

Со стен Холла сыпалась пыль. Мастер упал на пол и кашлял. Он был настолько оглушён, что почти не слышал часы. Он отбросил их в сторону. Перестрелку на улице тоже не было слышно.

В пыли лежал мерцающий тектит. Мастер потянулся за ним, но женская рука с красивым маникюром опередила его. Над ним стояла Марджи. Сквозь дыру на месте двери ворвался яркий свет. В Мишн Холл влетела звезда ТАРДИС.

Мастер остановился, развернулся, и побежал к лестнице. Ему давала силы лишь одна мысль: нужно добраться до ртутного медиатора раньше них. Взбежав на лестницу, он почувствовал шипение молнии. Она взорвалась у него за спиной, когда он забежал в кухню. Вся стена вогнулась в комнату и обрушилась на него.

Он лежал под деревянными балками, а всего в нескольких сантиметрах над ним был побеленный потолок. Он упёрся в потолок руками и попытался поднять его. А затем он услышал звук. Или ему показалось, что он его услышал. Завывание со скрежетом... ужасно знакомый звук. И вдруг на прижавшей его к полу упавшей стене возникло что-то очень тяжёлое. Он поперхнулся окружавшей его пылью, он не мог пошевелить ни одним мускулом.

Он слышал над собой шаги, но в промежуток между обломками мог рассмотреть лишь маленький

кусок пола. Он попытался крикнуть, но голоса не было.

Он напряг остатки слуха.

— Спускайся, Сара Джейн, — сказал незнакомый низкий голос.

В поле зрения появилась пара потёртых коричневых ботинок, подвёрнутые твидовые брюки, и волочащиеся концы чего-то, похожего на длинный полосатый шарф. К ботинкам присоединились женские ножки в лёгких парусиновых туфлях.

— С чего начнём? — спросила она с акцентом образованной англичанки. — Ты же не думаешь, что она может быть где-то здесь? Мы на какое-то поле боя попали.

— Нужно найти, Сара. ТАРДИС без неё не полетит.

— А ты не мог дать им что-нибудь другое? Я понимаю, ты спасал меня, но...

— Когда речь идёт об обмене, пираты могут быть очень капризными. Но Гракинезские Корсары питают особую слабость к ртути. В душе они не совсем космические волки, и ртуть напоминает им о зеркальных болотах их родной планеты. В общем, выбор был только между ртутью и тобой.

— Спасибо, Доктор, — сказала она с тошнотворной преданностью, и правое сердце Мастера

пропустило несколько ударов; лучше бы слух к нему не возвращался.

Нет, — думал он, — *Нет!* Это был его худший кошмар: не просто Доктор, а новый Доктор. Который лез не в своё дело в точности так же, как и предыдущие.

Ноги ушли. Снизу не доносилось ни единого звука. Что там происходит? Почему никто оттуда не пришёл?

— Что это за стук? — спросила Сара Джейн. — Там, в кофейнике, что-то есть.

— Нагретому кофе нельзя давать кипеть.

— Он уже холодный, — сказала она.

Раздался звон металлической крышки, после чего она спросила:

— И что?

— А вот что, — ответил Доктор.

Мастер услышал звон серебряной цепочки.

— Поверить не могу! — воскликнула девушка. — Это что, она? Ртуть?

— Да.

— Но это же невероятно! Просто исполнение желаний какое-то.

— Совпадение? Или провидение, Сара?

— В странном она месте. Может быть, у кого-то наверху есть чувство юмора?

Он ненадолго задумался, потом ответил:

— Возможно.

Над Мастером захрустела штукатурка, и на него снова посыпалась пыль. *Не уходите*, — думал он. — *Не бросайте меня! Доктор!*

— Подожди меня, — сказала Сара. — Так куда мы попали?

— Нам нужно тест-драйв провести, — ответил исчезающий голос. — Я не могу разгадывать все загадки, на которые мы натываемся.

Дверь захлопнулась. Несколько секунд Мастер лежал, обливаясь потом. Затем раздался скрежет двигателей ТАРДИС, давно нуждавшихся в ремонте, и вскоре всё стихло.

Давивший на Мастера вес ослаб. Мастер со злостью надавил на штукатурку и вырвался из своей гробницы наружу.

Посреди царившего в кухне хаоса стоял пустой кофейник. Мастер трясся и истерически хохотал над абсурдностью своего поражения.

— Доктор! Невежественный вор, клоун!

Ему хотелось разнести всю планету в пыль. И тут он сообразил, что его горло уже свободно.

Снизу он услышал электрическое потрескивание. Он преодолел лестницу в два прыжка. Половинки Главы Бога всё ещё ничьи. Он возьмёт их и объединит силой собственной воли. И ничьей больше.

На пороге в церковь он споткнулся. Марджи стояла в центральном проходе между скамьями, подняв над головой сияющий голубым тектит. Напротив неё в воздухе пылала звезда — его собственная ТАРДИС. В пыльном воздухе играли лучи её света. Тела отца Шеррина не было видно. Сражение на улице прекратилось. Вокруг стояла торжественная тишина. И полиция, и люди Клементи по очереди заходили сквозь пролом в стене. Живущие в Холле бродяги уже спустились из спальни. Все занимали места на оставшихся скамьях, чтобы стать свидетелями предстоящего богоявления. Мастер зашёл в придел, готовый заявить о своих правах.

Он замер. Среди стихийной энергии с пола поднималась плотная фигура.

Лицо отца Шеррина сверкало, как серебро. Пролитая на пол ртуть образовала на нём сплошную маску. Она несла его за собой. Увидев Мастера, маска улыбнулась.

— Стой! — крикнул Мастер. — Это моё право! Я должен быть Богом! — он побежал к ним, но вспышка холодного огня остановила его. — Нет!

Марджи медленно, даже неохотно, отпустила тектит. Он завис в воздухе в том месте, где она его держала. Голубой карлик и белый гигант. По её лицу текли слёзы.

Полосы света играли между тектитом и звездой ТАРДИС. Среди них медленно поднимался отец Шеррин.

— Отец! — снова крикнул Мастер.

— Он не разговорчивый, — сказала Марджи. — Это что-то вроде обета молчания. Как в кино до изобретения звука.

— Я — единственный достойный! Не он! Всё Мироздание должно быть моим!

— Тебя тут не было, — сказала она.

Огни объединялись, становясь единым источником света. Серебряным зеркальным лицом, новой Главой Бога, в которой все они видели свои отражения.

— Есть, значит, светлое, и есть тёмное, — сказал Джо Клементи.

Сэм Кулиса сдвинул шляпу на затылок и поболтал торчащим изо рта окурком:

— А что это за карта такая — «Герцог Домино»? Я о такой игре никогда не слышал. Прямо как «берущийся за всё».

— И ни в чём не Мастер, — сказал шеф Маллиган; его голова так смешно кивнула на сломанной шее, что все громко засмеялись.

Мастер побежал через придел и схватил валявшийся на полу автомат. Передёрнув затвор, он нажал на курок.

Ничего не произошло.

Увидев, что все смотрят на него, он снова засмеялся.

Глава Бога начала двигаться к пролому в стене.

— Похоже, пришёл твой конец, Дук, — сказала Марджи.

— Это всё равно не настоящий Бог! — крикнул Мастер. — Со мной он мог получить настоящее могущество! А не эту приторную доброту!

На мгновение, которое длилось вечно, он разглядел в ртути своё отражение. Его раздирала ненависть. Его терзала жестокость. Он весь был пропитан злом. Он старый. Слишком старый. Старый для прожитых им лет. Само воплощение зла. И как же ему нравилось зло! И всё равно они все ошибались. Вся Вселенная ошибалась в своих самоуверенных допущениях. Это ещё не конец.

— Не бывает света без тени, — снова сказал Джо Клементи. — Так может быть, нам нужна эта тьма?

Возле алтаря из воздуха материализовался высокий серый ящик. Автомат в руке Мастера превратился в короткий ствол его сжимающего материю элиминатора.

Он мрачно кивнул Главе Бога, и та долго держала его взгляд. Затем её охватило сияние. С рёвом она

пролетела в пролом в стене и унеслась в ночное небо, во Вселенную, словно комета.

Мастер напряг своё больное тело и гордо пошёл к своей ТАРДИС. Люди расступились, давая ему пройти.

Он перешагнул порог своего корабля, развернулся, и навёл элиминатор на Марджи. Затем он холодно улыбнулся — так, как ей нравилось — и зашёл вовнутрь. У него были незавершённые дела.

Жизнь идёт своим чередом.

Неземное сияние рук Сильвермана снова угасло, и в кабинете стало темно. В этот раз я не стал снова зажигать свечи.

— Знаете что, Сильверман? — сказал я, когда он положил флакон на стол. — Вам нужно в Голливуде работать. Таких безумных баек они ни разу не придумывали.

Мой клиент задумался.

— Снова Доктор... — размышлял он.

— Да, — согласился я, — но что-то тут не сходится. Его голос. Сильверман, вы описали его как глубокий и низкий. Но в первый раз вы его иначе описывали.

Ясновидец пожал плечами:

— Эти события имели место в тысяча девятьсот тридцатых годах, явно на несколько лет позже тех, которые случились в Англии. За такое время человек может сильно измениться.

Я недовольно проворчал:

— И вы не можете сказать, как он выглядел?

— Сожалею, — ответил он, — но больше я ничего добавить не могу. Из этого объекта я не могу больше извлечь никакой информации.

— И даже эта информация ничего нам особо не даёт, — проворчал я. — И снова это слово... «ТАРДИС»...

Несколько мгновений мы сидели молча, а затем я кивнул в сторону стола:

— Нужно попробовать ещё что-нибудь.

— Хорошо, — Сильверман размял костлявые пальцы и протянул руку.

В тусклом свете камина я с трудом увидел, что он взял скомканный буклет, на котором кто-то нарисовал странную, похожую на карлика фигурку. Он взял буклет в пригоршню, готовый снова начать.

СОЛОМИНКА, СЛОМИВШАЯ СПИНУ ВЕРБЛЮДУ

Ванесса Бишоп

— Вы... что-то в этом понимаете? Я даже и не знал, что существуют такие организации.

Морис был потрясён и растерян, но явно изо всех сил пытался переварить информацию. Поняв это, Доктор взял с полки на спинке скамьи фотокопию буклета с гимнами, перевернул её, вынул ручку, и что-то нарисовал. Завершённый рисунок — худого человечка с непропорционально большими головой и глазами — он протянул Морису. По лицу старика священника Доктор понял, что смог его убедить.

— Пройдёмте лучше в мой кабинет, — сказал священник, понизив голос почти до шёпота. — Там нам никто не помешает.

В тускло освещённом коридоре рядом с кабинетом священника кто-то стоял у двери и заглядывал вовнутрь сквозь щель. Разговор было хорошо слышно, и безмолвный наблюдатель внимательно слушал, стараясь дышать не слишком громко...

— Это случилось две недели назад, — Морис прикрыл глаза и мысленно воссоздал, как всё выглядело. — Я тогда был в церкви.

Отче наш, сущий на небесах!

Да святится имя Твоё...

Сложив в молитве руки, преподобный Морис Бёрридж начал произносить строки, которые его губы произносили уже тысячи раз. Он сидел, склонившись — опрятный седовласый мужчина, которому было за шестьдесят. Его спокойное лицо с трудом можно было различить в темноте тихой, пустой церкви.

Да приидет Царствие Твоё;

Да будет воля Твоя...

Его отвлёк раздавшийся снаружи выстрел обратной вспышки в автомобиле. Он снова закрыл глаза и продолжил:

и на земле, как на небе...

Холодный свежий воздух подчёркивал естественный каменистый аромат церкви. Он касался шеи Мориса, словно чьё-то холодное дыхание. Натягивая на себя шерстяную кофту, старик корил себя за то, что отвлекается.

Хлеб наш насущный дай нам на сей день...

Кофта. Её связала ему Пегги, когда у неё была фаза увлечения вязанием, сменившаяся затем гончарной

фазой. Дорогая забавная Пегги. Надо будет ей позвонить. Завтра... Завтра он ей позвонит, и договорится встретиться где-нибудь на выходные.

Он вернулся к молитве. Это была первая из выученных им молитв, и из всех, которые ему доводилось читать, она до сих пор была его любимой.

*и прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим...*

Прищурившись, он посмотрел на белый циферблат наручных часов, и с удивлением понял, что уже наступило утро.

*и не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого...*

Он зацепил локтем пачку свежих фотокопий буклетов, и они посыпались на пол. Поднимая их, он смахивал пыль с чёрно-белых обложек, на которых неровными буквами было написано «Методистская церковь Милтон Брэдбери, избранные гимны». Положив буклеты на полку, с которой они свалились, он снова сомкнул руки, чтобы закончить молитву.

Яркий свет. Внезапный яркий свет. Он посмотрел вверх. Увидев витражное окно, он замер, поражённый, всё ещё автоматически произнося слова молитвы. Пучок света двигался по окрашенным стёклам, медленно смещаясь от рубиново-красного к

изумрудно-зелёному, а затем — к сапфирово-голубому.

Ибо Твоё есть Царство и сила и слава во веки...

С божественной красотой, от которой Морис не мог оторвать взгляд, лучи осветили сцену распятия. И даже когда свет опустился по фигуре Христа и исчез, священник продолжал сидеть и смотреть на окно, словно в трансе. Неужели это оно? Духовный опыт, о котором говорили другие, но который так никогда и не случался с ним?

Внезапно снова раздался хлопок — к церкви подъезжала машина. У старика ёкнуло сердце, он резко пришёл в себя. Затем послышался звук колёс, ехавших по крупному гравию. Уже не раз при таком плохом освещении какой-нибудь автомобиль оказывался перевёрнутым набок. Подняв своё дрожащее тело со скамьи, Морис направился к выходу. Вглядевшись во мрак сельской дороги, проходившей мимо двора церкви, он заметил сияющие фары. Фары метались из стороны в сторону, но никто не пострадал. Морис проводил их взглядом, пока они не исчезли.

Бригадир Элистер Летбридж-Стюарт молча сидел в своём кабинете, уперев локти в стол и подперев голову руками, подбирая слова к рапорту, который, как он надеялся, не придётся подшивать к делу. Он совсем

недавно зашёл в кабинет, с нетерпением ожидая звонка, который мог подтвердить его подозрения. Звонок был принят, подозрения подтверждены. Теперь он не знал, что делать. Идеи, предположения, обвинения, все те размышления, которые до этого он держал глубоко в себе, теперь вырвались на волю, умоляя его прислушаться к ним. Он резко встал, оттолкнув ногой стул. Он вспомнил военное училище: «Рациональное мышление поможет вам лучше разобраться в ситуации», — примерно так его учили. Впрочем, он всегда был склонен рассуждать логически, и был человеком действия. Но сейчас это ему почему-то не помогало.

У него с Доктором всегда было взаимопонимание, взаимное уважение. Да, они не всегда сходились во взглядах, и большинство аргументов Доктора были ему непонятны, но он всегда открыто поддерживал этого эксцентричного научного консультанта, считая это своим долгом. Поэтому, с его точки зрения, у него были все основания быть недовольным абсолютным нежеланием Доктора посвящать его в свои дела. Он знал, что Доктор любит делать всё по-своему, но раньше он никогда не вёл себя так... бригадир пытался подобрать слово помягче, но подходило только «подозрительно». Было такое впечатление, что каждый раз, когда он хотел поговорить с Доктором, тому

именно в этот момент пора было куда-то идти. Не удивительно, что в приступе обиды он велел сержанту Первису проследить за Доктором.

Шпионить за ним. Теперь это звучало довольно гнусно, но кто мог подумать, что Первису это так понравится. При написании рапорта он сожалел, что приходится признавать это. Тем не менее, на тот момент это казалось единственным способом узнать что происходит. И теперь, когда он узнал, как это всё понимать? Его мозги снова заработали. Что он вообще знал о Докторе? Какие у него были доказательства того, что растрёпанный человечек, которого он впервые встретил в Лондонском метро, был тем же, что и заносчивый тип, который доставляет столько хлопот сейчас?

Легенда Доктора не выдерживала никакой проверки. Все объяснения казались нелепыми и притянутыми за уши; все эти разговоры о двух сердцах и о рождении на другой планете... Фикция, просто фикция, выдуманная с целью добавить интриги характеру Доктора, чтобы его осведомлённость сделала его включение в команду UNIT обоснованным. Если задуматься, то во время случая с автонами бригадиру некогда было рассуждать логически, и он сам не заметил, как некий незнакомец был зачислен в UNIT. Незнакомец, который постоянно

требовал то одно, то другое, то третье, которому прощались вольности и причуды, которому предоставлялось самое разнообразное оборудование, половину из которого после этого больше никогда не видели.

Мистификация. Какая-то сложная мистификация. Возможно, крупная шпионская операция. И они оба в ней задействованы, два Доктора, два разных человека? Бригадир никогда полностью не верил в какую-то там регенерацию. Для того, чтобы это казалось правдоподобным и убедительным, их должна быть целая организация: медицинский персонал больницы Эшбридж Коттедж, технический персонал, даже проверенные члены UNIT. Шпионский заговор пугающих масштабов, который он, бригадир, открыто поддержал. Он вспомнил сколько раз он подписывал важные документы со словами «Да поможет нам Доктор Джон Смит», и почувствовал себя идиотом.

Агент. Работающий на кого-то другого. Это многое бы объяснило. Многие действия Доктора, которые бригадир считал «бессмысленными», возможно, были объяснимы, если исходить из другого мотива. В конце концов, тот собирался из каких-то собственных соображений выдать планы UNIT силурианам. Что, если эти соображения были стремлением к власти? Ему достаточно лишь раз добиться успеха, чтобы стать

серьёзной угрозой международного масштаба. Но откуда он родом? Кажется, он нёс об этом какую-то чушь. На кого именно работал Доктор?

Аккуратно напечатанный рапорт Первиса лежал на столе перед бригадиром, словно насмешка. Он снова прочёл эти разоблачающие слова:

Вначале, как и в предыдущий раз, подозреваемый действовал как отчаявшийся человек. Но его интерес привлекло место примерно в двадцати метрах от его припаркованной машины. Через пять минут, тщательно осмотрев это место, он вернулся к машине и взял в ней небольшую коробку, размером не больше коробки для печенья. Он принёс её на заинтересовавшее его место, положил на траву, и сел рядом. Через десять минут подозреваемый встал и огляделся, меня при этом не заметив. Присев на колени возле коробки, он выдвинул антенну длиной около двух метров. Он просидел там ещё час, иногда что-то делая с коробкой, но чаще просто рассматривая свои туфли. Затем он собрал антенну, отнёс коробку обратно в машину, и уехал. При обследовании этого места ничего не было обнаружено.

Бригадир перевернул рапорт, словно этим он стирал все слова и всё, что из них следовало. Доктор явно занимался чем-то, о чём не хотел говорить, а для

научного консультанта UNIT такое поведение было недопустимо. Нужно предпринять какие-то меры, но какие? Мысли бригадира были прерваны — кто-то обратился к нему по имени. Он резко обернулся, и обнаружил, что он не один.

Разочарование Лиз Шо росло: она трясла дверьми стоявшей в углу лаборатории ТАРДИС, пытаясь их открыть. Это у неё уже вошло в привычку. Оставаясь в лаборатории одна, она всегда пыталась открыть двери, надеясь, что Доктор забыл их запереть. Она знала, что полицейская будка вела себя не так, как обычный шкаф. Это стало более чем очевидно в тот день, когда она увидела, как Доктор выкатил оттуда какую-то аппаратуру, которую он называл «консоль».

— Что он там делает? — бормотала она, возвращаясь к лабораторному столу.

Она вспомнила, как застала бригадира врасплох.

— Вас что, стучать не учили, мисс Шо? — рявкнул он.

Она ответила, что стучала дважды, и поинтересовалось, всё ли у него в порядке.

— Нет, мисс Шо, не всё в порядке. Присядьте, пожалуйста. Я хотел бы узнать ваше мнение кое о чём.

Лиз была заинтригована. Бригадир редко интересовался мнением других людей, а уж тем более женщин.

— В последнее время у вас не возникало беспокойства по поводу Доктора?

— Вы о его самочувствии? Или...

— Нет, мисс Шо, вы меня не поняли, — резко перебил он. — Я говорю о его поведении. Вы не находите, что оно странное... может быть, даже скрытное?

Лиз медленно кивнула головой. Даже сейчас, вспоминая этот разговор, она сделала то же самое.

— Да... раз уж вы подняли эту тему, он действительно скрытный. Но не более странный, чем всегда. Вы же знаете Доктора.

— Думал, что знаю. А он ничего... не говорил такого, о чём мне следовало бы знать? — он внезапно рассердился. — Крайне важно, чтобы вы мне это рассказали!

— Ничего такого. Я в таком же неведении, как и вы, бригадир. Куда он направляется и чем занимается во время своих отлучек, можно только догадываться.

— Я должен знать, чем он занимается. Постарайтесь выяснить это, мисс Шо. Я был бы очень вам за это признателен. Доктор доверяет вам больше, чем кому-либо.

Он умоляюще посмотрел на неё, отчаянно пытаясь одновременно не потерять ту армейскую выдержку, которой был знаменит. Лиз оставила бригадира в таком же задумчивом состоянии, в каком он был до её прихода.

Раздался кашель:

— Вы что-то хотели?

От неожиданности у Лиз перехватило дыхание. Обернувшись, она увидела, что в дверях ТАРДИС стоит Доктор. По её выражению лица он понял, что подловил её, и теперь наслаждался её реакцией.

— О... Доктор. Вы вернулись. А я думала, что вы куда-то ушли.

— Я так и понял.

Он вышел из ТАРДИС и, многозначительно посмотрев на Лиз, подчёркнутыми движениями закрыл и запер двери, не оставляя сомнений в том, что он был в курсе того, что она пыталась сделать. Он завершил это представление имитацией того, как она трясла дверь ТАРДИС.

— Вам что-то было нужно, Лиз?

Она взяла себя в руки и посмотрела на него не менее пристальным взглядом:

— Где вы были, Доктор?

Он вынул свой носовой платок и протёр им линзу окуляра.

— Гулял, — небрежно сказал он.

Она снизила голос:

— Бригадир задавал вопросы.

— Лиз, бригадир всегда задаёт вопросы.

— Нет, вопросы о... вас.

Доктор резко поднял взгляд на неё:

— Какие вопросы? Что вы ему сказали? Полагаю, он хочет, чтобы вы за мной шпионили, в этом дело?

Лиз рассердилась. Доктор иногда был просто невыносимым, и при этом чертовски точным.

— Вы обо мне очень плохого мнения, Доктор. Он просто хочет знать, чем вы занимаетесь.

Доктор, потеряв интерес, повернулся, чтобы уйти, и она крикнула ему вслед:

— И я, честно говоря, тоже. Что вы скрываете? Я хочу знать, и я не сойду с этого места, пока вы мне не объясните.

Доктор остановился и повернулся к ней. Лицо у него было немного виноватое, словно ему было стыдно за то, что он обвинил её в выполнении грязной работы для бригадира.

— Хорошо, Лиз. Кое-что происходит. Но у меня есть основания не вовлекать в это бригадира, и вас я прошу о том же.

Он вёл себя так же гадко, как и бригадир... Он снова сделал её крайней. Как обычно: игра в

выбивного, и она посередине. Но пока что она это спустит ему с рук.

— Даю вам слово, Доктор. Так куда именно вы ездите во время этих своих прогулок?

Доктор почесал затылок, словно размышляя, с чего начать.

— Ну...

Он не смог начать. Дверь в лабораторию резко распахнулась, и в неё зашёл бригадир. Лиз расстроено закатила глаза. Момент был невероятно неудачный. Ему удалось успешно помешать выполнению своего же поручения, идеальный шанс был утерян.

— Я хотел бы поговорить с вами, Доктор, — начал он.

Но Доктор уже надевал свой плащ, словно прибытие бригадира было сигналом к отъезду:

— Простите, бригадир. Я как раз собрался уходить.

— Снова путешествовать по округе?

Доктор мило улыбнулся:

— Путешествовать? По округе? О, бригадир, у вас просто талант читать мысли. Вы можете в цирке выступать.

Лиз стала у Доктора на пути.

— А как же наш разговор? Вы уже забыли? — она многозначительно посмотрела на него.

— Простите, Лиз. Как-нибудь в другой раз.

И он ушёл. Лиз посмотрела на бригадира так, что многие из его подчинённых стали бы по стойке смирно. Сам же бригадир лишь немного удивился.

— Что-то не так, мисс Шо? — спросил он.

— Момент вашего появления! — грубо отрезала она. — Ещё несколько минут, и он бы мне всё рассказал. Но нет — вам надо было прийти и всё испортить!

Когда бригадир понял, что он сделал, он разозлился ещё сильнее.

— Я вас уже предупреждал о ваших манерах, мисс Шо, — возмутился он. — Позвольте напомнить, что вы моя подчинённая. Держите свои чувства при себе и обращайтесь ко мне с подобающим уважением! Я ясно выражаюсь?

— Абсолютно! — ответила Лиз с такой же злостью.

— Отлично. В таком случае, через пятнадцать минут мы с вами тоже поедем путешествовать по округе.

— Поедем?

— Да, поедем.

— И куда, позвольте спросить, мы поедем?

— В Милтон Брэдбери, — сказал бригадир, — вслед за Доктором.

Доктор ударил кулаком по рулю Бесси и даже не извинился за это. Не веря своим глазам, он смотрел на заброшенный железнодорожный путь, который теперь был усыпан знаками UNIT и огорожен жёлтой лентой. Он направил свою злость на ближайшего солдата, стоявшего возле ограждения:

— Капрал!

Молодой человек обернулся на голос и, узнав Доктора, приготовился к худшему.

— Я хочу знать, что здесь происходит!

— Простите, сэр, но вам придётся спросить у...

— Бригадира, — закончил за него Доктор. — О, да... Кто же ещё может стоять за этим. Этот пронырливый интриган... Что, уже ничего святого не осталось?

Внимание Доктора привлёк раздавшийся за его спиной шум мотора. Он обернулся и увидел подъезжающую машину бригадира. Солдат UNIT, на которого он излил свой гнев, переглянулся с другим солдатом, ожидая, что будет дальше. Доктор расправил плечи и сложил руки на груди. Этой театральной позой он часто пользовался: драматическая фигура в развивающемся на холодном осеннем ветру чёрном плаще.

— Как мило, — с издёвкой сказал он, когда из машины вышли бригадир и Лиз. — Как это мило. Мне следовало догадаться, что вы не сможете не сунуть сюда свой длинный нос, — сказал он, указывая пальцем на бригадира. — А вы, Лиз... Вы меня разочаровали.

— Минуточку...

— Я считал вас другом, преданным другом.

— Я не потерплю...

— От вас я такого не ожидал.

— Я не потерплю, чтобы меня обвиняли...

— Позвольте мне разобраться с этим, мисс Шо.

— Да, Лиз, позвольте бригадиру.

— Доктор, поскольку вы являетесь членом...

— Да, мы все знаем, как бригадир предпочитает разбираться с проблемами. Ваша военная тактика решит всё, не так ли? Вы уже окружили всё колючей проволокой? Не сомневаюсь, что первого же кролика и крота, который высунет голову, разнесут в клочья. Здесь нет мишеней, на которых вы могли бы попрактиковаться в стрельбе. Вообще-то, тут для вас вообще ничего нет, так что можете забирать своих людей и свои знамёна в какое-нибудь другое место.

— А вот для вас, Доктор, похоже, тут много интересного.

— И позвольте узнать, как вы узнали о том, где находится «тут»?

— Мне сообщила мисс Шо.

— Неправда.

— Я ему не говорила!

— Я ей об этом не рассказал. Не ожидал, что вы можете лгать мне.

— Ладно, я...

— Да, бригадир?

— Я посылал следить за вами. Три раза.

— Следить? Лиз?

— Я ничего не знала об этом.

— Три раза, и каждый раз вы были в радиусе тридцати миль от этого места.

— Следить? То есть, вы шпионили за мной? Зачем? С какой целью?

— Ваши действия перестали быть подотчётными. Вы ведёте себя... подозрительно. Мне кажется, я больше не смогу вас терпеть.

— Вы? Терпеть меня? Я к вашей юбке не привязан. Мне не нужно одобрение каждого моего шага. Когда вам нужна была помощь, я вам её оказывал. Вот уж не ожидал, что в благодарность вы и ваши клоуны в сапогах будете совать нос в мои личные дела.

— Не переступайте черту, Доктор. Вы можете попасть под трибунал. Я не потерплю такое поведение

от члена UNIT. И, как член UNIT, каким бы эксцентричным и капризным вы ни были, вы должны действовать на моих условиях, и только так.

— Либо я буду действовать на собственных условиях, либо не буду действовать вообще! — Доктор развернулся и ушёл к самому дальнему углу ограждения.

Бригадир со злостью ударил по бедру жезлом.

— Что же, если он так этого добивается, — прорычал он сквозь зубы.

Лиз неожиданно взяла его за руку:

— Дайте мне поговорить с ним наедине.

Бригадир, всё ещё красный от злости, не знал, что делать.

— Пожалуйста, — тихо сказала она.

Он секунду поразмыслил и, немного успокоившись, кивнул:

— Хорошо. Но это его последний шанс.

Лиз оставила его и, выбирая дорогу между оборудованием UNIT, пошла к Доктору.

— Доктор?

Он стоял к ней спиной.

— Что? — его ворчливый, обиженный тон напомнил Лиз капризного ребёнка.

Несмотря на его грубость, ей было жалко его. Он выглядел потерянным, словно сражался в одиночку в заведомо проигрышной битве.

— Вы сам на себя не похожи.

Он всё ещё стоял к ней спиной.

— Значит, теперь я стал такой.

Какое-то время он помолчал, а затем послышалось какое-то неразборчивое ворчание.

— Мне надоело, — Доктор обернулся в её сторону.

— Мне надоело. Надоело всё это. Надоели военные операции. Надоело, что я не могу что-то сделать так, как сам считаю нужным. И он мне надоел, — он кивнул в направлении бригадира.

— Я знаю, что он умеет вас довести... Бог свидетель, я временами чувствую то же самое. Но он всего лишь выполняет свою работу, — она посмотрела ему в глаза. — А вам, Доктор, разве нечего делать?

Доктор задумчиво потёр подбородок и, не сказав ни слова, пошёл обратно. Пройдя несколько шагов, он обернулся:

— Вы идёте, Лиз?

— Так вы, значит, именно сюда ездили последние несколько недель? — Лиз повернулась в сторону Доктора. Её светлые волосы ветром задувало ей в

глаза, когда Бесси набирала скорость по извилистой сельской дороге.

— Нет, не совсем. Я побывал в разных местах.

— Но во всех с одной и той же целью?

Он кивнул:

— Да. Понимаете, Лиз, я уже несколько месяцев провожу своё собственное исследование.

— Внутри ТАРДИС?

— Да, внутри ТАРДИС. Подальше от бри... — он замолчал. — Подальше от людей, задающих вопросы и мешающих в тот момент, когда я пытаюсь сосредоточиться.

— Возможно, я могла помочь вам, — она была расстроена, что он отстранился от неё, но сейчас лучше было это не показывать.

— У вас была своя работа.

— Вы могли бы и спросить.

Доктор раздражённо нахмурился:

— Так вы будете слушать, или нет?

И, не успела она ответить, как он продолжил:

— Хорошо. Молчите и слушайте. Понимаете, я проводил исследование...

— При помощи консоли?

Доктор издал продолжительный театральный вздох, и Лиз прикусила губу, обещая себе, что больше она его перебивать не будет.

— Для этих исследований мне удалось собрать довольно хитроумное устройство наблюдения.

Лиз сама не заметила, как нарушила своё обещание:

— Как, ещё одно? И что оно делает?

— Наблюдает! — ехидно парировал Доктор. — Но это не просто монитор. То, что я собрал (позволю себе заметить, проявив незаурядное умение), это высокочувствительный высокочастотный усилитель, способный улавливать сигналы, которые не обнаруживаются даже самыми современными громоздкими приборами UNIT.

Заметив на её лице интерес, он продолжил хвастаться:

— И это серьёзное достижение, Лиз. Хотя оборудование UNIT и высокочувствительное... — и он начал говорить о том же самом, пока Лиз не вмешалась.

— Я полагаю, вам удалось зарегистрировать один из таких сигналов?

Довольный собой, он улыбнулся ей.

— Доктор... вы чудо!

— Да, полагаю, что да!

Дружелюбно помахав водителю тархтящего трактора, который его жёлтый автомобиль только что обогнал, он добавил:

— Этим я тут и занимался.

После чего, неожиданно для Лиз, Доктор замолк.

И это всё? Больше он ей ничего не расскажет? Он же так ничего, по сути, и не рассказал, за исключением того, что собрал какое-то устройство, и того, какой он умный. Ни в том, ни в другом не было ничего необычного.

По прошествии десяти минут молчания Лиз сказала:

— А подробнее не расскажете, Доктор?

Она надеялась, что он не заметил тонкую связь с разговором, который он сам ранее прекратил. Доктор посмотрел на её решительное лицо, и понял, что она от него не отстанет. Он снова заговорил:

— Ладно. Точность моего оборудования позволила мне с погрешностью порядка тридцати миль локализовать место, в котором имело смысл искать признаки активности. Это должна была быть какая-то неприметная местность, чтобы туда сразу не вызвали UNIT. Итак, мне удалось составить краткий список возможных... — Доктор запнулся, понимая, что следующие его слова вызовут определённую реакцию, — возможных мест посадки...

Её реакция была именно такой, какую он ожидал, но он не дал ей ничего сказать, тут же продолжив:

— И вычёркивать их, одно за другим, посещая каждое. Я думал, что делаю это один.

— И теперь вы его обнаружили?

— Да, Лиз. Боюсь, в данный момент солдаты ходят по нему туда-сюда возле железнодорожных путей, — его голос напрягся, словно сам себя подбадривал. — Впрочем, я нашёл несколько обломков, которые внимательно изучил. Но их должно было быть больше. Гораздо больше.

Они свернули на главную улицу и шли мимо почтового отделения Милтон Брэдбери.

— Мне следовало действовать быстрее. Я хотел избежать всего этого.

— Так это может быть что-то вроде корабля? Мы корабль ищем?

— Не совсем, Лиз. Я знаю точно и тип корабля, и что в нём за пилот. Как я уже говорил, мне следовало действовать быстрее. Теперь ни того, ни другого нет, их кто-то забрал, и я знаю, что это не UNIT.

— Есть ещё какие-то специалисты? — предположила она.

— Нет, определённо нет. Я же нашёл несколько пропущенных ими обломков, вы забыли? А корабль... его легко увезти, он не больше, чем... боковая коляска мотоцикла. И его явно тащили — большие куски дёрна вывернуты. Нет, это были не профессионалы.

— И они в опасности?

— Да.

— Из-за пилота?

— Нет. Нет... скорее из-за самих себя.

В ярких лучах солнечного света, падавших в его кабинет сквозь окно, Морис Бёридж сосредоточенно читал, усевшись в любимом кресле и перелистывая страницы лежавшей у него на коленях большой тяжёлой книги в кожаном переплёте. Шорох тонких страниц был единственным звуком во всём здании, он продолжался до тех пор, пока рука не остановилась на одной из глав. Поправив очки, уже натиравшие ему переносицу, он прочёл слова «Вера, надежда, любовь» и какое-то время молча сидел. Затем снова начал листать страницы. Слова и фразы кружились в его голове, и он знал, куда листать, какие отрывки читать, какие строки искать; но даже эта древняя книга не могла сказать ему то, в чём он нуждался. Он растерянно закрыл её и положил на стол. *Дело не в том, что она неверна, — подумал он, — просто она не дописана.* Он решил, что в этот момент бóльшим избавлением для него станет чай.

Он направился в кухню, но по пути почувствовал нечто, что про себя называл «звуком» — гулкое завывание, которое действовало больше на его живот,

чем на голову и сердце. Ему не нравилась мысль о том, что нужно пойти в спальню для гостей, он не знал, как ему поступить. Эта спальня вызывала у него странное ощущение отстранённости; как будто бы то ли его тело, то ли его сознание отделяются. Но ему нужно было идти, это был его долг. Кроме него это некому было сделать. Он тихо открыл дверь спальни. Комнатушка была маленькая. Окно тоже было маленькое, сквозь него проходило так мало света, что голубая штора почти никогда не была востребована. Он пытался сделать интерьер этой комнаты в голубых тонах, но ему это не удалось: её безмятежность нарушалась присутствием красной корзины для мусора и ярко зелёной настольной лампы. Как и комната, оба этих предмета были маленькими. Лампа стояла на маленькой тумбочке, тумбочка — рядом с небольшой кроватью. А на кровати, под старым вязаным одеялом, лежало оно.

Морис в сотый раз пытался смириться с реальностью присутствия этого существа. Всё, во что он верил, отрицало это, говорило, что он видит невозможное. Он снова задумался. Нет, дело не в том, что она неверна, просто она не дописана. Он мысленно пошутил, что ему нужно написать следующий том. Подойдя ближе к кровати, он опустился на колени и сочувственно посмотрел на своего гостя — существо

ростом не больше 120 сантиметров. Если не считать связанное Пегги одеяло, существо было голым, кожа была местами бесцветная, а в других местах, особенно на груди, молочно-жёлтая. Голова была на тончайшее и казалась уязвимой, как надувной шарик. Маленькое отверстие без губ на том месте, где у шарика был бы узел, показалось Морису ртом. Понять где нос и уши не удавалось. У существа однозначно были глаза, и в раскрытом состоянии они наверняка занимали треть его гладкого лица. Но они, вопреки надежде Мориса, не были открыты. Как и раньше, они представляли собой лишь длинные чёрные щели. Быть может, когда они откроются, они оба получат лучший способ общения, чем обмен непонятными друг для друга звуками.

Через несколько минут в комнате вновь стало тихо, глаза снова крепко закрылись. Морис ещё раз взглянул на существо и тихо вышел.

Доктор и Лиз вышли из таверны «У Форрестера» и пошли дальше по дороге.

— Не много нам это дало, — вздохнула Лиз. — Интересно, тут всегда так тихо? — она посмотрела на Доктора. — У нас есть хоть какие-то успехи?

— Дорогая Лиз, за исключением того, чтобы опросить всех жителей, пабы — наша главная

надежда. Осталось попытать счастье ещё в двух или трёх, — с оптимизмом сказал он.

Они шли молча, Доктор изучал карту этой местности, а Лиз размышляла о том, что он ей рассказал о загадочном пропавшем корабле. Она снова пришла к выводу, что он ей почти ничего не рассказал.

— Доктор!

— Хм? — он не оторвал взгляд от карты.

— А какого именно... — она на секунду запнулась, подбирая слово, — пилота мы ищем?

— Разумный гуманоид. Невысокий, примерно вот такой, — он показал рост рукой, подняв её примерно на уровень своего пояса. — Его правильное название — эрисцент.

Доктор сложил карту и положил её в карман пиджака.

— Больше всего, Лиз, меня расстраивает то, что всё могло быть так просто: найти существо, починить корабль, и отправить обратно в космос так, чтобы никто ничего и не заметил. Ни шума, ни проблем, ничего — никого бы не пришлось вовлекать. А теперь UNIT решил побряцать оружием и всё испортил. Так же, как это было с силурианами. Так же, как это было всегда, вообще-то. Они лишь усугубляют ситуацию, которую без них можно было бы решить быстрее и проще. Типичная операция Летбридж-Стюарта.

— Помяни чёрта...

К ним по дороге тяжёлым шагом направлялись бригадир и двое его подчинённых. Подойдя почти вплотную, военные вызываяще стали поперёк тротуара шеренгой, загородив им путь. Бригадир холодно посмотрел на Доктора:

— Так вот, значит, где вы прячетесь? Вернуться и извиниться было слишком сложно, я полагаю?

— Ха! Мне? Извиниться перед вами? За что? Кстати, забыл вам сказать: я нашёл очаровательное место, где вы сможете попрактиковаться в стрельбе. Надо же, извиниться! С вашей стороны это просто издевательство. Идёмте, Лиз.

В тот же момент солдаты угрожающе подняли ружья. Лиз видела, что Доктор шокирован этим, но продолжал держать лицо.

— Скажите своим марионеткам, чтобы убрали свои игрушки, бригадир, — потребовал Доктор.

— О, нет. В этот раз вы никуда не уйдёте. Теперь на повестке дня нечто большее, чем ваши вопиющие нарушения принципов UNIT. Есть жертва, погибшая при подозрительных обстоятельствах. Немедленно сообщите мне всё, что вам известно.

— Жертва? Кто? — спросила Лиз.

— Местный житель. Пенсионер по имени Джордж Палмер. Он и его собака погибли, когда он выгуливал

её в лесу за церковью. Его жена говорит, что они шли втроём, всё было как обычно, и вдруг собака бросилась на неё, укусила, а затем упала в каком-то припадке. Её муж начал кричать и вопить, схватился за голову, словно обезумев, и ускользнул от неё, она не успела его задержать. Он упал со склона и разбил голову.

Лиз изменилась в лице:

— Какой ужас!

— Да, весьма неприятно, — согласился Доктор. — Боюсь, однако, что не могу вам помочь.

— У вас нет права выбора, Доктор.

— Я сожалею о смерти этого старика и его собаки — весьма прискорбно — но лучшее, что вы можете сделать, как я вам уже говорил — собрать своих людей и уехать. Потому что, даю вам слово, чем дольше вы тут остаётесь и вмешиваетесь в то, чего не понимаете, тем больше будет жертв. И будут ещё жертвы, бригадир, помяните мои слова.

— Я вижу, что вам явно всё об этом известно. Я так и думал. Вы тут корчите из себя учёного, но есть жертва, и есть обещание других жертв. И вы рассчитываете, что я это проигнорирую и уеду? Мой долг — защищать людей. Это моя работа, вы что, не понимаете? Нет, куда уж вам это понять. Не думаю, что вы за своими личными интересами можете разглядеть интересы большинства.

— Погодите, бригадир...

— Помолчите, мисс Шо! Вообще-то, чем больше я о вас узнаю, Доктор... — бригадир иронично засмеялся. — Это была шутка, я ничего о вас не знаю... Всё, что я знаю: вы высокомерный, эгоцентричный...

— Ах, значит, я высокомерный? Эгоцентричный, значит? А как бы вы описали себя, бригадир? Как бы вы назвали того, кто готов из-за своей несговорчивости позволить погибать невинным людям?

После долгой паузы бригадир снова заговорил. Его голос был холоден и сух:

— Ваша служба в UNIT завершена, Доктор. Вы для нас позор, обуза, ваша позиция просто жалкая. Считайте, что вы уволены.

Первая прореагировала Лиз. Она сквозь зубы сказала:

— Бригадир! Подумайте, что вы делаете! UNIT нуждается в...

— Не утруждайте себя, Лиз, — Доктор протолкнулся мимо бригадира и его подчинённых. — Я в любом случае больше не хочу иметь дело с этой кучкой недалёких неучей. Пускай пытаются, посмотрим, что у них выйдет. А у меня своих дел полно.

И он пошёл дальше по улице. Лиз в отчаянии смотрела на своего начальника:

— Поверить не могу, что вы это сделали! И что вы теперь собираетесь делать без него?

— Мы справлялись без него раньше — справимся и теперь. А что касается вашей демонстрации верности...

— Вы без него в тупике, и вы это знаете!

— Вы испытываете пределы моего терпения, мисс Шо...

— Какой же вы... — она не могла подобрать слова.

Оставив ошарашенного бригадира, Лиз пошла за Доктором.

Потребовалось несколько секунд на то, чтобы кремового цвета веки полностью раскрылись. Когда они раскрылись, абсолютно чёрные глаза устало осмотрели комнату и несколько раз моргнули. Воспоминания о том, как оно сюда попало были очень расплывчатыми, запомнилась лишь сильная боль и беловолосое существо, которое забрало его оттуда. Опираясь на две худые ручки, которые выглядели так, словно любое усилие может их сломать, существо поднялось и смогло оценить процесс восстановления. Конечности были ещё слабые, но боль и холодное оцепенение прошли, структура тела успешно

восстанавливалась. Аккуратно спустив ноги с кровати, оно ступнями без пальцев коснулось на удивление мягкого пола и, опираясь на руку, встало в полный рост. Несмотря на дрожь в ногах, существо почувствовало гордость. Следующим вызовом для него была наполовину открытая дверь; шаркая, словно идя на лыжах, существо пошло к ней. Это короткое путешествие завершилось наверху небольшой лестницы. Хватаясь за перила похожей на лапу рукой, существо начало спускаться, ступенька за ступенькой.

Запыхавшись и вспотев, Вэл Джолли поставила свою тяжёлую сумку с покупками на первую лавку. Полная и выглядевшая старше своих 34 лет, она была женщиной, которой в пору была одежда самых крупных размеров. Она несла из мини-маркета сумку с консервами, и это её утомило. Сняв с себя синий макинтош, на котором недоставало пуговиц, она немного перевела дыхание, а затем размотала бумагу, в которой было несколько букетов свежесрезанных, сильно пахнущих хризантем. Они с Фредой Ричардс по очереди украшали церковь цветами раз в две недели, по пятницам. Она посмотрела на наручные часы, убедившись, что ещё полно времени до того, как нужно будет забрать детей у их бабушки. Взяв

пухлыми руками цветы, она пошла к кабинету священника, рассчитывая найти там чистые вазы.

За шумом потока воды из крана она услышала какой-то приглушённый звук.

— Добрый вечер, преподобный Бёрридж, — громко сказала она. — Я скоро закончу. Наполню вазы и подойду к вам. У меня с собой фотографии с экскурсии воскресной школы, можете посмотреть.

Ответа не последовало; может быть, это было радио? Пожав широкими плечами, она двумя руками взяла одну из ваз и понесла букет розовых, пурпурных, и солнечно-жёлтых цветов обратно в церковь.

Она заметила тень, длинной косой диагональю пересёкшую малиновый ковёр, почти сразу, и резко повернулась. Её объёмное подношение из цветов упало на пол с оглушающим грохотом, а сама Вэл Джолли смотрела в огромные чёрные глаза, которые в тот же миг загорелись миллионом цветов.

Несколько минут спустя Доктор чуть не столкнулся с обезумевшей женщиной, которая неслась навстречу, не глядя под ноги. Её пухлое лицо было нездорового красного цвета, а дыхание превратилось в какофонию хрипов и свистов.

— Да что это вы... — вырвалось у него, когда она грубо зацепила его руку.

Но гневный взгляд на здание, из которого она появилась, его преобразил.

— Ну конечно! Как же я сразу об этом не подумал?

— О чём? — Лиз слушала его краем уха, провожая охваченную паникой женщину, которая теперь врезалась в бригадира.

— Церковь. Вот так способности к дедукции! Да, если подумать, это вполне логично.

Лиз раскрыла рот, чтобы резко ответить, но Доктор приложил палец к её губам:

— Подумайте, Лиз. Пойдёмте.

Гомон в таверне «У Форрестера» умолк, когда в дверь ворвалась Вэл Джолли. Её лицо было мокрым от пота, дыхание было хриплым, с присвистом. Она опёрлась руками на один из круглых столиков.

— Вы плохо себя чувствуете? — обратилась к ней хозяйка заведения. — Присядьте, подышите немного.

Вэл успела сказать «Церковь», но потом боль свела ей грудь и руки. Её сердце остановилось. Она свалилась на пол, опрокинув за собой столик и стоявшие на нём два стакана с недопитым пивом.

Проснувшись, Морис Бёрридж заморгал, пытаясь разглядеть кабинет. Какое-то время назад он заснул, сам того не заметив, о чём свидетельствовала кружка с

остывшим недопитым чаем у его ног и несвежий привкус во рту. Он не мог понять что могло его разбудить. Кажется, он услышал громкий удар... Наверное, просто приснилось. Стук входной двери окончательно привёл его в чувства. Это, должно быть, Вэл пришла, чтобы расставить цветы. Поставив кружку на стол, он пошёл по коридору в церковь, с трудом не наступая на рассыпанные хризантемы. Он недоумённо оглядывался по сторонам, пока его внимание не привлёк чей-то кашель:

— Простите, преподобный.

— Вам чем-то помочь?

— Да, мне кажется, что вы можете нам помочь.

Морис подозрительно смотрел на двух приближавшихся незнакомцев: мужчину, одетого в скорее театральный костюм, на фоне гигантского роста которого невысокий священник почувствовал себя карликом, и молодая светловолосая женщина. Мужчина снова заговорил:

— Я только что встретил на улице женщину, которая плохо себя чувствовала. Она выбежала из церкви, явно в состоянии шока. Вы, случайно, не знаете, что с ней случилось?

Побледнев, Морис старался сдержать волнение в голосе:

— Она что-нибудь сказала?

— Она не успела, она очень быстро бежала, — лаконично объяснил мужчина; он посмотрел Морису прямо в глаза, его взгляд был очень серьёзный. — Мне кажется, что вы знаете, что она увидела, преподобный. Вы должны всё нам рассказать. Я могу вам помочь. У нас мало времени.

Мориса озадачила осведомлённость незнакомца... Неужели он действительно разбирался в том, о чём говорил?

— Да чем же вы можете мне помочь? — наконец, ответил он. — Я даже не знаю, кто вы.

Мужчина вздохнул — он не любил формальности, тем более такие несвоевременные. Вместо него заговорила девушка:

— Это Доктор, а я Элизабет Шо. Мы оба представляем... — она покосилась на Доктора, — UNIT.

Морис нахмурился:

— Простите... UNIT?

— Оперативная группа объединённых наций, — объяснил Доктор, привычно протараторив давно заученные слова. — Инопланетные формы жизни, паранормальные явления...

Он внимательно следил за лицом старика, ожидая реакции на свои слова. Реакция не заставила себя долго ждать.

— Вы... что-то в этом понимаете? Я даже и не знал, что существуют такие организации.

Пытаясь переварить происходящее, Морис растерянно смотрел за тем, как Доктор взял одну из фотокопий с гимнами и начал на ней рисовать. В горле у священника пересохло: он узнал в наброске знакомую овальную голову, большие глаза, и худенькое, как прутик, тело.

— Пройдёмте лучше в мой кабинет, — прошептал он. — Там нам никто не помешает.

— Я тогда был в церкви... — и Морис начал свой рассказ. Иногда он смущался, иногда путался. — И вот тогда я его и увидел, сквозь ветви деревьев. На старом железнодорожном пути. Я всегда был любопытным, вот и решил подойти и взглянуть поближе, — он немного помолчал. — Я просто не верил тому, что там обнаружил. Мне было страшно... Я увидел его...

— Существо? — спросил Доктор.

— Да. Я видел, что оно лежит внутри корабля. Я думал, что оно погибло, но... Мне удалось его вынуть, оно было ранено, понимаете... Завернул его в кофту и да, принёс его сюда... Я правильно сделал? Вы что-нибудь в этом понимаете?

— Да, — кивнул Доктор.

— Почему вы не обратились в полицию? — спросила Лиз.

— Не знаю. Почему-то мне это показалось не нужным.

Морис продолжал свой сбивчивый рассказ:

— Я промыл его раны тёплой водой... Это правильно? — снова спросил он.

— А что с кораблём? — спросила Лиз.

— Я сразу же вернулся за ним. Даже и не знаю, как смог его дотащить сюда. Он не был тяжёлый, просто тяжело его было по лесу тащить.

— И где он сейчас?

— В сарае. Я подобрал много отвалившихся частей. Я сложил их в мешки от удобрений.

— Хорошо. О нём пока можно не волноваться. Скажите, преподобный, эрисцент не пытался с вами как-то общаться?

— Эрисцент? — переспросил священник.

Доктор снова показал на свой рисунок:

— Эрисцент, — подтвердил он, сложил рисунок пополам и спрятал его себе в карман. — Оно не пыталось как-нибудь общаться с вами? — повторил он.

Морис уверенно покачал головой:

— Не пыталось. Я сам пытался...

— Не нужно это делать! — резко прервал его Доктор.

Лиз и Морис посмотрели на него, ожидая объяснений.

— Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь это делать, — продолжил он, делая ударение на каждом слове. — Если вам это удастся, вы подвергните себя огромной опасности. Я не только знаю, что это за существо, но также знаю его способности. Мы с ним какое-то время общались. Оно страдало, оно заблудилось, ему нужна была помощь. Я направил его на Землю, чтобы предоставить эту помощь. За время нашего с ним общения я узнал о его странной особенности. Оно предупредило меня о ней, оно очень беспокоилось о том уроне, который может нанести. Вам исключительно повезло. Если бы вы хоть раз взглянули в его раскрытые глаза, оно попыталось бы прочесть ваши мысли и вы, преподобный, были бы уже мертвы, — Доктор рассказывал об этом с холодной прямоотой. — Какая жалость, вообще-то, — продолжил он. — Довольно оригинальный метод общения. Разумеется, он абсолютно безопасен для эрисцентов, но при попытке общения с другими формами жизни, у тех мозг необратимо повреждается, отчего жертва обычно либо сходит с ума, или испытывает припадки, похожие на эпилепсию.

— Так вот что случилось с той женщиной на улице? — Лиз начала понимать происходящее.

— Да... И с тем стариком с собакой.

Стоявший за дверью человек мрачно кивнул. Из подслушанного разговора он узнал всё, что ему было нужно. Держа наготове пистолет, бригадир начал подниматься вверх по лестнице.

Его охватил азарт охотника. Он выбрал ближайшую дверь, которая была слегка приоткрыта. Толкнув её стволом револьвера, он осторожно опустил взгляд. Несмотря на вселяющую уверенность тяжесть оружия в руке, он был настороже. Его настороженность была вызвана непонятностью ситуации; когда он мельком увидел бледное, как призрак, тело, лежащее на кровати в углу, частично прикрытое одеялом, то с трудом сохранил самообладание. Сильнее, до боли сжав пистолет, он сделал ещё один шаг к кровати. Существо молчало, но бригадир чувствовал на себе его взгляд. Он чувствовал себя не в своей тарелке: вместо того, чтобы горланить существу приказы, ему приходилось молча красться. Он остановился возле кровати и, намеренно не глядя на свернувшееся тельце, угрожающе ткнул револьвером в одеяло. Внезапная реакция лежавшего под одеялом существа застала бригадира врасплох:

выцветшее одеяло полетело ему в лицо. Бригадир выпутался из одеяла, небрежно бросил его на пол, но в комнате к этому моменту уже никого не было.

Ещё не поднявшись до конца лестницы, Доктор, Лиз, и Морис слышали голоса. Открыв дверь спальни, они увидели стоявшего к ним спиной человека. Он был одет в хаки, на голове берет; он решительно что-то говорил в рацию.

— Бригадир!

Военный резко обернулся, и, предугадывая вопрос Доктора, сказал:

— Его нет. Сбежало, — его голос был спокойный. — Я хотел поймать его... — он сделал паузу, сверкнул глазами, и добавил голосу напыщенности. — Ради общего блага...

— Но оно от вас ускользнуло, — насмешливо сказал Доктор. — Слабое инопланетное существо размером с семилетнего ребёнка, и вы позволили ему ускользнуть от вас. Отличная работа, бригадир. Просто превосходно. Вы вообще понимаете, что вы сделали?

— Как же его теперь найти! — вскрикнул Морис.

— Вот именно! Если оно доберётся до города, такое начнётся! Полагаю, вы подслушали наш разговор внизу?

Лиз показалось, что на лице бригадира пробежала тень смущения.

— Да.

— Да... Действия исподтишка — ваш конёк. Когда-нибудь слышали о верблюде и о соломинке, сломавшей ему спину?

— Всего этого могло бы не быть, если бы...

Их спор прекратил чей-то хриплый голос:

— Сэр! Сэр! Вы ещё там? Оно в лесу, сэр!..

Доктор выбежал первый.

— Преподобный, оставайтесь тут, на случай если оно вернётся, — приказал он. — Лиз, — он кивком головы велел идти за ним.

В любой другой момент она бы это не спустила ему с рук. Но в этот раз, учитывая сложившиеся обстоятельства, она послушалась.

Сержант Митчелл брёл вдоль старого железнодорожного пути. Он громко шмыгнул носом, утёр его тыльной стороной руки и посмотрел на часы. Уже темнело, ветер усиливался; скоро его смена закончится. Он опустил руку в карман, надеясь найти там завалявшиеся мятные леденцы. Роясь в кусках бумаги и монетках, он нащупал смятый пакетик, но замёрзшие пальцы тут же выронили его в густую некошеную траву.

— Чёрт возьми! — он начал прощупывать мокрую зелень. — Чёрт возьми!

Шагнув назад, он услышал хруст пакетика под своим армейским сапогом.

— Да чтоб тебя! — и он со злостью затоптал остатки пакетика в землю.

Он услышал приближающиеся к нему шаги.

— Угостил бы тебя леденцом, но... □ — но оказалось, что это подошёл не сменщик.

Митчелл пошатнулся, схватился за голову, и, скорчившись, упал в грязь и мокрую траву. Затем, приложив невероятные усилия, он встал на ноги и, волоча тяжёлые ботинки по гравию, побрёл в направлении своих растерянных товарищей из UNIT. Они побежали ему навстречу, и Митчелл свалился им под ноги.

Его дом превратился в дозорную башню. Морис Бёрридж не покидал свой пост у окна спальни; по мере того, как за окном темнело, в стекле всё более ясно проступало его отражение. Нетерпеливо барабанив пальцами по подоконнику, он уже в третий раз за несколько минут посмотрел на часы. Уже почти сорок пять минут, как оно ушло. Оно же должно попытаться вернуться? Но всё, что ему было сверху видно — строй солдат, обосновавшихся внизу. Их строй

напоминал ряды могильных камней, к которым они проявляли так мало уважения. Он устало уткнулся лбом в холодное стекло.

— Что бы об этом всё сказала Пегги?

— Никак не могу перестать думать о его глазах.

Доктор кивнул; его руки лежали на руле машины, в которой они сидели.

— Да, бедолага. По словам того молодого солдата, всё произошло очень быстро. Но я должен был быть там, Лиз. Мне нужно было быть быстрее. А теперь всё, что мы можем сделать — ждать ещё одну встречу, ещё одну смерть. Несчастное существо.

Лиз вслед за Доктором вышла из машины и направилась через газон на территории церкви к огороженной территории с пометками «UNIT», куда также пытались пройти несколько местных жителей.

— Доктор! Для человека, который не хочет больше иметь с нами дело, вы очень часто возвращаетесь, — не удержался бригадир.

Теперь, когда солдаты официально взяли контроль над ситуацией, бригадир впервые почувствовал себя уверенно. В его напыщенном тоне чувствовалось чопорное самодовольство.

Глубоко вздохнув, Доктор посмотрел в глаза своему противнику.

— Несмотря на ваше недалёкое упрямство на протяжении всей этой ненужной активности, — начал он тоном смирившегося человека, — я готов заключить с вами сделку.

Бригадир выжидающе изогнул брови. Неужели Доктор будет унижаться?

— Я хочу, чтобы эрисцента поймали и поместили в безопасное место, где о нём можно будет позаботиться, и чтобы вы позволили мне починить его корабль и вернуть его домой.

Требования Доктора разозлили бригадира:

— Вы просите слишком многого, Доктор. Всегда. Всегда просите слишком много. Вы никогда не верили мне настолько, насколько я доверял вам.

— Бригадир, — перебил его Доктор, — мы оба знаем, что всё это лишь маленький эпизод, в котором события развиваются бесконтрольно. Вы же мне не доверяете, Бригадир, верно? А я не доверяю вам. В этом причина сложившейся ситуации.

Доктор сделал паузу и подошёл на шаг ближе к бригадиру.

— Вы же взорвали их, не так ли?

Последовало долгое молчание. Внезапно кто-то закричал:

— Сзади! Быстро! Сзади!

Это кричал Морис, высунувшись из окна своего кабинета и размахивая рукой.

Грубый холодный камень больно давил на кожу эрисцента, а отсутствие пальцев почти не давало ему возможности держаться, но он всё равно лез вверх, к открытому окну.

— Почему он не вернулся тем же путём, по которому сбежал? — слышался голос Мориса.

Ему ответил голос Доктора:

— Потому что там дорогу перегородила небольшая армия.

Напуганная криками внизу, похожая на мальчика фигурка изо всех сил прижималась к стене. Она пыталась ухватиться за самый узкий подоконник третьего этажа. Существо явно было очень тяжело. Нагрузив всем своим весом руки, оно смогло подтянуться на подоконник и, словно гимнаст, уселось на него. Оттуда оно смотрело вниз, устало опустив голову на грудь.

Доктор мгновенно осознал опасность.

— Прикажите солдатам остановиться, бригадир! — крикнул он.

К его удивлению, бригадир так и сделал. Большинство солдат остановилось; четверо из них уже свернули за угол. Лиз побежала туда, надеясь передать

им команду, Доктор отставал от неё на несколько шагов.

Свернув за угол, Лиз увидела, что солдат целится из ружья вверх. Она навалилась на ружьё:

— Не смей! — крикнула Лиз.

Но ни она, ни он не смогли удержать ружьё, когда вмешался третий. Упав на землю, Лиз увидела, что остальные трое солдат попадали, один из них всё ещё сжимал ружьё, остальные держались за головы. По каменным стенам церкви пронеслось эхо единственного выстрела, за ним раздался пронизывающий душу вопль, а затем стук упавшего на землю тела инопланетянина. Лиз подняла голову с земли и увидела Доктора; ружьё в его руках всё ещё было направлено на подоконник, лицо бледное и подавленное. Бригадир стоял рядом, от его самодовольства не осталось ни следа.

— Ну вот, — сказал Доктор шёпотом, слышным только ему самому. — Уверен, что теперь для вас всё стало гораздо проще, бригадир.

Лиз хотела что-то сказать, она понятия не имела, что именно, но всё равно хотела что-то сказать. Но Доктор как раз в этот момент с грохотом отшвырнул ружьё:

— Пуля его даже не задела. Он испугался. Он упал из-за звука выстрела.

Больше он ничего не сказал. Он обошёл Лиз и на секунду задержался напротив бригадира. Странно. Впервые ему показалось, что в лице бригадира он различил что-то, немного похожее на себя. Затем он вышел из двора церкви и пошёл к машине.

— Хм... В каком, интересно, году это случилось?
— я посмотрел на Сильвермана, но он ничего не сказал; в свете угасающего костра его похожее на череп лицо выглядело как безучастная маска.

— И бригадир, — продолжал я, — он думал о Докторе как о двух разных людях: о неряшливом невысоком человеке — это мог быть тот, которому досталась заводная птица — и высоком элегантном человеке в плаще, — я почесал голову. — Знаете, бывали у меня необычные дела, но это все их переплёвывает.

Мой клиент начал нетерпеливо ёрзать в кресле.

— Внешность не имеет значения! — выпалил он.

Я пристально на него посмотрел, но промолчал.

— Я нанял вас для того, чтобы вы выяснили, что со мной случилось, — продолжил он, — чем я занимался после прибытия в этот город. А это нас никуда не ведёт!

— Что же, это определённо дало нам больше вопросов, чем ответов, — признал я, — но я считаю, что нам нужно продолжить, — я посмотрел на Сильвермана, — если, конечно, вы не возражаете.

Он снова улыбнулся улыбкой покойника:

— Я весь к вашим услугам, мистер Эддисон.

— Хорошо, значит, так и сделаем.

Я быстро наклонился к столу и, после секундного раздумья, выбрал маленький кристалл, который, возможно, когда-то был частью ювелирного украшения, но сейчас был поцарапан и почернел, словно побывал в топке.

— Попробуйте вот это, — предложил я и бросил его Сильверману.

Он поймал его одной рукой, повернул к свету, и оценивающе осмотрел.

— Проницательный выбор... — сказал он, одобрительно кивая. — У меня такое чувство, что это нам существенно поможет.

Сказав это, он взял кристалл в пригоршню и, держа его над центром стола, сосредоточенно закрыл глаза.

СКАРАБЕЙ СМЕРТИ

Марк Стэммерс

Эдвин Карвер бежал. Бежал настолько быстро, насколько позволяло его старое, слабое и неуклюжее тело, хотя у него не было ни капли сомнения, что на этой вонючей пыльной планете ему от них не спрятаться. К тому же, боль и головокружение постоянно напоминали ему о том, что левое плечо прострелено бластером и, судя по расплывающемуся вокруг раны красному пятну, он терял много крови.

Пока он заставлял себя бежать в самое сердце пустыни, порывы ветра начали срывать песок с дюн и швырять его в воздух. Хотя он и не был верующим, Карвер мысленно помолился любым богам, которые могли бы сжалиться над ним и укрыть его от песчаной бури. За несколько минут видимость ухудшилась настолько, что он не мог различить собственную руку у себя перед носом. Упав в песок, он неподвижно лежал, пытаясь увидеть или услышать в пелене вращающегося песка и в оглушающей какофонии завывающего ветра приближение тех, кто за ним гнался.

Через несколько минут он различил приближающуюся к нему группу из пяти или шести

человек. Когда банда вооружённых головорезов проходила в нескольких шагах от него, он вжался сильнее в дюну. Ослеплённые песком, они прошли мимо и скрылись из виду, перекрикиваясь, чтобы не растеряться в буре.

Карвер медленно встал. Встать было почти на пределе оставшихся у него сил, но какая-то внутренняя сила заставила его брести вперёд. Сознание уже начало покидать его, и только эта сила управляла его измождённым телом. Он запустил руку в карман пиджака и погладил гладкий камень — причину всех его несчастий и единственное, что его утешало. От одного прикосновения к камню он чувствовал себя сильнее. Когда он не мог больше идти, он поковылял на четвереньках, а когда не хватало сил даже на это — пополз по песку.

Настал момент, когда он не мог больше продвинуться. Карвер перевалился на спину и посмотрел в проносящийся над ним песок. В нём он едва различал огромную тень. Пирамида. Он заплакал от того, что все его усилия ни к чему не привели. Он хотел унести скарабея как можно дальше и спрятать его так, чтобы его никто никогда не нашёл, но, заблудившись в буре, он сделал круг и вернулся в исходную точку. Теперь они его наверняка найдут, и скарабея тоже.

Понимая, что вот-вот лишится сознания, Картер начал присыпать своё тело песком, хороня себя и скарабея, которого он крепко сжал в левой руке. Скоро над песком остались только его лицо и правая рука. Он надеялся, что буря скроет его окончательно. Он улыбнулся, подумав, что хотя и вырыл себе могилу, по крайней мере, они не смогут найти скарабея. Вселенная и её обитатели могли бы очень поблагодарить его за это, но они никогда об этом не узнают. Он расслабился в объятиях песка и через несколько минут в последний раз потерял сознание.

Транспортёр мчался над пышущими жаром песками пустыни, опираясь на антигравитационную подушку, которая держала его и его пассажиров в метре над дюнами.

Когда он только сошёл со сборочной линии, его рекламная брошюра красочно расписывала последние нововведения по части комфорта для требовательных путешественников: репликаторы еды и напитков были запрограммированы предоставлять роскошные блюда; кондиционер воздуха мог обеспечить самый благоприятный климат для представителей любого вида; терминалы доступа к компьютеру виртуальной реальности помогали скоротать скучные участки пути; и, конечно же, самые лучшие двигатели инерционного

демпфирующего поля для поразительно плавного движения.

После десяти лет тяжёлой работы энтропия начала разъедать системы, делая транспортёр всё менее комфортабельным. Репликаторы еды отказали шесть лет назад, вскоре за ними последовали кондиционеры, компьютеры виртуальной реальности с самого начала не работали, как следует, а отказ амортизаторов сделал дорогу к пирамиде весьма ухабистой.

В этой поездке в транспортёре было всего десять пассажиров, включая двух гидов. Впереди сидела парочка молодых людей, которые явно больше интересовались друг другом, чем поездкой. За ними сидели четверо туристов с Антареса, болтавших о чём-то друг с другом, неторопливо поглощая огромную стопку упакованных бутербродов. Последние двое пассажиров — мужчина и женщина, оба одетые весьма странно — сидели сзади.

Когда стало видно огромную чёрную пирамиду, один из гидов устало встал, достал маленький микрофон, и поднёс его к губам.

— Дамы и господа, — произнёс он, — перед вами знаменитая Чёрная Пирамида Беты Осириса, величайшее дошедшее до наших дней свидетельство былой Осирийской цивилизации.

Он нажал на микрофоне маленькую кнопочку, и зазвучали фанфары. Четверо с Антареса временно забыли о своей еде и бросились вперёд. В своём стремлении сделать голографические снимки огромного сооружения они едва не раздавили гидов и молодую парочку. После непродолжительного щёлканья вспышками антарианцы вернулись на свои места, и гид продолжил:

— На протяжении столетий археологи обнаруживали свидетельства присутствия осирийцев на планетах всех известных галактик. Легенды гласили о тёмном повелителе Сутехе, разрушившем Фэйестер Осирис, и о клятве его брата Гора преследовать Сутеха по всей вселенной, чтобы совершить возмездие за аннигиляцию их расы. Но лишь после открытия этой одиночной луны и её Чёрной Пирамиды высотой в милю удалось отделить миф от реальности. И тогда, уже больше двадцати лет назад, посетители направились сюда, чтобы увидеть одно из величайших чудес галактик.

— Состоятельные отдыхающие, уничтожившие местную культуру своими отелями и казино, и превратившие коренное население из расы кочевых охотников и собирателей в прислужников, жуликов, и аферистов.

Гид потрясённо поднял взгляд и увидел, что источником этого едкого комментария был высокий мужчина, сидевший на заднем сидении транспортёра, протянув ноги на свободное сидение перед ним. Словно будучи не в курсе о жаре двойного солнца Беты Осириса, он был одет в широкополую шляпу, которую он натянул на лицо, длинный разноцветный шарф, обёрнутый вокруг его шеи, и плотное коричневое пальто. Его спутница — темноволосая женщина в белом хлопковом платье и в большой кремового цвета соломенной шляпе с красной лентой, шикнула на него:

— Не надо сцен, Доктор!

— Ты знаешь, Сара, — ответил мужчина, — если есть в мире что-то, что я ненавижу, то это экскурсии с гидами.

Гид прокашлялся (как ему казалась, осуждающе), и продолжил излагать заученный текст:

— Также, пирамида стала местом научного исследования, не имеющего себе равных по важности и интересности. После этого открытия команда археологов провела полный осмотр, и тщательно задокументировала все проходы, помещения, и множество обнаруженных замечательных находок.

— А потом они решили, что секреты в ней закончились. И тогда они улетели на другие планеты, а

вместе с ними улетели и те, кто финансировал их работу. Отчего местная экономика обрушилась, приведя к нищете и деградации.

И снова это была реплика высокого мужчины. Гид недовольно посмотрел на него:

— Прошу вас, сэр, не мешайте другим слушать.

Он обвёл взглядом других пассажиров, надеясь на их поддержку, но обнаружил, что никому это не было интересно. Молодая парочка страстно обнималась, а антарианцы всё ещё поглощали свои сандвичи. Тогда он решил быстро завершить своё выступление:

— Мы прибудем к пирамиде через несколько минут, так что приготовьтесь узреть чудо той эпохи и роскошь древних.

Гид с удовольствием сел на своё место.

Сара повернулась к Доктору:

— Доктор, я не понимаю, зачем ты затащил меня на эту экскурсию, которая тебе самому явно не нравится?

— Потому что мне всегда хотелось увидеть эту пирамиду, Сара, — последовал ответ Доктора, приглушённый прикрывавшей его лицо шляпой. — Это выдающееся архитектурное сооружение, которое позволит нам лучше познакомиться с культурой осирийцев.

— Если они все были такие, как Сутех, то мне не очень хочется знакомиться с ними.

Доктор снял с лица шляпу и надел её на голову. Не вставая, он открыл глаза и посмотрел на Сару.

— Нет, никто из них не был так плох, как Сутех, — улыбнулся Доктор.

— Ну, тогда хорошо, — Сара немного расслабилась, прогнав воспоминания об осирийце, которого они уничтожили на Земле.

— Они были одержимые властью, садисты, все до последнего само зло, но никто из них не был так плох, как Сутех.

Сара холодно посмотрела на Доктора, но он уже снова прикрыл лицо шляпой. Она встала и пошла в переднюю часть транспортёра, решив воспользоваться последними минутами до высадки для того, чтобы своей верной зеркалкой «Никон», висевшей у неё на шее, сделать ещё несколько снимков пирамиды.

Когда транспортёр остановился в огромной тени, отбрасываемой похожей на гору пирамидой, показалось, что внезапно наступила ночь. Пассажиры спускались из открытой двери вниз, их зрение постепенно привыкало к окружавшему их мраку. В десяти метрах от транспортёра, в северной стороне пирамиды зияла огромная дыра. По её рваным краям

Сара предположила, что эта архитектурная деталь была добавлена относительно недавно.

— Похоже, им пришлось взорвать стену, чтобы войти, — прокомментировала она.

— Явно не смогли найти настоящую дверь, — ответил Доктор, не отрываясь от туристической брошюры. — На Земле археологи в своём стремлении раскрыть тайны в 1920-х годах часто сильно повреждали гробницы в Долине Царей. Похоже, некоторые вещи не подвластны изменениям.

Обернувшись, Сара увидела, что их попутчики направляются внутрь пирамиды.

— Экскурсия уже начинается, Доктор.

Она пошла к входу, на ходу присоединяя к фотоаппарату вспышку, но не успела сделать и нескольких шагов, как Доктор позвал её обратно.

— Я ненавижу экскурсии, — напомнил ей он. — Не говоря уже о том, что я предпочёл бы осмотреть её снаружи.

Он засунул свою брошюру обратно в карман пиджака и быстро направился к краю тени и к восточной стороне гробницы. Сара шла за ним по пятам, иногда переходя на бег, чтобы не отставать.

— И что такого интересного в этом «снаружи»? — недовольно спросила она.

— Иероглифы на её стенах так никогда и не были расшифрованы.

Доктор остановился и повернулся к Саре. Она увидела в его глазах знакомый блеск; тот особый блеск, который означал, что он нашёл тайну, которую нужно разгадать.

— А ты, я так понимаю, можешь в них разобраться? — судя по интонации Сары, её веселили детские попытки Доктора разгадывать любую головоломку, какую бы ему не предложила вселенная.

— Ну... — ответил Доктор с лукавой улыбкой, — у меня появилось несколько идей после того, что я увидел в пирамиде на Марсе.

— Ну, тогда пойдём и узнаем, что нам скажут сами сирийцы, — Сара обошла Доктора и целеустремлённо направилась к похожим на мраморные склонам пирамиды. — Кто знает, — крикнула она через плечо, — вдруг это окажется самым старым анекдотом во вселенной.

Теперь настала очередь Доктора догонять свою спутницу.

После четырёх часов хождения вокруг пирамиды и наблюдения за тем, как Доктор срисовывает с резных панелей множество непонятных символов, терпение Сары было исчерпано.

— Ну что, есть какие-нибудь результаты? — иронично спросила она.

— Хм? — Доктор даже не оторвал взгляд от своего блокнота.

— О чём там написано?

— Ну, я могу расшифровать около сорока семи процентов. Обычное содержание. «Осирийская династия переживёт галактику и будет вечно процветать... бла-бла-бла».

— И это всё?

— Нет, есть ещё. Этот картуш, похоже, вырезали позже остальных, — Доктор указал на символы в нижней части стены. — Символы не такие, как везде.

— И ты не можешь их прочесть, — сделала вывод Сара.

— Нет... Но если поработать ещё, я...

— Доктор, солнца уже садятся, скоро стемнеет. Транспортёр поедет обратно, а мне очень нужно принять ванну и выпить чего-нибудь прохладительного.

Доктор посмотрел на свою спутницу:

— Да, конечно. Прости, Сара. Я могу закончить и в ТАРДИС. Пойдём обратно.

Идя за Доктором, Сара обо что-то споткнулась. Потеряв равновесие, она упала в дюну. Песок под ней был твёрдый и неровный, и она поняла, что там что-то

закопано, совсем не глубоко. Смахнув верхний слой песка, она увидела глаза трупа.

Услышав крик Сары, Доктор бегом бросился назад. Его спутница отползла от полузасыпанного мертвеца и показывала на него рукой. Убедившись, что она не ранена, Доктор с мрачным лицом нагнулся над трупом.

— Он тут, судя по внешнему виду, пару дней уже лежит. Наверное, его песчаная буря засыпала.

— Откуда ты знаешь? — Сара начала приходить в себя.

Мысленно она корила себя за чрезмерную реакцию. За время своих путешествий в ТАРДИС она уже много раз видела смерть. Она надеялась, что привыкнет к ней, как те журналисты, которым удавалось не терять голову даже в самых кровавых войнах Земли. Но в глубине души она понимала, что никогда такой не станет. От смерти ей всегда становилось плохо.

— Если бы его хоронили намеренно, тело было бы глубже, — ответил Доктор.

Он начал раскапывать грудь, руки, и ноги мертвеца:

— Судя по нанесённой бластером ране в его плече, он умер от потери крови.

Сара взяла себя в руки и заставила себя вернуться к трупу. Ветер пустыни разносил нездоровый запах

разложения. Присев рядом с Доктором, она заметила, что в левой руке покойный сжимал что-то, сверкавшее в лучах вечернего солнца. Не решаясь коснуться мёртвого сама, она показала это Доктору. Доктор разжал кулак, который уже охватило трупное окоченение, и высвободил блестящий объект. Это был маленький кристалл длиной меньше четырёх сантиметров, вырезанный в виде жука-скарабея.

— Какой красивый, — сказала Сара.

— Посмотри внимательнее, Сара, — с озабоченным лицом сказал Доктор. — Посмотри вглубь камня. Видишь, там, в самой середине?

Сара взяла камень, повернула его, и внимательно вгляделась. Затем испуганно посмотрела на Доктора:

— Это Глаз Гора.

— Да. Как он, интересно, тут оказался?

Доктор взялся обыскивать карманы изодранного пиджака погибшего. Все они были пустые, за исключением одного, в котором был небольшой электронный блокнот с пометкой «Собственность Эдвина Карвера».

— Что же, мистер Карвер, мы узнали ваше имя, теперь давайте узнаем, чем вы занимались.

Доктор листал электронные страницы, задерживаясь, чтобы прочесть некоторые фрагменты.

— Похоже, что наш друг был археологом с Земли. Он много изучал иероглифы на этой пирамиде.

Доктор достал свой блокнот и сравнил свою работу с работой покойного.

— Ему удалось что-то расшифровать? — нерешительно поинтересовалась Сара.

— Если ты имеешь в виду ту часть, которую я не прочёл, то да, он смог. Должно быть, у него был блестящий ум.

— И о чём там написано?

— По мнению мистера Картера, там написано «Пусть древний спит вечно, ибо если он проснётся, то всё прекратится».

— И что это значит? — Сара заглянула Доктору в лицо, рассчитывая на какое-нибудь успокоение. Но она его там не нашла.

— Не знаю, Сара, но у меня такое чувство, что это не анекдот. Больше похоже на предсказание конца света, — Доктор встал. — Задержи, пожалуйста, отправление транспортёра. Расскажи им о теле, но не упоминай скарабея. Я останусь тут, с мистером Карвером, а ты пришли кого-нибудь помочь мне отнести его.

— Хорошо. Я сейчас, — Сара побежала к главному входу в пирамиду, радуясь, что не нужно оставаться рядом с трупом.

Доктор дождался, пока она скроется за углом пирамиды. Затем вынул из кармана увеличительное стекло и начал изучать скарабея в мельчайших подробностях.

После продолжавшегося несколько часов допроса Доктор и Сара наконец-то вышли из дверей полицейского участка на улицу единственного на этой планете города, который в брошюрах для туристов назывался Азира, а горожане называли «Адская Дыра». Был уже поздний вечер, и из освещения на улице были только красочные неоновые вывески баров и борделей.

— Ну что, теперь можем идти в ТАРДИС? — голос Сары охрип после нескольких повторений рассказа о том, как было найдено тело.

Она устала и хотела поскорее принять ванну и заснуть под защитой корабля. Доктор вынул из кармана ключ от ТАРДИС и протянул его ей.

— Мне нужно выяснить ещё несколько вопросов, вернусь позже, — прошептал он.

— И куда ты собрался? — тоже прошептала она, не понимая при этом, зачем такая скрытность.

— Пойду осмотрю гостиничный номер нашего покойного друга. Думаю, там должны быть какие-то подсказки относительно природы скарабея, — Доктор

показал блокнот Карвера, на котором был адрес покойного.

— Ну, будь осторожен, — сказала Сара и взяла ключ.

Обычно она не любила, когда Доктор расследовал что-то без неё, но в этот раз она слишком устала даже для того, чтобы подумать о том, чтобы пойти с ним.

— Я всегда осторожен, — угрюмо ответил Доктор.

Они расстались, и Сара пошла на окраину города, к ТАРДИС. Доктор дождался, пока она скроется из виду, и направился в темноту переулков. Две никем незамеченные похожие на призраков фигуры вышли из скрывавшей их тени. Первый силуэт пошёл за Сарой, а второй — за Доктором.

Отель «Роскошный» своему названию не соответствовал. Чтобы найти его в глубине далеко не лучших кварталов ветхого предместья Азиры, Доктору пришлось потратить почти час. Это было трёхэтажное здание, которое, как и все соседние, было дешёвой сборной постройкой. Снаружи он из-за грязного воздуха за многие годы покрылся тёмно-коричневыми пятнами, и когда Доктор зашёл в парадную дверь, то увидел, что внутренние стены «оформлены» в том же стиле. В дальнем конце фойе был столик регистратора, отделённый от остальной части фойе металлической

решёткой. Табличка уведомляла гостей о том, что на решётку подано напряжение в несколько киловольт, в виду чего попытки ограбить служащего были бы неразумными. Другая табличка сообщала о том, чтобы всё оружие сдавалось на стол.

Доктор хотел было пройти мимо стола и сразу подняться в номер Карвера, но заметил, что у него над головой кружит наблюдательный робот. Позади стола открылась дверь, и в неё зашёл невысокий темнокожий мужчина. Слева у него на месте руки осталась только культя, а на его похожем на свиной пяточок носу был глубокий шрам.

— Вам номер для одного или для двоих?

— Ни то, ни другое. Я пришёл навестить друга.

— Посещения запрещены, — мужчина повернулся, чтобы уйти за дверь.

— Ну, я не совсем посетитель, мне нужно кое-что забрать из номера мистера Карвера. Он попросил меня принести ему одну вещь. Это ненадолго.

Доктор пошёл к лестнице.

Служащий ударил кулаком по стойке:

— Никто в эту комнату не зайдёт, пока Карвер не заплатит мне долг за две недели.

— Ах, да, конечно, — Доктор начал рыться в карманах, вынимая из них горы разного хлама.

Наконец он нашёл затянутый шнурком мешочек, в котором были монеты с самых разных планет со всей вселенной. Долго в нём рывшись, Доктор нашёл монету на тысячу кредитов.

— Этого достаточно? — спросил он, прекрасно зная, что за половину этой суммы он мог себе позволить несколько дней в самом лучшем отеле на этой планете.

— Да, как раз, — соврал служащий, глаза у которого чуть не вылезли из орбит.

Он снял со стойки возле стола пластиковый кодовый ключ и швырнул его сквозь решётку. Ключ упал к ногам Доктора. Вернув в карманы их содержимое, а затем положив туда же и ключ, Доктор поднялся по лестнице на третий этаж. Служащий хотел вернуться в свой кабинет, но входная дверь раскрылась, и внутрь осторожно зашёл худой человек в чёрном. Служащий моментально узнал зашедшего, и его тут же охватил страх. Мужчина в чёрном подошёл к стойке и указал на лестницу, по которой только что ушёл Доктор.

— Он не должен уйти до моего возвращения, — приказал он.

В руке мужчины служащий увидел стальной клинок.

— Конечно, я прослежу, чтобы он не ушёл, — ответил он с натянутой улыбкой.

Мужчина в чёрном вышел и исчез в темноте улицы.

Открыв дверь комнаты Карвера, Доктор сразу понял, что пришёл сюда не первый. Номер кто-то обыскал. Все места, где можно было что-нибудь спрятать, были проверены; подушки, матрасы, шкаф — всё было вскрыто без сожаления. Пройдя через этот хаос, Доктор начал просматривать разбросанные по полу бумаги Карвера. Его внимание привлекли остатки альбома с вырезками из газет и интервью, рассказывавшими о выдающейся карьере Карвера как археолога. Похоже было на то, что в молодости он был довольно знаменит, часто присутствовал на вечеринках богатых и знаменитых людей, развлекая их байками о своих открытиях. Доктору было непонятно, как же он оказался в маленьком дешёвом номере, вдали от блеска и роскоши тех лет. Вскоре он обнаружил возможный ответ: среди бумаг он нашёл большое количество карточек о ставках и долговых расписок, в основном из одного из крупнейших местных казино, с банальным названием «Чёрная Пирамида».

Не найдя ни одного упоминания скарабея, Доктор переключил своё внимание на терминал компьютера, который был сброшен на пол и валялся на боку. Подняв его, Доктор увидел, что от удара корпус повредился. Он попробовал его включить — безуспешно. Вынув крышку батарейного отсека, Доктор проверил детали и нашёл сломанный оптический кабель. Порывшись в кармане, он достал стеклянный шарик и вставил его в зазор между разорванными волокнами. Терминал закрипел и ожил.

Из данных уцелела только личная переписка Карвера. Письма, которые он отправлял по субкосмической коммуникационной сети. Пальцы Доктора быстро бегали по древней клавиатуре, пока он не наткнулся на письмо, которое привлекло его внимание:

Мистеру Уильяму Карверу,
главному куратору Британского Музея,
Земля.

Дорогой Уильям!

Удача наконец-то посетила меня и, если ты окажешь мне одну последнюю маленькую услугу, я больше никогда не буду вынужден обращаться за твоей щедрой финансовой поддержкой. Мистер Назир, владелец «Чёрной Пирамиды», оказался коллекционером египетских древностей. Он утверждает, что мы с ним уже когда-то встречались, однако я этого не припоминаю. Он согласился простить мне мои долги, если я добуду для него маленького хрустального скарабея, которого я нашёл во время последних раскопок в Каире в 41-ом году.

Я понимаю, что скарабей сейчас является собственностью музея, но умоляю тебя выслать его мне. Это суцая ерунда, и я знаю точно, что он валяется уже двадцать лет где-то на складе. Разве я много прошу, учитывая все те превосходные находки, которые я передавал музею на протяжении многих лет?

Мистер Назир пообещал оплатить мой отлёт с этой забытой богом планеты, даже доставить меня

*в квадрант Эпсилон и к новым местам
археологических изысканий на дальних планетах.*

*Брат, предоставь мне этот последний шанс
откупиться. Моё будущее в твоих руках.*

Жду твоего ответа,

Эдвин.

Доктор выключил терминал и раскрыл электронный блокнот Карвера. Зайдя в дневник, он прокрутил его на очень давние даты. Через несколько минут он нашёл то, что искал:

Каир, Земля, 24 июля 2541-го года.

Сегодня утром я гонялся по улицам города за маленьким карманником. Он стащил у меня хрустального скарабея, найденного мной на месте раскопок. Я был так рад этой находке, что позаимствовал её, чтобы показать друзьям и родным. Если бы я позволил маленькому вору исчезнуть в лабиринте узких улиц, мне пришлось бы сообщить начальнику экспедиции не только о том, что я взял артефакт без его разрешения, но ещё и о том, что я его потерял!

Мальчик был шустрым и ловким, но, к счастью для меня, он плохо питался. Минут через десять он уже бежал медленнее, и скоро я смог достаточно приблизиться к нему, чтобы подсечь. Когда он упал, скарабей выпал из его руки на пыльную дорогу. Ещё один рывок, и я в одной руке держал скарабея, а другой держал мальчишку за шиворот.

Мальчишке удалось вырваться и пнуть меня ногой по колену. От боли и неожиданности я закричал, а он тем временем убежал. Перед тем, как скрыться, он обернулся ко мне и заговорил.

— *Я проклиная тебя, Эдвин Карвер, — сказал он.*
— *Проклинаю тебя именем Культа Чёрной Пирамиды.*

Я провел его взглядом, пока он не скрылся в толпе, а затем поднялся и пошёл обратно, к моим друзьям. Странно, что мальчик знал моё имя.

Доктор закрыл блокнот. Теперь он знал, откуда взялся скарабей, и кому он был нужен тут, на Бета Осирис. Ответами на остальные загадки, вне всякого сомнения, располагал владелец «Чёрной Пирамиды». Впрочем, Доктор уже и сам начал приходить к тревожным выводам. Он решил, что лучше будет перестраховаться и вернуться к Саре.

Закрыв за собой дверь, он спустился по лестнице в фойе, в котором в этот раз никого не было. Когда он повернулся в сторону входной двери, что-то тяжёлое ударило его по затылку. Комната закружилась, и он упал без сознания.

До безопасного убежища в ТАРДИС Саре оставалось пройти всего несколько улиц, но у неё на шее кожа покрылась мурашками, и появилось гнетущее чувство, что за ней следят. Она начала часто оглядываться через плечо, но каждый раз, обернувшись, она видела лишь безлюдную тёмную улицу. Она пошла быстрее, и стала прислушиваться ко всем шорохам. Затем она и сама не заметила, как

побежала. Оглянувшись в очередной раз, она, наконец, увидела своего преследователя. Он перестал прятаться и гнался за ней открыто.

Сара хотела мчаться к ТАРДИС, но поняла, что её поймают раньше, чем она успеет добежать до синей будки. Увидев, что ближайшее здание открыто, она бросилась вовнутрь и захлопнула за собой дверь.

Она оказалась в комнате с приглушённым светом, с толстыми красными шторами и обоями с броскими узорами. На длинном ряду сдвинутых пухлых диванов и кресел возлежали около двадцати молодых женщин с разных планет, все едва одетые. Сара вдруг поняла, что забежала в бордель.

Ни одна из девушек не проявила особого интереса к внезапному появлению Сары. Их внимание было поглощено вдыханием дыма, исходящего из стоявшего в центре комнаты сосуда странной формы. Сары достигла лишь тонкая струйка запаха, и она тут же вспомнила студенческие вечеринки, на которых бывала во время учёбы в колледже.

Она пошла через комнату к двери напротив. Но не успела она пройти мимо хихикающих девушек, как дверь распахнулась, и навстречу Саре ввалился дородный мужчина. В руке у него была наполовину пустая бутылка, и по тому, как он раскачивался, Сара предположила, что недостающая жидкость находится в

нём. Выглядел он как бандит или наёмник. На поясе у него висел большой бластер, а на груди было что-то похожее на связку гранат. На спине у него висело большое, похожее на меч оружие с зубчатым лезвием.

— Привет, девчонки, я вернулся! — мужчина, шатаясь, шёл по комнате, а девушки толпились вокруг него, пища, как группа школьниц вокруг любимого певца.

Сара поняла, что если она хочет добраться до двери, ей нужно как-то обойти эту толпу. И только ей показалось, что ей это удалось, как большая рука схватила её и затащила в толпу. Она оказалась лицом к лицу с пьяным, который неуклюже пытался её ощупать.

— Ну, здравствуй! Ты, наверное, новенькая. Может быть, пойдёшь со мной, и мы познакомимся поближе?

Колено Сары не промахнулось. У толстяка закатились глаза, и он опустился на пол. Пока он пытался восстановить дыхание, Сара вырвалась и выбежала из комнаты.

— Мне она нравится, — хрипел наёмник. — Похожа на мою Тэйин.

Сара снова оказалась на тёмной улице, но уже в квартале от того места, где за ней гнались. Она

осмотрелась: преследователя нигде не было видно. Она не знала, что ей делать. Вернуться в ТАРДИС, как изначально планировалось, или попытаться найти Доктора? Она понимала, что если за ней следили, то и за ним, скорее всего, тоже. Взвешивая эти два варианта, она опустила руки в карманы платья. Пальцы правой руки коснулись чего-то гладкого, округлого, что она узнала не глядя: скарабей! Она вынула его и повернула к свету. Наверное, Доктор подбросил ей его, когда они расставались. Значит, он хотел отвлечь на себя внимание, пока она вернётся со скарабеем в ТАРДИС! Но его план не сработал. Она приняла решение: нужно попытаться найти Доктора. А когда они оба будут в безопасности, она выскажет ему всё, что о нём думает.

Когда Доктор поднимал блокнот Карвера, Сара успела мельком взглянуть на адрес отеля, но ничего кроме названия — ни улицы, ни района — сейчас вспомнить не могла. К счастью, отель «Роскошный» был известен в определённых кругах. Получив адрес от ночных гуляк, которым было что рассказать о ночных клубах и барах этого города, она в конце концов оказалась через дорогу от здания. Она как раз собиралась перейти улицу и зайти вовнутрь, как вдруг увидела, что из дверей выходит мужчина, который её преследовал. С ним был ещё один мужчина, который

также был с ног до головы одет в чёрное. Вдвоём они несли неподвижное тело Доктора. Сара беспомощно смотрела, как они запихнули её друга в открытую дверь грузового транспортёра, припаркованного у входа в отель, и на большой скорости уехали.

Сару охватила паника. Живой ли Доктор? Куда они его повезли? Как ей его найти? Однако, её сильный характер скоро взял своё. Она была журналисткой, проводившей расследования; она умела узнавать то, что ей было нужно. Нужно было лишь поговорить с людьми и задать правильные вопросы. Кто-то должен был знать о том, что происходит.

Продолжавшееся целый час расследование не выявило ровным счётом ничего. Регистратор в отеле «Роскошный» выгнал её, угрожая оружием. Другие, кто жил или работал на этой улице, захлопывали двери прямо у неё перед носом. За всё это время ей удалось узнать лишь одно: никто в Азире ничего ни о ком не знал. Все явно чего-то боялись, и единственное, что Сара могла из этого понять — тот, кто стоял за похищением Доктора, был чрезвычайно влиятелен. Лишь к одному человеку она ещё не обращалась: к нищему, валявшемуся в канаве в дальнем конце улицы, ведущей к отелю. Он был одет в какие-то лохмотья, а от запаха, который от него исходил, у неё

кишки просились наружу. Тем не менее, стоило попробовать. В конце концов, других вариантов у неё не осталось.

— Значит, решили всё-таки и ко мне обратиться, да? — нищий неожиданно заговорил первым.

Сара не ожидала, что он заговорит по собственной воле.

— Я так понимаю, что вы тоже ничего не видели? — спросила она.

— Может быть, видел, а может, нет.

Сара заглянула в его глаза, и с удивлением обнаружила, что взгляд у него умный и проницательный.

— Быть может, небольшой подарок поможет мне определиться.

— Боюсь, у меня нет ни денег, ни еды.

Она проследила его взглядом — он внимательно смотрел на её зеркалку «Никон», висевшую на плече.

— Какая древняя камера. Земля, двадцатый век, верно? И явно рабочая. Можно довольно выгодно продать на аукционе.

Сара задумалась над его предложением. Эта камера была у неё с тех пор, как она начала работать. Это был подарок тёти Лавинии в честь первого рабочего дня, и Сара дорожила этим подарком, как талисманом. Можно ли с ним расстаться, пускай даже ради

Доктора? Она поняла, что другого выбора у неё нет. Если она не найдёт своего друга, то, наверное, никогда не сможет покинуть эту планету. Она сняла с плеча фотоаппарат и передала его оборванцу.

— Спасибо, милая леди. Теперь я очень хорошо припомнил события, о которых вы спрашивали. Полагаю, вы найдёте ответы на ваши вопросы в казино «Чёрная Пирамида», на окраине города.

Нищий порылся в своих карманах:

— Вот, возьмите. Возможно, вам это поможет.

Он протянул маленькую пластиковую карточку, на которой было красивыми буквами написано «Чёрная Пирамида». Сара взяла её и поблагодарила за помощь.

Когда молодая женщина ушла в направлении казино, нищий вздохнул и встал. Его внешность словно расплылась, а затем, в считанные мгновения, он превратился в высокого человека, облачённого в развевающуюся алую тогу.

— Вот так, мисс Смит. Идите, спасите Доктора от его собственной глупости. Не можем же мы позволить нашему самому талантливому агенту погибнуть.

Улыбнувшись, мужчина набрал что-то на своём браслете, и дематериализовался в вихре времени.

Боль, чернота, ощущение падения. Это что, регенерация? Нет, но голова просто раскалывается. Не

двинув ни единым мускулом, Доктор начал оценивать своё положение. Он лежал на чём-то мягком. Кровать. Нет, скорее диван. Судя по движению воздуха и акустике, он был в большой комнате. Звуки дыхания сообщили ему о присутствии рядом, в полутора метрах, ещё кого-то. Доктор медленно открыл глаза.

Комната была чрезвычайно богатая. Большая часть стен была покрыта стеклянными полками, на которых были расставлены ценные древности. Владелец явно был очень неравнодушен к древнему Египту, поскольку именно к нему относилось большинство экспонатов. Взгляд Доктора, наконец, наткнулся на того, кто дышал: в плетёном кресле с высокой спинкой сидел толстый мужчина. Он был темнокожий, одет в белый костюм, а на его большой голове была надета феска.

— Добро пожаловать, друг мой, в моё скромное заведение, — сказал мужчина, пристально глядя на Доктора. — Я Анвар Назир, владелец «Чёрной Пирамиды».

Доктор сел. На столике между собой и Назиром он увидел содержимое своих карманов, вынутое за сегодня уже второй раз.

— Вы, наверное, не понимаете, зачем я вас сюда доставил, Доктор.

— Да, я размышлял об этом. А ещё мне интересно, откуда вам известно кто я.

— Очень просто, друг мой. Мои связи в полицейском участке сообщили мне о вас и о вашей спутнице мисс Смит, когда вы доставили тело несчастного мистера Карвера.

— Он что, был вашим другом?

— Скажем так: между нами была заключена некая сделка.

— И что же это была за сделка?

— Мистер Карвер приобрёл для меня египетское украшение, а я в ответ щедро предложил забыть о его значительных долгах моему заведению. К сожалению, он решил нарушить наш уговор и скрылся, а я так и не получил предмет нашей с ним сделки. Я надеялся на то, что вы его нашли, когда обнаружили тело мистера Карвера.

Доктор, выпучив глаза, изобразил наивное непонимание:

— Я? Нет. Я нашёл только старый блокнот, который попытался сегодня вечером вернуть в гостиничный номер мистера Карвера.

— Ах, да, Доктор, я слышал о ваших злоключениях в отеле «Роскошный». К сожалению, в том районе города полным-полно головорезов и карманников. От лица всех жителей Азиры приношу извинения. Когда

мои люди обнаружили вас там лежащим на полу, я велел им немедленно привезти вас сюда, чтобы я мог возместить вам ущерб, — Назир указал на большую горку кредитов, лежавшую на столе рядом с вещами Доктора.

— Я не могу принять ваши деньги, мистер Назир. И, сожалею, но помочь вам найти ваше украшение также не могу.

Глаза Назира — единственное, что выдало его гнев на отказ Доктора сотрудничать. Что же, если подкуп не сработал, у него был ещё один козырь в рукаве:

— Ничего страшного, Доктор. Отдохните немного. Уверен, что ваша спутница — мисс Смит — скоро к нам присоединится. Быть может она сможет помочь мне найти мою безделушку.

Назир встал с кресла и вышел из комнаты. За дверью Доктор успел заметить несколько крепких охранников, одетых в чёрное и хорошо вооружённых. Дверь за Надиром захлопнулась, и Доктор услышал, как в замке поворачивается ключ.

Здание казино «Чёрная Пирамида» производило впечатление. Оно было уменьшенной в четыре раза копией пирамиды, расположенной в пустыне, и было сделано из хромированного железа и стекла, а вдоль его четырёх рёбер перемещались лифты. На каждой из

его огромных граней огромными неоновыми лампами светилось название казино.

Сара стояла рядом со входом, в тени крон искусственных пальм. Когда она отправлялась на поиски Доктора, она и не представляла, что здание такое огромное. С чего начать поиски? Обыск всего здания может занять несколько дней. Она пересекла первый этаж в направлении одного из лифтов, пробираясь между столпившимися любителями азартных игр с разных планет. Некоторые игры — рулетка, блэк-джек, игровые автоматы — были ей знакомы, другие она видела впервые. В какой-то момент ей пришлось обойти особенно большую толпу, собравшуюся, чтобы сделать ставки на исход виртуальной русской рулетки, которую неоновая вывеска называла «Весёлая игра для всей семьи».

Наконец, она дошла до лифта и нажала кнопку. Над ней автоматические камеры осматривали помещение, направляя свои стеклянные глаза на клиентов казино, и она занервничала. К счастью, лифт быстро прибыл, и кроме неё никто его не ждал. Она зашла в него, и двери за ней с шипением закрылись.

Изучив панель управления, Сара быстро поняла, что было два подземных этажа и двадцать надземных. Нижние этажи были отмечены как кухни и зоны парковки, а верхние — в основном как конференц-

залы и кабинеты. Самый верхний этаж, однако, был помечен как частный, и напротив его индикатора вместо кнопки была только узкая щель.

Интуиция подсказывала Саре, что именно в этой частной зоне, скорее всего, следует искать Доктора. Но как ей туда попасть? Повинуясь внезапному порыву, она достала пластиковую карту, которую ей дал нищий, и вставила её в щель. В тот же миг напротив загорелся огонёк, и лифт начал подниматься. Сара быстро вынула карточку, и лифт остановился. Теперь, когда она была уверена в возможности попасть на верхний этаж, она понимала, что, как и любому журналисту, ведущему расследование, ей нужна «легенда». Она нажала кнопку этажа с кухнями.

Двадцать минут спустя Сара поднялась на верхний этаж в одежде горничной, катя позади себя тележку уборщицы. В коридоре никого не было, поэтому она подошла к ближайшей двери и попробовала её открыть.

Там вокруг стола собрались пятеро мужчин, одетых в чёрное, среди них был тот, который гнался за ней по улице. Когда она заходила, он посмотрел на неё, но не узнал. Сара усилием воли заставила себя снова дышать. Она начала прибираться в комнате, опорожнять корзины для мусора, протирать пыль.

Мужчины были так поглощены игрой в карты, что не обращали на неё никакого внимания.

После пятнадцати минут энергичной протирки мебели Сара решила, что можно уже выйти, не вызвав своим уходом подозрений. Она покатила свою тележку по коридору за угол. В конце коридора была большая дубовая дверь, которую охраняли двое бандитов в чёрном. Сара покатила тележку прямо к ним, надеясь, что её пропустят вовнутрь. Один из охранников махнул рукой, чтобы она остановилась.

— Сегодня в этой комнате убирать не надо. Распоряжение мистера Назира.

Сара развернулась и пошла обратно. Остановившись у соседней двери, она затолкнула внутрь тележку, и оказалась в комнате, похожей на ту, где охранники играли в карты. К её радости в этой комнате была дверь в соседнюю комнату, в которую её только что не пустили.

Она нажала на ручку, дверь оказалась заперта. Сара снова вынула из кармана пластиковую карту.

— Раньше ты работала, не поведи меня сейчас, — прошептала она, вставляя карточку в щель под дверной ручкой.

Раздался щелчок, дверь раскрылась, и Сара осторожно зашла в неё.

Доктор расхаживал по комнате, рассматривая расставленные за стеклом артефакты. В одном из стёкол он заметил отражение Сары.

— Вы не могли бы только постель застелить, а уборку отложить на потом?

— Доктор!

— Здравствуй, Сара Джейн. Ты что, решила сменить профессию?

— Некогда шутить, нужно бежать отсюда. Идём!

Доктор покачал головой:

— Боюсь, сейчас не выйдет. Скарабей у тебя?

Сара вынула из кармана кристалл и протянула его Доктору:

— Что ты хочешь с ним сделать?

— Отдам мистеру Назиру.

— Что?! Почему?

— Потому что он ему очень нужен, и я хочу знать зачем.

— Но это же может быть ужасно опасно! Этот Назир может убить тебя, как только получит то, что ему нужно.

Доктор услышал, что замок отпирают:

— Некогда обсуждать. Подожди меня там и слушай, — он вытолкнул Сару за дверь, через которую она зашла, а сам завалился снова на диван.

Через пару секунд зашёл Анвар Назир. Он был злой. Ни один из его шпииков пока что не смог выследить спутницу Доктора. Либо скарабей у неё, и тогда её нужно найти, либо её нужно схватить и пытаться, чтобы заставить Доктора признаться где скарабей. Он решил блефовать:

— Мой дорогой друг! Ваша спутница, мисс Смит, уже прибыла и... пользуется моим гостеприимством.

Доктор усмехнулся:

— Можно её увидеть?

— Конечно, Доктор, как только закончим наш разговор о моём пропавшем украшении.

— Ладно, наверное, я всё-таки смогу вам помочь. Как эта ваша безделушка выглядит?

Другое дело, — подумал Назир. — Я получу скарабея ещё сегодня! Скарабея, которого впервые держал в руке ещё маленьким мальчиком в Каире. Он снова станет моим, и моя судьба свершится.

— Я ищу маленького хрустального скарабея, не больше моего пальца.

— Случайно, не такого? — Доктор провёл рукой у Назира за ухом и вынул из ниоткуда скарабея.

Назир жадно схватил его:

— Где вы его прятали? Мои люди вас тщательно обыскали!

— Значит, недостаточно тщательно.

Назир был слишком рад, чтобы логически обдумать внезапное появление кристалла. Он молча стоял и смотрел на свою добычу.

— Могу я теперь увидеть Сару? — нарушив грёзы Назира, спросил Доктор.

— Позже, позже. У меня много дел. Оставайтесь тут, пока я не вернусь, а вернувшись, я рассчитаюсь с вами за вашу помощь.

Губы Назира скривились в ухмылке. Он вышел из комнаты, неся скарабея перед собой.

Как только дверь за ним закрылась, Назир обратился к двоим охранникам:

— Пусть пока живёт. Я хочу, чтобы он стал свидетелем того, чему поспособствовал. А после этого уже пускай умирает.

Охранники кивнули, и Назир ушёл готовиться.

Сара снова вбежала в комнату:

— И что теперь?

— А теперь выбираемся отсюда и следим за Назиром, — ответил Доктор.

— Но как мы его найдём?

— Ну, разумеется, он направится к пирамиде. Идём!

Доктор бросился в соседнюю комнату и начал освобождать тележку Сары, энергично отбрасывая через плечо вёдра, тряпки, бутылки и прочие вещи. Затем он вынул из тележки центральную полку и втиснулся туда сам, показав Саре жестом, чтобы она прикрыла его мешками для мусора.

Сара с трудом выкатила перегруженную тележку из комнаты в коридор. Когда она пошла к повороту, а затем к лифту, охранники не проявили к ней никакого интереса.

Несколько минут спустя Доктор и Сара уже летели за город, в пустыню, на спортивном летающем «Феррари», «позаимствованном» на подземной парковке казино. Автомобиль был таким быстрым, что они добрались до пирамиды как минимум в четыре раза быстрее, чем во время экскурсии.

Припарковав «Феррари» в сторонке, они пошли к пирамиде пешком. Тьма была кромешная, что позволяло им прятаться, но они всё равно старались скрываться за дюнами. Подойдя на расстояние видимости ко входу в пирамиду, они обнаружили, что возле него стоят на посту четверо одетых в чёрное охранников.

— Мне кажется, что мы опередили Назира, — сказал Доктор.

— Но что нам это даёт, если мы всё равно не можем пройти мимо охраны? — прошептала Сара.

— Здесь мы, может быть, и не сможем пройти, но настоящий-то вход в пирамиду с юга, — Доктор побежал к противоположной стороне пирамиды, рукой зовя Сару за собой.

У них ушло целых десять минут на то, чтобы обойти гигантский храм, стараясь при этом не попасться на глаза охранникам. Когда они добрались до нужного места и прокрались к самой пирамиде, Доктор начал читать иероглифы, прощупывая рукой резные символы.

Это длилось довольно долго, но, наконец, Доктор нажал на один из картушей странной формы. Тот немного погрузился в похожую на мрамор поверхность, и в метре от того места, где они стояли, в стене отодвинулась небольшая дверь. Доктор взял Сару за руку и повёл её в темноту.

Они шли по лабиринту залов и тоннелей. У Сары глаза не сразу привыкли к темноте, и она часто спотыкалась, идя за Доктором по узким коридорам. К её радости, они в конце концов оказались в большом зале, освещённом горящими факелами. Потолок зала (и, по предположению Сары, всю верхнюю часть пирамиды) подпирали восемь огромных, выстроенных кругом колонн. Доктор спрятался за одной из них и

знаком показал спутнице, чтобы она сделала то же самое.

— И что дальше? — спросила Сара.

Доктор приложил к её губам палец. Через несколько минут в узкую дверь в противоположной стене зашли несколько человек, одетых в чёрные балахоны. Капюшоны скрывали их лица. Распевая что-то, они медленно выстроились в круг, в центре которого возвышался постамент. Их предводитель взошёл на постамент. Это был Назир.

— Братья Культа Чёрной Пирамиды, услышьте меня!

— Мы слышим тебя, — ответили остальные фигуры в балахонах.

— Наша служба близится к концу, скоро наш повелитель воссоединится с нами. Долгие тысячелетия прошли с тех пор, как наш бог покинул наш мир, но теперь мы снова нашли его. Мы призовём его вернуться к нам, чтобы он правил нашими судьбами до конца времён.

— Да будет так, — ответили братья.

— Мы пережили жульничество ложного бога Сутеха, теперь позволим его брату быть среди нас. Восстань, Гор, фараон всех миров!

Назир высоко поднял хрустального скарабея, и братья упали перед ним на колени.

Из глубины пирамиды донёсся рокот, и постамент, на котором стоял Назир, начал медленно погружаться в пол. К удивлению Сары, Доктор неожиданно выскочил из-за своего укрытия и побежал к опускающемуся постаменту. Не задумываясь, она побежала следом. Погружённые в молитву братья оказались к этому не готовы. Не успели они что-нибудь сделать, как Доктор и Сара запрыгнули на постамент, опрокинув Назира. Постамент погрузился под пол, и отверстие позади него закрылось.

Первым смог встать Доктор. Затем он помог встать Саре.

— Как себе чувствуешь, Сара Джейн?

— Упала, но без последствий. В следующий раз дай мне знать заранее, что собираешься в яму броситься!

— Прошу прощения. Импровизация всегда была моим козырем.

Оглянувшись, они увидели, что находятся в маленьком помещении, стены которого сияли разноцветными завитками, словно удерживаемая в стенах радуга. В центре стоял каменный саркофаг. Назир, потерявший от столкновения с ними сознание, лежал рядом. Доктор взял из его руки скарабея. Затем он пошёл осматривать саркофаг. Крышка имела форму лежащего тела бога Гора с бычьей головой, и была

покрыта чем-то блестящим, отражавшим вихри красок на стенах.

— Изумительно, — пробормотал он.

— Да, действительно, — ответил Назир.

Доктор резко обернулся, и увидел, что египтянин одной рукой схватил Сару за горло, а в другой держит бластер.

— Отдайте мне скарабея, а не то я раздавлю вашей подруге горло.

По горящему злобой взгляду Доктор видел, что тот способен выполнить свою угрозу.

— Стойте! Выслушайте меня! Если вы собрались разбудить Гора, вам следует знать, что он не был милостивым богом из легенд. Он был жестоким и беспощадным диктатором, завоевавшим и поработившим больше ста населённых планет.

— Нет! — крикнул Назир. — Он дал моему народу искусство и культуру, он просветил нас!

— Да! А на другие планеты он напустил чуму и мор, голод и бесплодие. Он воспитывал восхитительные сообщества миролюбивых людей, а затем напускал на них злобных убийц, чтобы посмотреть, что из этого будет. Он игрался жителями галактики, как ребёнок играет солдатиками!

— Ты лжёшь! Отдай мне скарабея, иначе клянусь, я убью девушку!

Назир сжал руку на горле Сары, и та начала задыхаться.

— Ладно, ладно. Твоя взяла.

Доктор протянул скарабея, и Назир выхватил его, отпустив горло Сары. Не сводя с них пистолета, египтянин спиной вперёд пошёл к саркофагу. Бросив взгляд на поверхность крышки, он быстро нашёл то, что искал: отверстие такого же размера и формы, как скарабей.

— Что он хочет сделать? — спросила Сара?

— Скарабей — сложный ключ с микросхемами, — ответил Доктор. — Если его туда вставить, он запустит процесс оживления, и Гор вернётся из мира мёртвых.

Сара пожалела о том, что спросила.

Дрожащими руками Назир вставил скарабея. По его телу тут же прошла волна энергии. Поначалу это было чудесно. Его пульс участился, его разум начали наполнять знания и ощущение власти. Но затем он почувствовал, что его сознание слабеет. Его мозг не справлялся с направленным в него потоком энергии. Назир закричал от боли, от его груди и от головы начал подниматься дым. В конце концов он опрокинулся на спину, отпустив скарабея. Его безжизненное тело ударилось об пол и рассыпалось на миллионы маленьких кусочков кристаллического углерода.

Сара от этого зрелища чуть не потеряла сознание. Доктор поддержал её, пока она приходила в себя, а затем подошёл к останкам Назира и склонился над ними.

— Проблема с кристаллическими микросхемами в том, что они подвержены коротким замыканиям, если их сильно поцарапать.

Он показал перочинный нож и спрятал его лезвие обратно в рукоятку.

— Ты... ты знал, что произойдёт? — спросила Сара.

— Слово «надеялся» будет правильнее. У меня не было возможности определить, достаточно ли я повредил кристалл. К счастью, достаточно. Энергия была направлена вместо саркофага в Назира. Я не мог позволить ему выпустить на волю Гора. Время таких богов давно прошло.

Он посмотрел на обуглившегося хрустального скарабея. К ужасу Сары, он протянул руку к кристаллу и вынул его из углубления. Ничего не произошло.

— Не бойся, Сара, схемы уже выгорели. Не сможешь мне поднять крышку саркофага?

— Что?!

— Мне нужно знать, что там внутри. Если Гор находится в анабиозе, он всё ещё может представлять опасность в будущем.

И хотя она сама не могла поверить в то, что она это делает, Сара взялась за один из концов крышки, а Доктор поднял другой конец. Вдвоём им удалось сдвинуть её и сбросить на пол. Затем они заглянули за край саркофага и увидели внутри него тело. Оно было сморщенное и чёрное. Из кожи ужавшейся головы торчали два рога, как у быка. Уже в которой раз за последние сутки Саре стало плохо.

— Это из-за замыкания? — спросила она.

— Нет. Он мёртв уже... наверное, около тысячи лет. Похоже, криогенная система поломалась. Нельзя доверяться технологиям.

— Доктор! — прервала Сара размышления Доктора. — Посмотри на стены!

Подняв взгляд, Доктор увидел, что вихри красок ускорились и пульсируют энергией.

— Лучше нам убираться отсюда. Вся эта запасённая энергия, которой некуда деться, приведёт к большому взрыву.

Он велел Саре подняться с ним на постамент и прикоснуться к иероглифам на ближайшей стене.

— А что это за надпись?

— «Вверх».

Постамент поднялся сквозь пол и снова оказался в зале, где Доктора и Сару окружила разгневанная братия.

— Послушайте! — громко сказал Доктор. — Через несколько минут всю пирамиду зальёт псионная энергия. От тех, кто будет внутри, останутся одни угольки — как от вашего предводителя.

И, в подтверждение слов Доктора, из нижнего помещения повалил толстый столб чёрного дыма. Немного поколебавшись, братья бросились бежать к выходу. Доктор и Сара побежали следом.

Оказавшись снаружи, путешественники бросились к летающей «Феррари», и быстро отлетели на ней на безопасное, с точки зрения Доктора, расстояние. Оглянувшись, они увидели, как вершина пирамиды взорвалась, и вверх устремился столб разноцветной энергии, поднимаясь высоко в небо, словно фейерверк. Сара от восхищения раскрыла рот, и даже Доктор был сильно впечатлён.

— Такое количество энергии будет вытекать пару столетий, — сказал он. — Должно быть, это привлечёт сюда новых туристов.

Его лицо растянулось в широкой улыбке. Сара не удержалась, и тоже улыбнулась.

На их обратном пути по улицам Азиры в сторону ТАРДИС Сара размышляла над не дававшими ей покоя вопросами:

— Доктор, а зачем вообще Гор поместил себя в анабиоз? И как скарабей оказался на Земле?

Прежде, чем ответить, Доктор на какое-то время задумался.

— Я сам не вполне понимаю это. Быть может, быть властелином галактики его уже не устраивало. Все ему подобные были мертвы, и он мог разочароваться в жизни.

— Или?

— Или же это был один из его экспериментов. С целью узнать, станет ли какая-нибудь из рас, которыми он правил, разыскивать оставленные подсказки о его местонахождении и ключи, при помощи которых его можно было разбудить.

— Хочешь сказать, что где-то во вселенной могут быть ещё такие скарабеи?

— Могут. Впрочем, похоже, что своим владельцам они приносят лишь неприятности.

Доктор посмотрел на лежавший в его руке почерневший кристалл.

— Думаешь, от этого тоже лучше избавиться?

Доктор слегка улыбнулся:

— Мне, чтобы найти неприятности, никакие талисманы не нужны. Неприятности и сами меня находят.

Доктор опустил скарабея обратно в карман, и они молча пошли к знакомой синей будке — их дому.

Я с раскрытым ртом смотрел, как Сильверман возвращает скарабея на стол и снова садится в кресло.

— Вы думали, что после этого нам станет понятнее? — недоверчиво спросил я его.

— Да, — ответил он.

— Что же, — сказал я, удивлённо качая головой, — теперь нам определённо есть ещё над чем подумать.

— Именно так, — согласился он. — Ещё один человек, которого называют «Доктор». Быть может, это что-то вроде почётного звания, которое переходит от одного к другому?

— Возможно, — сказал я, подумав, что вопрос о том, кто такой Доктор, был далеко не самым загадочным аспектом нового рассказа. — Или же он и вправду может менять свою внешность.

Я вынул из кармана спички, чтобы зажечь свечи, но Сильверман встал и остановил меня.

— Думаю, вопросу освещения можно найти более долговременное решение, — сказал он.

Я чуть было не подумал, что он сейчас что-то наколдует, но его решение оказалось более прозаичным: позвонив в колокольчик, он вызвал Рамона, и велел ему принести керосиновую лампу.

Через несколько минут мексиканец вернулся, поставил лампу на письменный стол хозяина, и, не

оборачиваясь, поспешил уйти. Свет керосинки немного разогнал мрак, но отбросил на стены кабинета зловещие мерцающие тени. Я подошел к ней и выкрутил фитиль, надеясь, что она загорится ярче.

Тем временем мой клиент встал со своего места и начал ходить по комнате, раздражённо размахивая руками.

— Если бы я только мог восстановить часть своей памяти, — сказал он, почёсывая лоб; он мельком взглянул на меня. — Мне кажется, что я что-то искал. Цилиндр! Да, точно, какой-то цилиндр. Диаметром... как большая монета, и вот такой длины, — он расставил руки примерно на метр.

— А видели бы вы ту, которая сорвалась, — пробормотал я.

— Что?

— Простите. Неудачно пошутил.

— Что же... Мне кажется, что я оставил этот цилиндр где-то в городе, возможно, спрятал его и вернулся потом, чтобы найти. Да, я уверен, что искал его; пытался его вернуть.

— Но не помните, где его оставили? — спросил я.

— Разумеется, я не помню! — не выдержал он. — Поэтому я и хочу, чтобы вы воспроизвели мои перемещения!

Некоторое время я молча размышлял, а затем, улыбнувшись, посмотрел на него:

— Ну, в таком случае нам лучше продолжить, согласны?

Без особого энтузиазм со стороны моего клиента мы снова сели вокруг стола. Сильверман порылся в куче предметов и на этот раз выбрал маленький жёлтый камень, который, как и раньше, взял в руки перед собой.

По комнате пронёсся холод, и я плотнее завернулся в пиджак. Руки Сильвермана снова начали странно светиться. А затем ясновидец заговорил...

КНИГА ТЕНЕЙ

Джим Мортимор

Посвящается Полу, Алексу, Тоби, и Робину.

331 г. до н.э.

Когда его корабль пробил во времени дыру и провалился в неё, Ракотис понял, что умрёт. Но когда ожидаемое растворение тела не произошло, он заподозрил, что покинул сознание слишком рано.

Ракотис опасливо позволил самосознанию вернуться из запасного мозга. Его тут же охватила боль. Ему было страшно оценивать степень повреждения тела во время катастрофы, он был удивлён, что оно до сих пор живо. Ракотис усилием воли вернул полный контроль над телом. Боль в сломанных конечностях делала это невозможным. В конце концов ему пришлось изолировать ту часть мозга, которая была ответственна за такие сигналы. Благодаря этому работать стало легче, он начал одевать скафандр, но ужасный скрежет расколотых костей в верхних конечностях никуда не делся.

Когда Ракотису, наконец, удалось покинуть умирающий корабль, его поразила та среда, в которой он оказался. То, что его окружало, избавило его передний мозг от боли: из всех планет, на которые он

мог упасть, та, на которой была вода, была лучшим вариантом.

Вода не только смягчила приземление. Где была вода, была жизнь; а где была жизнь, там мог быть и разум; а где был разум, там могла быть помощь.

— Йен! — Барбара Райт встала на ноги.

Она помогла встать Доктору и побежала вдоль всё ещё обрушивающейся галереи шахты. Но когда она добежала до того места, где были Йен Честерсон и ТАРДИС, она нашла лишь только что насыпавшуюся стену сверкающих камней с жёлтыми включениями.

Доктор тоже подошёл туда. Он подобрал маленький обломок камня и осмотрел его в свете вечной спички.

— Хм, да... Хороший цвет, — он постучал по камню рукояткой своей трости и приложил его к уху. — И плотность неплохая, должен заметить...

— Как вы можете стоять и рассуждать о золоте? — воскликнула Барбара. — Йен и ТАРДИС засыпало несколькими тоннами камней!

Доктор опустил камень в карман пиджака и посмотрел на Барбару:

— Если бы вы так не торопились осмотреться...

— Если бы вы не настаивали на том, чтобы собрать собственное золото для обручального кольца Сьюзан...

— Да. Впрочем, теперь это всё уже не имеет значения, не так ли?

Вместо ответа Барбара вцепилась в один из камней.

— Осторожнее! — предупредил Доктор. — Если вы нарушите равновесие, то оставшаяся часть перекрытия может тоже обрушиться и засыпать нас!

В ответ на взгляд Барбары он добавил:

— Чтобы освободить Йена, нам нужна помощь. В конце концов, это же шахта. Тут где-нибудь должны быть шахтёры.

Дрожа, Барбара отошла от стены:

— Вы правы.

Она посмотрела на груды камней, развернулась, и пошла по тоннелю.

Через какое-то время она начала различать доносившиеся спереди приглушённые голоса и звонкие удары металлических инструментов по камню. Галерея расширилась и вывела в большую, тускло освещённую пещеру, явно бывшую одной из золотоносных жил. Люди крошили скальную породу. Их было так много, что самые дальние словно растворялись во мраке. Барбара видела и мужчин, и женщин, и даже детей. Все как один они были бледные от недостатка солнечного света, кожа у них была покрыта царапинами и шрамами от отлетающих осколков камня, дышали они из-за пыли с присвистами и хрипами.

От ударов их кирк и молотов в воздухе висел непрекращающийся звон.

Прямо перед ней ближайший к ней человек устало бил по каменной стене железным молотом. Лохмотья, в которые он был одет, когда-то явно были дорогой одеждой. Почувствовав взгляд Барбары, он обернулся. У него от удивления расширились глаза; он упал на колени.

Барбара посмотрела на него, и он сразу опустил взгляд.

По мере того, как другие рабы замечали незнакомцев, звуки молотков постепенно стихали. Очень скоро Барбара и Доктор оказались окружены беспомощно глядящими на них лицами.

— Они такие печальные, — прошептала Барбара.
— Почему они так на меня смотрят?

— Не знаю. Может быть, скажете им что-нибудь, и мы тогда узнаем?

Стараясь не выдать свою неуверенность, Барбара шагнула к рабам. Тотчас на колени опустились ещё около десяти человек.

— Вы не могли бы помочь? — спросила она после небольшой паузы. — Обрушился свод. Йен — мой друг — оказался отрезан от нас.

Стоявший на коленях мужчина заговорил:

— Если ваш друг отрезан, почему вы не велите своей охране освободить его?

Барбара посмотрела на Доктора. Тот лишь неопределённо двинул бровями.

Один из стоящих на коленях людей, крупный египтянин, поднял взгляд:

— Царь Птолемей решил освободить нас из шахт? Уже добыто достаточно золота для изготовления гроба Александра?

У Барбары закружилась голова. Неужели египтянин говорил об Александре Македонском? Ей нужно было время на то, чтобы обдумать это.

— Мне некогда говорить об этом. Свод обрушился. Человек оказался отрезан. Вы должны помочь освободить его.

Египтянин встал с колен.

— Вы не можете освободить своего друга потому, что вы без охраны... — тихо рассуждал он.

В тишине его голос был слышен повсюду.

— Моя охрана... Занята другими делами, — симпровизировала Барбара, всё ещё не понимая, к чему идёт этот разговор, но понимая, что нужно как-то сохранить инициативу.

— Правда? — египтянин подходил к ней уже гораздо увереннее.

Он не выпускал из рук молот. Он повернулся в сторону остальных рабов.

— Это Царица, — сказал он. — А с ней никакой охраны, кроме этого старикана, — он указал на Доктора.

Барбара увидела, что её спутник обиженно прищурился, но промолчал.

Египтянин спокойным голосом сказал:

— Я, Суза, говорю, что мы можем использовать её для того, чтобы сбежать из рудников.

По толпе пробежал гул заинтересовавшихся голосов.

— Молодой человек, — Доктор стал перед Барбарой. — Если вы соблаговолите предоставить нам помощь, о которой мы вас попросили, мы вас больше не...

Без предупреждения Суза бросился на Доктора, занеся молот. Доктор ловко отпрыгнул в сторону. Поскольку молот не достиг цели, Сузе пришлось шагнуть за ним, чтобы не упасть. Каким-то образом трость старика оказалась у него между ног. Он упал, ударился головой об камень, и затих.

— Старикан я, значит? — угрюмо ухмыльнулся Доктор.

Барбара присела возле Сузы и ощупала его голову.

— Думаю, когда он очнётся, с ним всё будет в порядке.

Доктор нахмурился, и то ли кивнул, то ли покачал головой, словно здоровье нападавшего его не интересовало.

А затем все кусочки мозаики начали соединяться в общую картину. Барбара встала во весь рост. Когда она заговорила, её голос звенел по всей шахте:

— Рабы Египта, слушайте меня! Помогите нам, и я дам вам свободу.

Доктор резко посмотрел на неё, но она покачала головой: не сейчас. Она повысила голос, чтобы его было слышно в самых дальних уголках подземелья.

— Никто не был рождён для жизни в темноте, — сказала она. — Никто не должен преклоняться перед другими. Ваши тела можно пленить, ваши умы — нет. Разве вы не мечтаете о солнце, об облаках, о свежей пище для ваших детей? Я могу дать вам это. Помогите нам! И, как ваша Царица, я обещаю дать вам всё это.

Заговорил мужчина, стоявший на коленях ближе всех:

— Я так долго живу в темноте, что лучи солнца, наверное, могут меня убить.

Он замолчал. Сглотнул.

Барбара про себя отметила, что удары металла по камню полностью утихли, и рабы подходили всё ближе.

— Лучше умереть на свету, — продолжил мужчина, и в его голосе появилась сила, которую Барбара не могла даже заподозрить в нём. — Что мы должны для вас сделать?

— Для начала, скажите, как вас зовут.

— Я израильтянин. Меня зовут Аристеа.

— Что же, Аристеа, во-первых, встаньте с колен.

Когда Барбара объяснила ситуацию, Аристеа собрал несколько человек с молотами и кирками и повёл их в галерею, в которой засыпало проход к Йену. Барбара пошла было за ними, но Доктор остановил её и отвёл в тёмную часть подземелья.

— Моя дорогая Барбара, вы ужасно рискуете!

Барбара нахмурилась:

— Вы же знаете, как в этом столетии обращаются с женщинами, Доктор. Если я не царица — я никто! И мы никогда не спасём Йена!

— А что вы будете делать, когда Аристеа и рабы узнают, что вы вралы, хм?

— А вот в этом-то вся и прелесть, — улыбнулась Барбара. — Если нам повезёт, они об этом не узнают.

Доктор нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

— Вы не поняли? Аристеа упомянул, что они добывают золото для гроба Александра Великого. Это

значит, что сейчас примерно 323 или 322 год до нашей эры.

— Почему?

— Потому что именно тогда он умер. И когда один из его генералов, Птолемей, объявил себя царём вместо Александра, он освободил из рабства всех евреев. Именно поэтому он сменил имя на Птолемей Сотер. Сотер — это спаситель по-гречески. Понимаете? Этих евреев в любом случае освободят. Просто они будут думать, что это сделала я, вот и всё. И мы получили помощь, необходимую для спасения Йена.

Доктор взялся за лацканы пиджака и надул губы:

— То, что у вас есть знания, позволяющие манипулировать историческими событиями в свою пользу, ещё не значит, что у вас есть право так поступать.

— Ну что вы такое говорите, Доктор? Вы же сами говорили, что не живёте со своим народом потому, что они настроены только наблюдать, а вы видели необходимость вмешаться.

— Моя дорогая Барбара, есть огромная разница между моим и вашим взглядом на Вселенную.

— Да что вы, Доктор! Когда вы видите несправедливость, вы её исправляете! Вы же сами говорили, что история Земли фиксирована. Но

будущее не определено. Будущее Йена не определено, и я хочу его изменить! Понимаете? У нас с вами одна цель; какие бы ни были у нас различия в средствах, это будет неважно, если выживет Йен!

— А что, если он уже мёртв, хм? Вы об этом подумали?

— Без моего разрешения он не посмел бы! — руки Барбары начали подниматься, чтобы закрыть лицо, но она вспомнила, что хотела избавиться от этого жеста, и опустила их.

Выражение лица Доктора смягчилось:

— Я знаю, что вы расстроены. Даже такому старику, как я, понятно, что Йен вам небезразличен, но...

— Небезразличен! Он мне не просто небезразличен, я его... — она запнулась.

Доктор тихо кашлянул:

— Может быть, проверите, как там наш друг с молотом? — предложил он. — Мы же не хотим, чтобы он умер, правда? Тем более, что именно по нашей вине он ранен.

Барбара кивнула:

— Вы правы.

Она развернулась и медленно пошла туда, где без сознания лежал египтянин.

Его там не было.

Один из рабов пододвинулся ближе.

— Я видел, как он встал, — сказал он. — Он на какое-то время подошёл к вам, а затем пошёл туда, — и он указал на коридор, который вёл наверх.

— Значит, ваш агрессивный друг был не так сильно ранен, как нам показалось, — сказал Доктор. — Скажите, а куда ведёт этот коридор?

Раб сказал:

— К верхней выработке. Туда, где солдаты.

Барбара мрачно сказала:

— Если Суза нас подслушал...

— Вы совершенно правы! — воскликнул Доктор. — Если он понял, что вы не настоящая Царица, то первое, что он сделает...

Из коридора слышался топот бегущих ног. С той стороны быстро приближались огни.

— ... позовёт охрану, — горько закончила его фразу Барбара.

Охранников было двенадцать, все они были одеты в кожаные доспехи, на каждом был парадный пояс египетской армии, в руках у каждого был короткий меч. Солдаты выбежали из коридора вниз, проталкиваясь между рабами, словно тех не существовало. Но, к удивлению Барбары, когда солдаты увидели её, они тоже упали на одно колено и приветственно подняли мечи. Пожалуй, больше всех

был удивлён Суза, который быстро отбежал в сторону, с ненавистью глядя на неё.

Не обращая внимания на Сузу, Барбара вопросительно посмотрела на Доктора: что будем делать?

Доктор пожал плечами.

Капитан солдат встал. Он вернул меч в ножны. Немного осуждающим тоном он сказал:

— В следующий раз, госпожа, когда вы захотите посмотреть рудники, быть может, вы возьмёте с собой охрану? Это может быть опасно.

Не зная, что ответить, Барбара промолчала. Она лишь мельком посмотрела на капитана, а тот добавил:

— Госпожа, позвольте проводить вас к каравану?

— Хм... — Барбара посмотрела на Доктора: а как же Йен?

Доктор немного покачал головой. Барбара поняла, что если сейчас скажет о Йене, то только усложнит ситуацию. Нужно предоставить его спасение Аристеа.

— Спасибо... как вас зовут?

Капитан удивлённо посмотрел на неё:

— Арридей, госпожа.

Он жестом пригласил их следовать за ним. Солдаты стали по бокам от них и сзади. Когда они входили в тоннель, Арридей что-то сказал одному из солдат, и тот побежал обратно в зал. Мгновение спустя

раздался крик. Когда солдат снова догнал их, он вытирал кровь со своего меча.

— Что произошло? — потребовала Барбара.

Арридей на мгновение удивился:

— Суза сказал нам, что вы самозванка, но очевидно, что вы Царица. Наказание за ложь — смерть, — он улыбнулся. — Извините, мне нужно распорядиться, чтобы приготовили верблюдов.

И он ушёл.

Барбара с немым гневом повернулась к Доктору. Солдаты вели их прочь от шахт. Доктор сжал её руку, но это не утешало.

Она бежала на свет.

Не пробежала она и двадцати шагов, как улицы Александрии наполнились людьми. Они кричали, толпились, некоторые стояли на месте и указывали на небо, некоторые стояли в садах на коленях, другие жались друг к другу, боясь открыть глаза. Ей пришлось проталкиваться сквозь толпу. Мимо неё протолкнулся перепуганный мужчина; его лицо было знакомым, хотя и моложе.

— Аристеа!

Мужчина обернулся. Их взгляды пересеклись, но он её не узнал. Несколько человек проталкивались сквозь толпу — они гнались за Аристеа. Израильтянин повернулся бежать. Чей-то кулак опрокинул его на землю.

— Что вы делаете?! Я его знаю!

Исполненные ненависти глаза обратились к ней.

— Ещё одна!

— Ещё израильтянка!

— Царские любимчики.

— Если мы их упустим, они накличат на нас гнев богов!

Она остановилась. Возможно, вмешаться было не такой уж и хорошей...

Её голову пронзила боль. Она упала, ударившись лбом о дорогу. Камень ударил её в спину.

Её забивают камнями!

— Пойдите, я не...

Второй камень ударился об землю рядом с ней. Её лицо и руки укололи мелкие осколки. Правую руку свело от боли.

— ... не еврейка, я...

Крики вокруг неё сопровождали каждый удар. Барбара упала и замерла, лёжа щекой на холодной, песчаной земле.

— Пожалуйста, — прошептала она.

И содрогнулась от ещё одного удара.

Она свернулась, поджав ноги.

Пожалуйста.

По прошествии какого-то времени удары прекратились, и слышался топот бегущих ног. Звуки шагов стихли вдали. Затем возле неё кто-то негромко заговорил:

— Где болит? Вы можете встать? Вы можете идти?

Она застонала, и у неё изо рта потекла кровь.

— Как вас зовут? Вы израильтянка? У вас пурпурная одежда, вы царской крови? Вы пришли увидеть Александра? Позвольте вам помочь.

Её запястье сжали, рукой обняли за талию. Рукой прикрыли её рот, чтобы заглушить её стон. Земля

удалилась. Голова закружилась. Она стояла. Она открыла глаза. Ночь ревела.

— Египтяне! Они жгут еврейский квартал.

— Ку... куда... идём...

— В спокойное место. К докам. Нужно избегать бунтарей до тех пор, пока не появится возможность вернуться во дворец.

— Не могу идти, не могу стоять...

— Боюсь, другого варианта нет.

— Как... зовут?

— Птолемей Лагус. Не разговаривайте. Нужно увести вас отсюда.

— ...моё имя... не могу...

— Тсс!

— ... вспомнить своё...

Темнота снова заревела голосом пламени.

День посреди ночи.

322 г. до н.э.

С тех пор, как они вышли из рудников, её всё время мучила жара. Предложенные Арридеем одеяния помогали мало.

К мучениям из-за жары добавлялись зигзаги её верблюда между барханами. В дороге Барбара осматривала суровый окружающий пейзаж. Среди песчаных барханов местами стояли потрескавшиеся скалы, контрастом света и тени выделявшиеся на фоне однородного неба. Она смотрела на них, на фантастические формы, которые им придал песок, несомый ветром, и старалась не задумываться о том, что эти ветер и песок могут сделать с незащищённым человеческим телом.

Она посмотрела на Доктора, завидуя тому, как он без усилий раскачивался в такт со своим верблюдом. Он в дороге осматривался с видом человека, который рассчитывает увидеть что-то положительное в любой ситуации, для которого никакая обстановка не может быть слишком суровой или чужой, а только захватывающей.

— Надеюсь, мы поступили правильно, — слабым и раздражённым голосом сказала Барбара.

На зубах у неё хрустел песок. Доктор подвёл своего верблюда ближе к ней.

— А что ещё мы можем сделать? Пока солдаты верят в то, что вы царица, они нас будут слушаться. В противном же случае... — он пожал плечами. — Что вы знаете о Египте времён Птолемея?

— Ну, и библиотека, и Фаросский маяк в Александрии упомянуты в учебниках истории в числе чудес античного мира. Но меня всегда больше интересовали люди той эпохи. О них нам история говорит не много; написано, скорее всего, было много, но мало что пережило захват города христианами и пожар в библиотеке в 641 г. н. э.

Доктор грустно покачал головой:

— А что насчёт этого... каравана?

— Возможно, это караван, который возвращает тело Александра в его город для похорон. Он умер от лихорадки, планируя военную кампанию против арабов. Птолемей воспользовался тем, что тело было в его распоряжении, чтобы основать свою династию.

Она задумчиво помолчала.

— При династии Птолемеев жили одни из величайших учёных, астрономов и математиков.

Подумав ещё, она добавила:

— Птолемей Сотер был необычным человеком.

Арридей подогнал своего верблюда ближе к Барбаре:

— Скоро караван уже будет виден. Надеюсь, путешествие было удобным?

Барбара попыталась величаво кивнуть, но именно в этот момент её верблюд решил раздавить змею, и в результате она больно ударилась подбородком об ключицы. Арридей воспринял её жест как нечто само собой разумеющееся:

— Я отправлю вперёд всадника, чтобы возвестить о вашем прибытии, — сказал он. — Царь рассчитывал встретить вас в городе, но я уверен, что он будет рад увидеть вас сейчас.

Арридей отъехал, а Доктор нахмурился:

— Когда достигнем колонны, нужно быть очень осторожными. Если мы встретим Птолемея, он наверняка поймёт, что вы не царица.

— Я понимаю. И что нам тогда делать?

Доктор слегка улыбнулся:

— Импровизировать?

Барбара покачала головой:

— Это не смешно.

Первым свидетельством того, что они приближаются к каравану, стал появившийся из марева на горизонте всадник. Он был маленький, одет в белое. Когда он подъехал ближе, Барбара увидела, что это мальчик, не старше восьми-девяти лет. Он был стройный, загорелый, и сильный. Он скакал так,

словно родился в седле. Увидев Барбару, он широко заулыбался.

— Мама! — крикнул он, и направил лошадь к верблюду Барбары. — Почему ты не сказала, что выедешь к нам навстречу?

В караване было восемь слонов, два-три десятка лошадей, и несчётное количество верблюдов. Солдаты маршировали рядом с животными. На них были надеты кожаные доспехи, а их раскрашенные щиты и ножны сверкали на солнце. На шлемах у них были гребни из конского волоса. Они маршировали молча.

Арридей направил Доктора и Барбару к голове колонны. Мальчик резво поскакал вперёд:

— А я первый!

— Когда-нибудь Филадельф станет хорошим царём.

Барбара повернула голову. Ей послышалось, или в голосе Арридея прозвучала ревность?

Ничего не сказав, она поехала за ним в голову колонны, где две пары слонов разделяли шеренги пеших солдат. На спинах у передних слонов были сооружены крытые тентами носилки. Двое задних были соединены подобием упряжи, на которой они несли между собой большие носилки, на которых был деревянный гроб с деревянной резьбой.

Доктор смотрел на гроб. Он наклонился к Барбаре и прошептал:

— Если в этом ящике тело Александра, я бы очень хотел осмотреть его.

Бармара немного улыбнулась:

— Историки всех веков отдали бы последнюю рубаху за возможность это сделать.

— А вы, моя дорогая?

— Я просто хочу узнать, что случилось с Йеном.

Доктор недовольно вздохнул. Ничего не ответив, он направил своего верблюда по широкой дуге вокруг слонов, и, наконец, смог рассмотреть гроб поближе.

Арридей вопросительно посмотрел на Барбару.

— Мой друг — учёный из... Иллирии, — Барбара старалась не выдать голосом свой гнев на Доктора и свой страх за Йена.

— Для человека оттуда у него очень светлая кожа.

— Он перенёс тяжёлую болезнь. Вы же видите, какой он старый и дряхлый.

— Действительно.

— Да. Я дала ему разрешение осмотреть гроб. Он проводит исследование неких аспектов мастерства для кни... для манускрипта, который ему поручено написать для царской библиотеки.

Арридей задумчиво кивнул:

— Лучше бы он изучил мастерство изготовления Сомы, когда та будет завершена. Не думаю, что Александр хотел бы, чтобы люди запомнили, что он покоем в деревянном гробу, когда половина рабов Египта добывали золото для постройки его гробницы.

Барбара кивнула. Они приблизились к голове колонны. Неподвижный воздух сотряс звук трубы. Солдаты остановили лошадей и стали смирно. Слоны медленно остановились. Один из передней пары стал на колени по повелению своего ездока — стройного сильного мужчины, которому на вид было тридцать с чем-то лет.

Барбара поняла, что это, должно быть, и есть Птолемей. Он прыгнул на землю, подошёл к верблюду Барбары и посмотрел на неё. Барбара испуганно ждала. Лицо у мужчины было решительное; он явно понял, что она самозванка. Она пыталась вспомнить как в эту эпоху убивали самозванцев. Наверное, что-то мучительное.

А затем, к её изумлению, Царь стянул её со спины верблюда и обнял. Барбара на мгновение почувствовала горячий запах его доспеха, и его грубую кожу, и оказалась в самых крепких объятиях за всю свою жизнь.

331 г. до н.э.

Будучи в свои двадцать пять лет генералом, Птолемей Лагус был достаточно взрослым, чтобы оценить иронию того, что на улицах города Александра текла кровь, хотя его армии покорили большую часть известного мира. Птолемей шёл среди доков, ускоряя шаг. То, что начиналось как приятная вечерняя прогулка, превратилось в кровавую баню. А теперь он нёс полумёртвую варварку, одетую как член царской египетской семьи, а Элизий горел, и боги падали с неба в открытое море.

Птолемей нёс женщину сквозь толпу людей, окруживших доки и набережную гавани. Все они указывали в море и беспокойно что-то говорили друг другу. Он уже хотел было велеть им расступиться, как вдруг рядом с ним вода гавани поднялась и забрызгала его: из-под воды возникло нечто похожее на рептилию, размером с человека, частично прикрытое блестящей металлической кольчугой, и полезло на набережную. Существо плюхнулось на землю. Птолемей почувствовал, как у него свело живот. Его мгновенно охватил иррациональный страх. Перед ним было нечто, что (он был уверен) не было известно в этом мире. *Неизвестное... чужое.*

Он посмотрел на существа и постарался сдержать свой страх. Из четырёх конечностей существа три

беспомощно дёргались. Оно шипело, отверстия на его голове издавали нечленораздельные звуки. Другие отверстия затрепетали, и Птолемей увидел в них глаза, до ужаса похожие на человеческие. На груди существа длинные изогнутые рёбра вздымали блестящую кольчугу в такт с его неровным дыханием.

Люди указывали на существо и совершали религиозные знаки. Один из моряков шагнул вперёд с рыбацким гарпуном в руке.

— Это не бог! Это чудовище! — и он воткнул гарпун в одну из конечностей.

Существо закричало. Закричала и женщина на руках Птолемея.

— Не бейте его! — тяжело дышала она. — Разве вы не понимаете? Он просит помощи!

322 г. до н.э.

В Александрии было всё, чего ждала от неё Барбара, и даже больше. Ранним утром она сверкала в солнечном свете всеми красками. На улицах было множество людей в драпированной одежде, все они опускались на колени, когда караван проходил сквозь городские ворота и двигался дальше, к дворцу. Музыканты и поэты встречали прибывших музыкой и стихами. Здания были просто восхитительны: широкие фасады из белого мрамора, низкие ступени, ведущие к высоким, узким входам; на стенах висели красивые крашеные куски шёлка, трепетавшие на пахнущем морем бризе. Весь город так сверкал в солнечном свете, что у Барбары заболели глаза.

Очень скоро они очутились в царских садах, которые были расположены на неровном полумесяце суши, защищавшем восточную часть гавани от открытого моря. К северу возвышалась стометровая восьмиугольная башня Фаросского маяка, отбрасывавшая тень поперёк входа в гавань. Ближе, сквозь ветви деревьев виднелись гладкие купола Храма Изиды. На другой стороне садов возвышался дворец, белый на фоне бледного неба, с многочисленными окнами, зелёными террасами, и свисающими кусками шёлка.

Когда они опустились на землю, и животных отвели в стойла, Птолемей спросил у Барбары, кто такой её спутник. Она с опаской повторила то же, что сказала Арридею.

— Понятно, — Птолемей повернулся к Доктору. — Из уважения к вашим годам, я не требую того, чтобы вы становились передо мной на колени.

Барбара напряглась, но Доктор лишь благодарно кивнул.

— Ваши слова подтверждают вашу мудрость, — сказал он сухо.

Птолемей сказал:

— Вы, как я понял, учёный. Оставайтесь у нас. По моему мнению, приобретение нового свитка для библиотеки уступает по значимости лишь завоеванию новой страны для империи.

Барбара вмешалась в их разговор:

— В таком случае, нам нужно многое обсудить.

Птолемей удивлённо на неё посмотрел, а она продолжила:

— Я рассказывала Доктору, что ты отдал восточный квартал города израильтянам.

— И не только квартал, но и анклав на острове Фарос, где Тору переводят на греческий. Эти свитки будут удостоены чести быть размещёнными в царской

библиотеке. Их размещение там станет символом нашего интереса к другим культурам и верованиям.

— Отличная идея, — сказал Доктор. — Я приветствую вашу мудрость.

Барбара внезапно нахмурилась:

— А я её порицаю!

Доктор разочарованно вздохнул:

— Я вынужден извиниться за...

Видя недовольный взгляд Барбары, Птолемей рукой остановил Доктора. Уголок его рта изогнулся в лёгком подобии улыбки, словно что-то в этом разговоре его очень веселило.

— Пусть говорит Царица, — сказал он. — В прошлом она проявила себя очень мудрой. Её ум почти равен моему, — он повернулся к Барбаре. — Говори, жена. Я выслушаю твои слова.

Немного поколебавшись, Барбара решилась:

— Я хотела сказать, что перевод Торы и её помещение в царскую библиотеку плохо соотносятся с тем, что тысячи израильтян заточены в тюрьмах и рудниках.

Птолемей перестал расхаживать. Он подозревал кого-то рукой. Барбара внимательно следила за его лицом, не глядя на пришедшего.

— И сколько рабов сейчас находятся в рудниках и тюрьмах? — тихо спросил Птолемей у подошедшего человека.

Женский голос, показавшийся Барбаре странно знакомым, ответил:

— Больше ста тысяч, муж мой. Как ты и сам знаешь.

Птолемей не сводил глаз с Барбары.

— То есть, вы просите не так уж и много, — он, казалось, размышлял над её словами. — Но забавно будет выполнить вашу просьбу, — немного насмешливо сказал он.

Но Барбара его уже не слушала. До неё, наконец, дошли слова женщины. Муж мой? Она повернулась, и от неожиданности её глаза расширились.

Женщина была старшей версией её самой.

— Позвольте представить вам мою жену, Царицу Египта Барбару, — сказал Птолемей. — В царской семье никогда не было более необычного лица... до сегодняшнего дня.

Барбара не могла оторвать свой взгляд от женщины. Смотреть на неё было словно смотреть в невидимое зеркало, обрамлённое голубой водой Средиземного моря.

Царица презрительно посмотрела на Барбару, а затем тоже поняла, что смотрит на саму себя. Она быстро заморгала, закатила глаза, и рухнула на землю.

Птолемей посмотрел на женщину и её перекосившуюся на земле одежду, и вдруг разразился хохотом:

— Мне было интересно, которая из вас первая упадёт в обморок.

Он подозвал Арридея. Капитан положил в протянутую руку Царя толстый кошелёк.

— Кажется, мне нужно присесть, — сказала Барбара.

Птолемей улыбнулся:

— Вы были как глоток свежего воздуха в этом длинном путешествии. Считайте это моей шуткой.

Он опустился на землю рядом с Царицей и начал укладывать складки её тоги более аккуратно. Барбара села на мраморную скамью возле нефритовой статуи Буцефала, боевого коня Александра, и следила за Птолемеем.

— Шутка? Она — это я! То есть, я это она, то есть... — Барбара покачала головой, не в силах сдержать ухмылку. — Когда вы поняли, что я не... вы меня понимаете?

— Сразу понял. Царица ездит верхом так, словно родилась в седле, — он посмотрел на покрытые

синяками подбородок и шею Барбары. — А про вас этого не скажешь.

Переполненная чувствами, Барбара посмотрела на Доктора в поиске поддержки. Он нахмурился и ничего не сказал.

Птолемей повернулся к Арридею:

— Отправь солдат, чтобы освободили израильтян из рудников. Пусть казначей займётся компенсацией владельцам за счёт царской казны.

Капитан внимательно посмотрел на Птолемея, а затем коротко кивнул:

— Что прикажете с ними делать после освобождения?

Птолемей с интересом посмотрел на Барбару:

— Это ваша была идея. Как бы вы её реализовывали?

Барбара колебалась. Птолемей что, играет в какую-то игру?

— Сделайте их учёными и клерками. Пускай они таким образом работают на город.

Птолемей кивнул.

— Это, разумеется, относится к старым, — согласился он. — Но что делать с остальными? Их тоже вернуть к семейной жизни?

Птолемей загонял её в угол.

— Нет, разумеется, нет, — Барбара вспоминала историю, чтобы правильно ответить. — Самые крепкие из них должны стать частью царской армии, на случай, если Пердикка продолжит претендовать на ваш трон.

Птолемей кивнул:

— Здоровое политическое суждение.

Он указал Арридею, чтобы тот поднял Царицу и унёс её обратно во дворец:

— А потом приходи в штаб, и мы обсудим все детали.

Арридей кивнул, поднял Царицу, и ушёл.

Птолемей кивнул в сторону Барбары:

— Считайте себя моими гостями во дворце, — он развернулся, и пошёл за Арридеем.

Доктор дождался, пока он скрылся за поворотом, и сердито повернулся к Барбаре:

— Теперь вы довольны?

— Да, довольна, — сердито сказала Барбара. — Птолемей освободит рабов из рудника... и вместе с ними Йена.

— Да, и теперь вы позаботились о том, чтобы его отправили в царскую армию.

Доктор взялся за лацканы пиджака и вздохнул:

— Новое зерно на мельницу катастрофы.

— А это ещё что значит?

— Дорогая моя, вы разве не понимаете? Ваше вмешательство может полностью распустить нити истории.

— Да ладно вам, Доктор. Я не вижу свидетельств того...

— Ах, не видите, значит? — Доктор указал на гавань. — А это что?

— Фаросский маяк. Птолемей Филадельф построил его в двести... — Барбара внезапно замолчала.

— Вот именно! Птолемей Филадельф, которого мы недавно видели маленьким мальчиком! — он бросил взгляд на Барбару и продолжил. — И это ещё не всё. Когда я осматривал труп Александра, я обнаружил следующее: всё его тело сильно повреждено, я бы даже сказал, опустошено на клеточном уровне, и это не могла быть земная лихорадка. То, что его убило, имело внеземное происхождение.

Барбара опустила голову на руки и попыталась думать:

— Это невозможно. История говорит, что... — она замолчала и посмотрела на Доктора.

— История, — тихо сказал он, — сейчас явно переписывается.

— Но как? Вы же говорили, что мы не можем её изменить.

Доктор задумчиво кивнул:

— Что-то ещё сыграло роль. Нужно это выяснить, пока масштаб проблемы не вырос настолько, что мы не сможем ничего исправить. Вам нужно поговорить с Царицей. Узнайте как можно больше о её жизни до того, как она оказалась здесь.

— Да... Да, конечно. А как же вы? Что вы будете делать?

— Обследую царскую библиотеку. Возможно, там найдётся документ о начале строительства маяка. Если повезёт, я смогу узнать, как знаниями о будущем смогли воспользоваться тут, в прошлом.

— Хорошо... Вы знаете, как её найти? Если верить учебникам, библиотеку найти было непросто.

— Я найду её. У меня нюх на хорошие книги.

Барбара провожала взглядом уходящего Доктора.

В следующий раз она его увидит лишь через восемь лет.

331 г. до н.э.

В дворцовых садах рядом с Птолемеем был человек, который определил предыдущее десятилетие цивилизованного мира. Лицо Александра было аскетичным, как у учёного, но это было лицо лидера. Тема разговора была стара... но с учётом новых обстоятельств.

— Я должен завоевать больше земель, — он хлопнул худой ладонью по плечу Птолемея. — Я должен аннексировать Персию, иначе моя военная сила будет поставлена под сомнение. А для завоевания мне нужны солдаты, вода, провизия, слоны, кони и верблюды.

После паузы он добавил:

— Или Ракотис.

Птолемей вздохнул.

— Друг мой, то, что ты предлагаешь, очень опасно...

— Опасно? Птолемей, у меня голова готова в любой момент лопнуть от мыслей о том, что я должен добиться большей власти! Я по ночам просыпаюсь мокрый от пота, в страхе того, что потеряю уважение своего народа. Я очень мотивированный человек. Весь Египет знает о моих амбициях, но только ты знаешь о моих страхах, — он немного помолчал. — Поэтому Ракотис должен стать моим военным союзником.

Птолемей сорвал с куста цветок, поднёс его к носу, и глубоко вдохнул.

— Я соглашусь, что у Ракотиса, наверное, есть оружие, способное сметать армии, или даже страны. Но какие ещё чудеса могут у него быть, которые могли бы помочь тебе добиться желанной тобой власти никого не убивая? Представь себе, какое бы ты получил уважение, если бы Царь Персии умолял бы тебя принять его в твою империю без войны.

— Как этого можно добиться без силы богов?

— Силой знания. Весь мир знает тебя, как великого полководца. А теперь покажи им, что ты ещё и мудрец.

— Ты заинтриговал меня, Птолемей. Продолжай.

— Используя Барбару как переводчицу, я поговорил с Ракотисом. Он просит чистое золото для ремонта его корабля. В обмен на золото я попросил у него знания его народа.

— И что Ракотис ответил на твоё предложение?

Птолемей помолчал.

— Я вынужден признаться в некоторой неопределённости, потому что Ракотис сказал мне: «Мои знания не могут быть твоими, Птолемей. Но ваши собственные знания, и те, которые вы утратили, и те, которые ещё не получили, их я могу тебе дать».

— И что, по-твоему, он этим хотел сказать?

— Я сказал Барбаре, чтобы она привела его сюда, чтобы он объяснил.

Взгляд Александра устремился вдаль:

— С помощью Ракотиса Александрия могла бы стать культурным центром мира!

В этот момент из зарослей к ним подошли Ракотис и Барбара. Птолемей мельком взглянул на Ракотиса, чей жуткий вид так дисгармонировал с его поведением. Но его взгляд тянуло к Барбаре. Она была одета в свободное, ниспадающее складками одеяние и обута в сандалии. Её волосы были собраны в высокую причёску и заколоты золотой заколкой, которую он для неё оставил.

Она была самой необычной женщиной из тех, кого он видел.

Пришелец заговорил. Его голос был мягким, немного беспокойным. Птолемей не мог ничего разобрать в издаваемых им звуках, но Барбара понимала их без труда.

— Ракотис просит вас помочь изготовить водолазный колокол, в котором он сможет опуститься на дно океана и осмотреть свой корабль.

Александр с интересом переспросил:

— На дно океана? Он может это сделать?

Барбара перевела, выслушала ответ, и затем сказала:

— Ракотис многое умеет. Он предлагает как можно скорее провести совещание для того, чтобы обговорить детали этой операции. И то, как он сможет предоставить вам те знания, о которых вы просите.

— Отлично! — воскликнул Царь.

Он хлопнул Ракотиса по спине, и повёл пришельца через кустарник ко дворцу. Барбара осталась с Птолемеем.

— К вам вернулась память? — спросил он её.

Барбара изменилась в лице. Наступило неловкое молчание. Птолемея прикусил губу.

— Я... простите. Я понимаю, что отсутствие памяти должно быть...

— Нет, не понимаете, вы совсем не понимаете! Я не знаю вас, не знаю Ракотиса, не знаю кто я такая, откуда я, и что я тут делаю! — Барбара смотрела на него диким взглядом. — Я потерялась, вы понимаете? Потерялась и схожу с ума!

Она резко развернулась и убежала.

Он позвал её, но никто не ответил.

322 г. до н.э.

В штабе, во дворце, к горлу Птолемея был приставлен меч Арридея. У Царя на поясе висел кинжал, но он понимал, что достать его не успеет.

— Я Царь! — прошипел он.

— Я знаю, и я сожалею, — ответил Арридей.

— Значит, Пердикка заплатил тебе, чтобы ты меня убил?

— Пердикка — законный претендент на трон.

— Лишь потому, что он — опекун сына Александра. Пердикка станет деспотом! Тираном!

— Твои либеральные взгляды не популярны среди народа. Им нужен сильный лидер.

— Я буду сильным лидером.

Арридей сменил позу, не убирая меч от горла Птолемея.

— Я предан трону. Пердикка — законный наследник, поэтому я должен быть предан ему.

Птолемей не шевелился. С надеждой в голосе он сказал:

— Если дело в нашем пари... То я готов вернуть тебе деньги.

Арридей фыркнул, усмехнулся, потом резко взял себя в руки.

— Господин, я... — он опустил меч.

Он посмотрел на Птолемея. Птолемей молча смотрел на него.

Арридей прошептал:

— Я верен трону. Но ты мой друг, — он тяжело вздохнул. — Ты согласишься тихо покинуть город, если я оставлю тебя в живых?

— А мою жену? Моего сына?

— Да, конечно! Просто согласись уйти! Пожалуйста!

Птолемей протянул руку:

— Ты настоящий друг.

Арридей шагнул к нему, подняв руку, чтобы обнять. Он почти не почувствовал лёгкий удар в бок. Он заморгал. Внезапно всё показалось таким ярким, словно внутри дворца вошло солнце.

— Мой друг, — шептал он, теряя силы.

Свет в его глазах начал угасать.

Птолемей обнимал Арридея, пока тот не умер, затем аккуратно опустил на каменный пол. Вынув из тела кинжал, он вытер его насухо и вернул в ножны.

Когда он встал, его лицо было мокрым от слёз.

— Ваше присутствие здесь мне не нравится, — сказала Царица, не отворачиваясь от окна.

Барбара сосредоточенно смотрела на собиравшиеся над океаном за окном тучи.

— Почему вы не хотите поговорить со мной?

Ответа не было.

— Доктор говорит, что...

— Не говорите мне о Докторе.

— Хорошо! Как скажете! Тогда давайте поговорим о вашем прошлом. Где вы выросли? Какую жизнь вели? Кем были ваши родители? Кто был ваш первый парень? Почему вы...

— Не буду я о таком говорить! — сердито развернулась Царица.

Она пошла к двери, намереваясь оставить Барбару одну, но Барбара быстро встала у неё на пути. Она взяла Царицу за плечи, чувствуя в руках странную дрожь.

— Не смей уходить, — прошептала она.

— Да как вы смеете! Если вы мне хоть что-нибудь сделаете...

— Дура, я — это ты! Как ты не понимаешь? Ты должна поговорить со мной! Птолемей говорит, что вы женаты восемь лет. Но ты не знаешь сколько тебе лет. Ты не помнишь свою жизнь до жизни здесь. Попытайся вспомнить, пожалуйста. Это очень важно!

Барбара отпустила Царицу, отошла от неё, и прижала ладони к лицу. Через минуту она поняла, что Царица не сводит с неё глаз, держа руки так же, как Барбара.

Тот же жест. Та же женщина.

— Пожалуйста.

— Я не помню свою жизнь до этого. Со мной что-то случилось! Я не могу вспомнить!

— Но каким-то образом ты — я — вернулась во времени на восемь лет. Это Доктор перенёс тебя в ТАРДИС? Что там произошло? Я должна знать!

Царица смотрела на неё непонимающе. Барбара внезапно заметила, что между ними есть различия. Лёгкие складки кожи возле уголков рта, морщины вокруг глаз, да и сами глаза были глубже, почти... затравленные. Фигура, которая свидетельствовала о рождении ребёнка.

— Знаешь, для меня было шоком узнать, что у меня есть сын... то есть, будет сын.

Когда Царица села, Барбара продолжила:

— Я об этом раньше не думала. У меня была работа, и я ещё молодая... — она запнулась. — Прости, я не имела в виду...

Царица покачала головой:

— Это не важно. Нам нужно поговорить. Просто... Для меня было большим шоком увидеть тебя... и Птолемея с тобой, он вёл себя с тобой так, как когда-то со мной. Мы двое для него просто шутка. Для него это как испытание на его способность любить, понимаешь? Видит нас как одну и ту же женщину,

несмотря на... — она не решалась. — Я несправедлива к тебе. Я боюсь и... ревную. К тебе.

Барбара удивлённо на неё посмотрела:

— Ты...

— Глупо, правда? Как можно ревновать к самой себе? — Царица усмехнулась. — У меня паника по этому поводу с самого твоего появления.

Барбара затряслась от смеха:

— Ревнуешь? Ко мне?

Она посмотрела на Царицу — та улыбалась. Барбара села рядом и попыталась перестать смеяться.

— Филадельф красивый мальчик. Ты должна им гордиться.

— Я знаю. Я горжусь.

— Просто поразительно, знаешь, я бы никогда... — она замолчала. — Да что я такое говорю. Это же я и была! — внезапно у неё случился приступ смеха.

Через несколько минут от их смеха тряслась вся комната. Царица первая взяла себя в руки:

— Я помню очень мало. Была ночь. Нет, был день. День посреди ночи...

— Вот видишь, — вскрикнула Барбара. — Ты можешь вспомнить, если захочешь — Я... — Царица колебалась. — Я помню...

Дверь в комнату распахнулась, и зашёл Птолемей с Филадельфом. Рука, которой он обнимал сына, была в крови.

— Нас предали! — рявкнул он. — Пердикка подкупил мою армию.

— Нет! — вскрикнула Барбара.

Царица отвернулась. Филадельф подбежал к матери и обнял её за пояс.

— Запритесь, — сказал Птолемей. — Я пойду в библиотеку. Ракотис должен нам помочь!

Дверь за ним захлопнулась.

Барбара шагала по комнате, у неё в голове всё смешалось. В истории всё было не так, Пердикка не смог дойти до Александрии. Он и половина его армии утонули во время наводнения в дельте Нила. Всё было не так! Но звон стальных клинков и крики людей, доносившиеся из открытого окна, говорили о том, что всё было именно так. Это была война.

И где-то посреди этой войны был Доктор.

Она повернулась к Царице:

— Я должна найти Доктора. Потом мы поговорим ещё.

Барбара выбежала из комнаты.

Когда Барбара подходила к библиотеке, разразилась гроза, и погибли первые люди. Несколько

человек выбежали из небольшого дворика и попытались пересечь Канофик, главную улицу города. Но солдаты с мечами наготове пришли туда раньше. В толпе возникла паника, люди бросились к библиотеке, туда, где средних лет учёный медленно поднимался по широким ступеням. У него были полные руки свитков и бумаг, и он не смог удержать равновесие, когда мимо него проносились толпа. Он поскользнулся на мокром мраморе и тяжело упал. Свитки и бумаги рассыпались по камням. Барбара, не задумываясь, подбежала помочь. Промокший под дождём человек что-то сердито бормотал себе поднос. Барбара начала собирать рассыпавшееся. Он встал с земли, и тоже стал собирать свитки.

Их руки одновременно потянулись к книге.

Поднимая книгу с земли, Барбара понимала, что что-то не так. У книги был переплёт из кожи и ткани. Названия не было. Она уже почти отдала книгу учёному, как вдруг значение этого предмета потрясло её. *Книга*. Не свиток, не стопка отдельных страниц, а переплетенная, напечатанная книга.

Их взгляды пересеклись. Наступило напряжённое молчание. И с тенью сомнения Барбара поняла, что было у неё в руках, какое у него было значение: аномалия в этом времени.

Книга была из будущего.

Рядом с ними, крича и ругаясь, снова пробежали какие-то люди, а за ними группа солдат. Закричал схваченный солдатами мужчина. Он упал на землю; вокруг его головы росла лужа крови. Некоторое время подёргавшись, он замер. Дождь смывал его кровь с тротуара на дорогу.

И вдруг улицы наполнились кричащими людьми, их голоса заглушили топот солдат и звуки рассекавших плоть мечей. Мимо пробежала группа детей и вмешалась в бой. Солдаты отбросили их в сторону.

Внезапно она почувствовала, что её куда-то тянет.

Учёный пытался отобрать у неё книгу. Выдернув книгу у него из рук, она поскользнулась. Пока она восстанавливала равновесие, мужчина скрылся в библиотеке. Она побежала за ним вверх по ступеням в коридор.

Даже тут были перепуганные люди. Учёный повернулся, бросился по коридору с колоннами, и скрылся в арке. Барбара бросилась за ним наружу, в темноту и тишину. Она удивлённо осмотрелась.

Криков не было. Не было сражения. Шёл дождь.

Была *ночь*.

331 г. до н.э.

Поражённая Барбара смотрела по сторонам, замечая всё новые детали, не вписывавшиеся в головоломку. Мягко сияя в лунном свете, здания выглядели иначе: тут купол, а там плоская крыша там, где она помнила сломанный пилястр. В частности, она заметила, что одного крыла стоящего рядом Музея не было. Каждая плитка тротуара, каждая колонна, каждая крыша и статуя казались ей новее. Как будто... как будто...

Барбара опёрлась руками на ближайшую стену, чтобы не упасть. *...Как будто она переместилась в прошлое.*

Но как? Насколько она знала, ТАРДИС всё ещё засыпана камнями в руднике. Были ли в Александрии другие такие же путешественники во времени, как Доктор? Или же Сьюзан каким-то образом...

Небо вспыхнула ярким светом.

Барбара от неожиданности чуть не вскрикнула. Что-то взорвалось?

И тут пришёл звук, он ударил по ней, ударил по стенам зданий.

Звуковой удар.

Это был космический корабль... и он падал.

Прикрывая глаза от света, Барбара посмотрела куда он направляется: на север. К гавани. К морю.

Там были ответы.

Когда корабль обрушился в море, освещённые
луной тучи ярко вспыхнули.

День посреди ночи.

Она побежала на свет.

322 г. до н.э.

Когда Доктор оставил Барбару в дворцовых садах, он бродил по улицам города несколько часов, пока, наконец, не свернул на Канопик. Оттуда он скоро дошёл до библиотеки.

Он медленно поднялся по широким ступеням и прошёл по коридору в главный читальный зал. Колонны подпирали расписной потолок. По бокам от проходов в другие залы стояли статуи. Пол был покрыт мраморными плитами. Полки со свитками висели на всех стенах до высоты балкона второго этажа.

Доктор зашёл в зал. И стал свидетелем спора.

— У этого свитка нет классификации, Эратосфен. Он не должен лежать на полке. Как мне его вписать в своё расписание чтения, если у него нет классификации?

Это говорил худой суетливый мужчина, чья тога нескладно висела на худых плечах. Он нагнулся через стол к низкому упитанному мужчине, словно указывая на него своим длинным носом.

— Вы, как директор, обязаны следить за тем, чтобы все свитки были правильно индексированы и размещены на полках. А это просто недопустимо.

Эратосфен вышел из-за стола, и, вяло улыбнувшись, посмотрел на долговязого недовольного посетителя:

— Мой дорогой Аристофан, ваша привычка проводить своё время за чтением и перечитыванием свитков в том порядке, в котором они стоят на полке, мне настолько же хорошо знакома, насколько и непонятна. Я, как директор, отвечаю за поддержание статуса библиотеки, а не за расстановку свитков на полках в удобном для вас порядке.

Аристофан фыркнул. Доктор тихонько захихикал. Давно уже у него не было возможности посмеяться. Подойдя к полкам, он взял один из свитков, уселся на кушетке для чтения, и приготовился насладиться намечающейся ссорой.

— Если бы вы тратили меньше времени на попытки доказать, что Земля круглая, а больше внимания уделяли выполнению своих обязанностей...

— Если бы вы хоть раз уделили время тому, чтобы подумать о чём-нибудь, вы бы поняли, что мир сферический, а не...

— Если бы вы тратили столько же денег на содержание каталога, сколько платите некоему нубийскому рабу, чтобы тот сходил в Сирию и измерил длину тени от палки...

— Если бы вы хоть немного представляли, какими знаниями я мог бы обогатить...

— Была бы у вас в голове хотя бы половина мозга...

— Был бы у вас вообще хоть какой-то мозг...

Учёные резко замолчали, услышав, что кто-то хихикает. Звук, похоже, доносился от человека, сидевшего со свитком на одном из дальних диванчиков для чтения. Они посмотрели друг на друга, затем на человека.

Поняв, что спор прекратился, Доктор немного опустил свой свиток, чтобы посмотреть на спорщиков. Двое учёных стояли прямо перед ним и не сводили с него глаз.

— О, кхм... да. Кхм, — Доктор прокашлялся, и его улыбка быстро улетучилась. — Короче говоря, я... подумал, а нет ли у вас случайно... каких-нибудь религиозных трудов?

Эратосфен сказал:

— В этом зале находятся книги по химии, биологии, ботанике, астрономии, мои работы по математике и, — он бросил взгляд на Аристофана, — географии.

Аристофан фыркнул:

— Если вы сможете их найти.

Доктор смотрел то на одного учёного, то на другого, не в силах сдержать улыбку.

— Аристофан, — сказал он, — и Эратосфен, — он покачал головой. — Скажите, а вы в курсе, что между вашими жизнями прошло больше трёх веков?

Аристофан снова фыркнул. Доктор не мог не признать, что фыркать тот умел.

Эратосфен посмотрел на Доктора:

— Если вы имеете в виду то, что до моего рождения ещё триста пятьдесят лет, то, разумеется, мы знаем это. Как ещё мы, по вашему, могли бы разговаривать, кроме как воспользовавшись порталами для путешествия во времени, установленными в библиотеке Ракотисом? — он бросил взгляд на Аристофана. — Почему еще, по-вашему, жизнь директора библиотеки и математика настолько погрязла в примитивной каталогизации свитков, что для него стало невозможным закончить своё самое важное исследование?

— И, наверное, нет смысла говорить о том, что наличие путешествий во времени делает ваше самое важное исследование бессмысленным.

Аристофан протянул свиток:

— Вот, можете взять этот. Я не смогу его прочесть до тех пор, пока он не будет должным образом каталогизирован.

— Ха! — Эратосфен потянулся за свитком, но Доктор своей худой рукой успел выхватить его раньше.

Когда он заглянул в него, всё веселье на его лице мигом исчезло.

— «Древний Боготворящий Закон...» — он отпустил конец свитка и тот свернулся. — Эта рукопись никогда не должна попасть на полки, — прошептал он. — Никто не должен её прочесть. Вы понимаете? *Никто*.

Эратосфен моргнул. Даже Аристофан не фыркнул на слова Доктора.

— Возможно, уже слишком поздно... — Доктор помахал свитком. — Эту копию сделали ваши ученики? Мне нужен оригинал.

— Оригинал выдан на руки, — Эратосфен на секунду задумался, — Аристотелю.

Доктор замер:

— Где я могу найти Аристотеля?

— Не знаю. Он может быть в любой временной зоне, в которую можно попасть при помощи порталов библиотеки. В любом случае, копия у вас есть, так что вряд ли это важно. Думаю, вам будет интересно поговорить с Ракотисом. Обсудить архитектуру библиотеки во времени.

— Да, да, это действительно нужно сделать, но в данный момент это придётся отложить, — Доктор засунул свиток в карман своего пиджака. — Мне жизненно важно найти книгу, с которой был списан этот свиток... от этого может зависеть история!

— Всё это, конечно, очень хорошо, но... — Эратосфена перебили доносившиеся с улицы крики.

А затем топот бегущих ног. Звон мечей. Крик. Они обернулись.

В дверях стоял Птолемей, одной рукой он еле держал меч, из другой руки текла кровь.

— Где Ракотис? — потребовал он. — Он должен помочь отразить армию Пердикки, иначе мы все погибнем, и Египет будет проигран!

Аристофан схватил Доктора за плечо и потащил его к ближайшему выходу.

— Если у вас есть хоть капля благоразумия, идите за мной! — прошипел он. — Если кто-то и может найти эту вашу книгу, то это я... Но не стоя здесь в ожидании пока нас изрубят на куски!

Доктор колебался:

— Барбара, моя спутница, — причитал он. — Я не могу бросить её посреди войны.

Аристофан сказал:

— Что для вас важнее, Барбара или книга?

Разочарованно вздохнув, Доктор пошёл вслед за учёным из библиотеки... в другое время.

331 г. до н.э.

Она схватилась за борт деревянного парусного судна и смотрела на залитое солнцем Средиземное море. Северный ветер мешал дышать и сдувал волосы ей на лицо. Она снова закрепила волосы золотой заколкой, которую ей дал Птолемей. Он стоял рядом с ней у перил, человек, которого она очень уважала за его образованность, ум, и умение сострадать. Она посмотрела на него, но его взгляд был прикован к флоту военных кораблей, который транспортировал водолазный колокол Ракотиса к затонувшему звездолёту.

Ракотис был уже внутри колокола, а с ним и Александр, настоявший на том, чтобы сопровождать его, несмотря на все возражения пришельца. Несколько кораблей были соединены вместе и использовались в качестве плавучей платформы для замысловатого устройства из латуни и дерева, которое, по заверениям Ракотиса, будет подавать в колокол воздух во время погружения к затонувшему звездолёту, и обеспечит их благополучное возвращение на поверхность. Другие корабли плавали наготове, некоторые из них были оборудованы устройствами под названием «лебёдки», с помощью которых звездолёт можно будет отбуксировать на мелководье, если он подлежит восстановлению.

Птолемей кусал губы, глядя на то, сколько боевых кораблей связали в неуклюжую, похожую на плот массу.

— Морское безумие. Вот, что это такое, — бормотал он.

— Но оно работает, — сказала Барбара. — С этим вы не можете поспорить.

— Я могу спорить с чем угодно, — капризно ответил Птолемей.

Она легко коснулась его руки:

— В чём дело?

Птолемей нахмурился: водолазный колокол качнулся, и занял своё место между кораблями.

— Мой друг, которому принадлежит большая часть цивилизованного мира, собрался сделать нечто чрезвычайно глупое, чтобы доказать, что он умный.

Барбара вздохнула:

— Я так и думала.

— Ракотис сказал, что есть опасность... утечка времени, он сказал... но Александр такой упрямый. Он превратил операцию по подъёму корабля в какой-то цирк! Иногда мне кажется, что он не заслуживает...

Барбара прижала палец к его губам:

— Если вы это скажете, вы об этом потом пожалеете, — тихо сказала она. — И у стен есть уши.

Птолемей непонимающе посмотрел на неё:

— Разве что там, откуда вы родом.

Барбара улыбнулась:

— Шутите. Это уже лучше.

Позади их корабля водолазный колокол с Ракотисом и Александром был поднят в исходное положение и отпущен. Сильно плюхнув, он опустился в океан и исчез из виду. Барбара отвернула лицо от брызг и схватилась за руку Птолемея, когда корабль качнулся на волне.

Их взгляды пересеклись.

Она не отпускала его руку.

322 г. до н.э.

Когда явились боги, она всё ещё была со своим сыном в комнате. Филадельф показывал из окна на океан. Она проследила за его взглядом. Позади Фаросского маяка круглая часть океана поднималась вверх.

— Мама, — тянул её за рукав Филадельф. — Это пришли боги? Они нас спасут?

Она продолжала смотреть в окно. Вода вспучилась в виде купола. Теперь она стекала обратно в океан со звуком, который заглушал рёв грозы.

От океана отделилась идеальная сфера.

Она начала расширяться.

Барбара пошатнулась, голова кружилась. Чтобы не упасть, она взялась рукой за стену, вцепилась в шёлковый гобелен, но вырвала его из креплений. Сжимая рукой ткань, она другой рукой так крепко обняла сына, что тот вскрикнул от боли.

Маленький остров Фарос стоял посреди бушующего океана, который сверкал, отражаясь в нижней половине сферы. Она поняла, что смотрит не на настоящее небо, а на его отражение в расширяющейся сфере из идеально отражающего материала.

Это зрелище пронзило её голову воспоминаниями.

Изображение Фароса смещалось, оно искажалось, двигаясь под нижней частью сферы. Сфера перемещалась. Она беззвучно прошла на Фаросом и плыла ближе, пока в окне не появилось отражение дворца, окна, её сына, и её самой.

Она опустилась на колени, сильно всхлипывая.

Филадельф опустился на колени рядом:

— Не плачь, мама. Боги пришли. Они нас спасут. Они защитят нас от Пердикки.

— Это не боги, это не боги! — она сказала это с такой злостью, что Филадельф отпрянул от неё. — Это корабль! Космический корабль! О боже мой...

Она прикрыла лицо руками, в первый раз за восемь лет вспомнила, что хотела избавиться от этого жеста, и бессильно опустила руки. Она выглянула из окна вверх, на искривлённую серебристую пустоту, в которой отражалась она сама. Её отражение мчалось к ней, преодолевая не только пространство, но и время.

— О, Филадельф, ты не понял? Я вспомнила. Я вспомнила!

Птолемей. Его любовь. Женитьба.

Совместная жизнь. Сын.

А до того?

Бунты. Спасение. Обнаружение в гавани раненого Ракотиса. Перевод для него и Птолемея. Установка в царской библиотеке архитектуры для путешествий

во времени. Поставка книг из будущего в обмен на золото для ремонта повреждённых двигателей звездолёта.

Звездолёт... Временелёт... ТАРДИС...

Барбара вздрогнула: в её сознании открылись двери, освобождая цепочки, годы воспоминаний. Школа Коул Хилл, переулок Тоттерс Лэйн, Скарро, шёлковый путь в Китай, планета Маринус, Мехико пятнадцатого века, SenseSphere, Франция восемнадцатого века, Лондон двадцать второго века...

Другая жизнь в качестве учительницы, путешественницы.

Её спутники. Доктор. Сьюзан.

Йен!

Прошло восемь лет. Что с ним случилось? Вспомнит ли он её? Жив ли он до сих пор? Сможет ли...

Стоп. Для него это не восемь лет. В прошлое попала только она. Он может быть жив. Он должен быть жив!

Барбара поднялась с пола и, забыв о сыне, распахнула двери и ушла из дворца.

Она бежала по улицам. Над головой раздался гром, рядом с зависшей над дворцом сферой. От её полированной поверхности отразилась молния. Сквозь маленький зазор между облаками на какое-то

мгновение выглянуло солнце. На секунду сфера была окружена искрящимся кольцом света. Затем свет погас, и на город напозла холодная тень, погружая улицы в темноту. Барбара посмотрела вверх и увидела проплывающее медленно над ней отражение города, искажённое дождём.

На Канопике толпились перепуганные солдаты. Некоторые упали на землю, закатили глаза, и шептали молитвы. Другие сражались друг с другом. Их крики и звон мечей резали её слух. Барбара резко остановилась, прижалась спиной к зданию, и осторожно, боком двигалась по мокрому тротуару дальше. И как раз тогда, когда она почти прошла мимо толпы, все повернулись в её сторону. Мрачно глядя на неё исподлобья, солдаты двинулись к Барбаре.

Барбара повернулась и побежала; мимо других бежавших людей, мимо упавших тел, кричащих детей. Затем её сандалии стучали по невысоким ступеням, шлёпали по мраморной плитке, и, наконец, она остановилась, вся мокрая от дождя и слёз, посреди главного читального зала библиотеки.

В читальном зале было полно людей; промокшие, как и она, они жались друг к другу. Они посмотрели на неё. Некоторые опустились на колени.

— Помогите нам, — сказала женщина, сжимая неподвижных близнецов.

— Спасите нас, — сказал мужчина, у которого на месте руки была масса пропитанных кровью тряпок.

Вы Царица.

Где наш Царь?

Где наша армия?

Помогите нам!

Спасите нас!

Страдая от вины перед ними, Барбара пробиралась сквозь толпу умоляющих людей.

— Пропустите меня, пожалуйста, я не Царица, я школьная учительница...

Он заметила тяжёлую дверь, коридор, вдоль стен которого стояли колонны. Её сандалии тяжело шлёпали по чёрному камню. Крики превратились в насмешки, а затем умолкли позади неё. Перед ней висел кусок шёлка, неуместный в этом аскетичном декоре. Позади него дверь.

Она открыла дверь и прошла вовнутрь.

Пристройка.

Кабинет Ракотиса.

У неё кружилась голова, она смотрела на ряды полок со свитками, диванчики для чтения, столы.

И другие предметы: высокие латунные рамы, обтекаемые предметы из металла, вращающиеся друг внутри друга хрустальные круги. Предметы, названия которых она теперь знала.

Компьютеры.

Двигатели с серебряной обмоткой.

Система дистанционного управления кораблём.

А возле неё сам пришелец, у горла которого был кинжал Птолемея.

— Повторяю, Ракотис, нужно сделать так, чтобы система работала! — в голосе Царя было спокойное отчаяние.

Ракотис дрожал:

— Наша сделка это не включает. Ремонт моего корабля ещё не завершён. Ты знаешь это.

— Ты смог вынуть его из океана, — грозно хмурился Птолемей; его голос стал немного спокойнее. — Он должен работать. Если ты не воспользуешься своей технологией, чтобы остановить сражение, город будет захвачен, и будущее — моё будущее — придёт конец!

— Если ты заставишь меня и дальше держать корабль над городом, двигатели не выдержат. Если это случится, Александрия будет уничтожена; будущее, о котором ты так переживаешь, никогда не будет твоим.

— Ты умный, Ракотис. Ты сможешь сделать так, чтобы она заработала. Если мы сможем убедить народ, что боги на нашей стороне, Пердикка будет вынужден отступить. Победа будет за мной! Победа должна быть за мной!

Барбара прислонилась к стене. Она так устала. Пришелец перед ней моргнул.

И хотя его внимание разрывалось между требованиями Птолемея и необходимостью управлять кораблём, его глаза расширились, когда он увидел в дверном проёме её.

А увидев реакцию пришельца, повернулся и Птолемей.

Барбара, шатаясь, неуверенно зашла в комнату:

— Птолемей... пожалуйста, прекрати... звездолёт... над городом... только хуже, не лучше... ты не прав, Птолемей... не прав...

Не убирая нож от шеи Ракотиса, Птолемей заговорил:

— Что ты тут делаешь? И где наш сын?

Барбара глупо заморгала. Сын? У неё не было...

Филадельф! Я оставила его одного с солдатами...

— Почему ты его бросила, Барбара? Он погиб? Говори! Я требую!

— Филадельф... Я... Птолемей, пожалуйста... — она шагнула к Царю.

Две жизни столкнулись в её разуме, и она остановилась.

— Голова болит... не могу думать... Птолемей, я люблю тебя... помоги мне...

— Я велел тебе оставаться с ним! Если ты меня любишь, как ты могла оставить его на милость людей Пердикки?

Птолемей отвернулся, он чувствовал себя преданным.

— Послушай меня, Ракотис, — сказал он. — Меня предали. Мой сын мёртв. Если не хочешь, чтобы вместе с ним погиб весь Египет, сделай так, чтобы твой звездолёт заработал. Прекрати сражение. Сделай Александрию снова моей, — он настойчиво прижимал кинжал к горлу пришельца. — Сделай это немедленно, а иначе я клянусь богами, что... — он замолк, потому что гул системы управления поднялся до пиковой громкости и внезапно стих.

Сверкавшие металлические поверхности стали ноздреватыми. Хрустальные круги остановились.

Ракотис оттолкнул кинжал от своего горла:

— Системы не выдержали. Больше я ничего не могу сделать.

Птолемей смотрел на него.

— Твоему будущему конец.

— Я этого не допущу! — Птолемей бросился к Ракотису, его мышцы напряглись, рука крепко сжимала кинжал клинком вверх.

Снаружи раздался топот, шёлковый занавес отдёрнули, и комната наполнилась кричащими людьми.

И солдатами.

Армия Пердикки.

С могучим рёвом Птолемей повернулся и бросился к ближайшему солдату, который, защищаясь, занёс меч. Птолемей схватил его рукой за затылок и потянул его к себе, на кинжал. Царь и солдат столкнулись, вцепившись друг в друга, как братья, и рухнули на землю.

— Нет! — проталкивалась через толпу Барбара.

Её сознание онемело.

Она добралась до Птолемея, когда тот упал на землю и замер с открытыми глазами. Из его открытых губ текла тонкая струйка крови.

— Царь, — сказал кто-то у неё за спиной. — Царь мёртв!

А затем она видела лишь то, как распутываются тела двух воинов, слышала только последние вздохи двух тел, откатившихся в разные стороны. И Барбара подняла руки к глазам, чтобы не видеть то, что заставило её издать безумный крик.

Солдат, который ценой собственной жизни лишил жизни её мужа, был Йеном Честертоном.

Над городом мерцающая сфера звездолёта Ракотиса превратилась в событие в форме тора, окружающего пульсирующую светящуюся сердцевину. Событие взорвалось, обрушив на город град измерений.

Солдаты, рабы, мужья, жёны, дети и животные кричали, их разумы гасли, их голоса были лишь тоненькой струйкой в серебряном водовороте. Буря пронеслась по прошлой и будущей истории, безумный монтаж набрал темпоральную инерцию и сжался, схлопнулся в единое событие, один момент пространства-времени.

Пульсирующая светящаяся сердцевина разрасталась и опускалась.

Она коснулась города.

Плоть и мрамор расплескались по улицам.

Схватившись за тела двух самых дорогих ей мужчин, Барбара стояла на коленях среди обломков библиотеки. Город вокруг неё был разрушен. В пустых оболочках зданий угасал огонь. На разбитых улицах лежали полурасплавленные тела.

В воздухе висел дым, он раздирал её горло. Она уже не могла плакать, не могла ничего чувствовать; онемевшее существо в форме женщины, у которого не

было голоса, чтобы закричать, не было сердца, чтобы что-то чувствовать.

Она была ничем. Пустая оболочка. Её сознание было на краю безумия. Её терзало чувство вины. Она не могла его больше терпеть.

... моя вина, это всё моя...

На время, которое одновременно и не было временем, и было всеми временами, она опустилась на колени, окружённая руинами. Тела, которые она обнимала, медленно остывали.

Затем рядом раздался звук. Ракотис.

Она обернулась, выронив тела, и бросилась на пришельца. Отчаянно прижалась к живому, когда уже не верила в то, что что-то ещё могло жить.

Ничего не сказав, пришелец прижал её к себе.

Через мгновение она услышала шаги, и стук деревянной трости по каменным обломкам.

— Я так и подумал, что найду вас тут.

Голос был знакомый, одновременно старый и молодой, он воодушевлял и успокаивал. Барбара обернулась.

— Доктор, — прошептала она. — Птолемей мёртв. Йен мёртв. Это моя вина. Я изменила историю. Я изменила мир.

Доктор прикусил губу. Опёрся на трость. Подождал.

Тишину нарушил Ракотис:

— Вина не только ваша, — тихо сказал он. — Мы оба виноваты.

Барбара умоляюще посмотрела на Доктора:

— Я никогда вас ни о чём не просила, — прошептала она.

Доктор не ответил.

— Пожалуйста!

— Мне запрещено вмешиваться. Запрещено!

— Мы оставили Сьюзан в будущем, — тихо сказала Барбара. — В будущем, которое я изменила. Что с ней будет, если вы не вмешаетесь?

Доктор отвернулся, но Барбара успела увидеть гнев на его лице. Он начал говорить. Остановился. Вынул из кармана книгу. Маленькая книга, ничего особенного, переплёт из кожи и ткани.

— Это книга, которую я взяла у Аристотеля, — тихо прошептала она. — Восемь лет назад.

— Аристофан нашёл её мне во дворце. Эта... книга, как вы её назвали, это вовсе не книга. Её сюда доставили из двадцатого века этой планеты. Но даже и там не настоящее её место.

— А где?..

— Она из библиотеки на моей планете. Я ещё не понял, как она попала на Землю, но не это важно. Важно то, что Аристотель добыл её для библиотеки,

воспользовавшись транс-временной архитектурой, которую Ракотис установил для путешествий в будущее.

Он помолчал.

— В чём бы ни была ваша вина, всё, что сегодня тут случилось, связано с этой книгой, а через неё — с моим народом, — он глубоко вздохнул. — И поэтому я могу предложить решение. Лишь частичное решение, и дорогое... но всё-таки решение.

Он снова замолчал на какое-то время, и Барбара слышала, как среди обломков потрескивает огонь.

— Время очень опасно, — тихо сказал он. — Им можно манипулировать только ценой полной ответственности.

Он раскрыл книгу. Барбара задрожала:

— Что вы сделаете?

— Я ничего не сделаю. Это можете сделать вы и Ракотис, — он вручил ей книгу. — Перед вами выбор. Продолжать жить дальше, смириться со всеми случившимися смертями, научиться жить в мире, который вы сами и создали. Или... — он не решался. — Воспользоваться этой книгой, чтобы отменить всё, что тут произошло.

— Я выбираю воспользоваться книгой!

— Моя дорогая, имейте вежливость дать мне закончить. Даже у моих соплеменников мудрость имеет свои границы. Это решение дастся не даром.

— Что вы имеете в виду?

— Я знаю лишь то, что весы времени должны быть сбалансированы. Что же касается остального — книга знает. Теперь вы должны сделать выбор, — и он отвернулся.

Барбара всё ещё не смотрела в книгу. Вместо этого она посмотрела на Ракотиса. Ему тоже придётся заплатить.

Если воспользоваться книгой, Птолемей останется живой, история будет исправлена, будет восстановлен тот мир, который она знала. Но... она потеряет сына, мужа, восемь лет жизни и любви. Она потеряет часть себя. И что, если Йена ей тоже придётся потерять? Что, если его смерть в шахте это цена, которую она должна заплатить за исправление своих ошибок?

Она снова посмотрела на Ракотиса и увидела, что он тоже нашёл ответ. Заглянув за отражавшиеся в его глазах огни, Барбара подумала, что её потери могут оказаться не такими уж и большими.

Затем Ракотис взял книгу. Вдвоём они начали её читать. Когда они читали, Барбара почувствовала, как что-то внутри неё слабеет. Она начала плакать. Она

жалела не себя, и не Йена. Она плакала о своём муже.
И о своём сыне, которого никогда не будет.

Слёзы скатились с её щёк и полетели на страницы
книги.

Они не долетели.

Время распуталось раньше.

331 г. до н.э.

Когда его корабль пробил во времени дыру и провалился в неё, Ракотис понял, что умрёт. Но когда ожидаемое растворение тела не произошло, он заподозрил, что покинул сознание слишком рано.

Ракотис опасливо позволил самосознанию вернуться из запасного мозга. Его тут же охватила боль. Ему было страшно оценивать степень повреждения тела во время катастрофы, он был удивлён, что оно до сих пор живо. Ракотис усилием воли вернул полный контроль над телом. Боль в сломанных конечностях делала это невозможным. Он попытался изолировать ту часть мозга, которая была ответственна за такие сигналы; но когда он пытался надеть скафандр, ужасный скрежет расколотых костей в его верхних конечностях нарушил его концентрацию.

Когда, наконец, Ракотис выбрался из корабля, он уже умирал. Когда поле времени его корабля исчезло, его ударило потоком воды, но он уже не чувствовал ни боли, ни надежды.

Его сознание отчаянно спешило скрыться в запасном мозге, но его отвлекла мысль: *«корабль... взрыв времени... энергия должна куда-то деться...»*

Ракотис умер раньше, чем закончилась мысль.

А в будущем, через тысячу лет, город горел, унося с собой знания и мудрость мира.

Уже в который раз за эту ночь я обескураженно чесал затылок.

— Это всё? — спросил я. — Но что случилось с Доктором и его друзьями после этой... обратной перемотки времени?

Сильверман пожал плечами:

— Сожалею, мистер Эддисон, но мне нечего добавить.

— И снова Доктор абсолютно другой, — заметил незнакомец. — Может быть, всё-таки, я — это он.

— Что же, ваша внешность этого не исключает, — признал я, — но давайте не будем торопиться выводами.

Я наклонился к Сильверману и взял из его руки жёлтый камень.

— Так это золото? Может быть, я всё-таки получу гонорар? — я бросил его обратно на стол. — Давайте ещё что-нибудь попробуем.

Сильверман осмотрел оставшиеся в куче предметы и выбрал то, что привлекло моё внимание ещё в конторе — свёрнутую газету с заголовком об НЛО. Он собрался повторить свой фокус, но внезапно незнакомец нагнулся и вырвал газету из его рук.

— Нет, — сказал человечек, — не думаю, что от этого будет польза. — Лучше попробовать что-то другое.

Я с любопытством посмотрел на него, но оставил свои мысли при себе. Тишину нарушил Сильверман:

— Как скажете, сэр, — он выбрал маленький мелок. — Вы не против этого предмета?

Незнакомец одобрительно кивнул.

— Мелок, так мелок, — сказал я.

ОЧАРОВАНИЕ

Дэвид Дж. Хау

Солнце жарило как в аду.

На протяжении последних двухсот лет оно каждое утро раскрывало свой циклопический глаз и грозным взглядом смотрело вниз, на беззащитную землю. Под его немигающим взглядом влага исчезала из почвы, трава и деревья жухли, множество мелких животных скрючивались и умирали.

Люди были в отчаянии. Поля не родили, семьи голодали, реки и ручьи пересохли. Даже из самых глубоких колодцев было всё сложнее доставать воду. С каждой неделей без дождя к ведру приходилось довязывать ещё один кусок верёвки, и очень скоро ведро всё равно начинало возвращаться пустым.

Среди бурых полей и пыльных каменных дорог, пчёлам приходилось всё дальше летать в поисках пыльцы, случайные ветры вздымали пыль в виде вихрей, а горизонт дрожал от непреходящей жары.

Горячее удушливое спокойствие нарушили звуки шагов, хрустевших по гравию дороги, и голоса. Один голос был женский, другой мужской.

— На счёт жары ты был прав, Доктор.

— Хм.

— Тут жарче, чем на Лансароте!

— Хм.

Из-за поворота появились два человека. Впереди, спиной вперёд и лицом к своему спутнику, шла женщина. Её загорелое лицо обрамляли короткие прямые тёмные волосы, отчего казалось, что её голубые глаза сверкали. Её гибкое тело было одето в разноцветные шорты и просторную рубашку, завязанную на животе узлом. Ансамбль дополняла пара ношенных и пыльных, когда-то бывших белыми, кед и надетая набекрень оранжевая бейсболка.

Её спутник был одет в белую рубашку и белые брюки в розовую полоску; рукава были закатаны выше локтей. На голове у него была старая соломенная шляпа с красной шёлковой лентой, штаны поддерживали подтяжки с узором. Он тоже сильно загорел, а в его светлых волосах были ещё более светлые, выгоревшие пряди, свидетельствующие о долгом времени, проведенном на солнце.

— Тут жарче, чем на Сарне! — продолжала девушка, разворачиваясь на ходу. — А это о чём-то да говорит!

Позади неё Доктор поднёс к губам бутылку с водой и немного надпил.

— Не ругай жару, Пэри, — посоветовал он. — Она может приносить большую пользу, тепло необходимо для роста большинства живых существ.

Пэри улыбнулась. Впервые с тех пор, как она начала путешествовать с Доктором, она чувствовала себя расслабленно. В конце концов, это она попросила остановиться и пройти пешком по сельской местности.

— Как жаль, что всё здесь так высохло, — сказала она, оглядывая пожухлые поля. — Я и не думала, что на Земле возможна такая долгая засуха.

Она что-то заметила и остановилась, вглядываясь вдаль.

— Доктор! Посмотри!

Доктор подошёл к ней и осмотрел далёкие поля. Там, вдали, он увидел какую-то сочную зелень, но из-за дрожания нагретого воздуха ничего нельзя было разобрать.

— Интересно, — сказал он. — Может быть, это мираж? Ты хочешь посмотреть?..

Он ещё не закончил вопрос, а Пэри уже шла по дороге, высматривая проход между полями.

— Идём, Доктор, — донёсся до него её голос. — Если это деревня, то в ней есть бар, а я сейчас могу убить за банку холодного пива!

— Люди! — пробормотал Доктор себе под нос, улыбаясь.

Он оглядел окрестности. Всё было бурое и пожухлое, всё медленно умирало под неумолимым взглядом солнца. Он прищурился и вгляделся туда, где Пэри заметила зелень — зелень по-прежнему была там. Задумчиво поправив шляпу, он пошёл.

Минут через десять Пэри уже шла вдоль полей, на которых росли здоровые сильные лозы. Трава на обочине пыльной дороги тоже была сочной, и деревья больше не выглядели увядшими. Впереди возле дороги стоял указатель. Пэри ускорила шаг и направилась к нему.

Чем дальше шёл Доктор, тем сильнее он хмурился. Он обернулся, чтобы проверить, не мерещится ли это ему, но позади него была по-прежнему сухая пустошь, такая же, какой он её помнил. Несмотря на это, здесь земля ожила, и даже воздух стал слегка влажным.

— Доктор! — донёсся спереди голос Пэри. — Это деревня!

Доктор поспешил догонять подругу. Он нагнал её возле стоявшего у дороги указателя «Сэер». Метрах в ста дальше стояла пара кирпичных коттеджей, а за ними из-за вершин деревьев выглядывала старая кирпичная башня.

Когда Доктор и Пэри зашли в Сээр, жара немного ослабла. Сады у коттеджей пышно цвели. Вокруг было буйство красок и ароматов. Один из жителей — старик с морщинистым и загорелым лицом — сидел на крыльце, набивая глиняную трубку смесью из лиялого кожаного кисета, лежавшего у него на коленях.

Глубоко посаженные глаза старика смотрели на проходивших мимо него Доктора и Пэри, а руки продолжали набивать трубку. Вставив между жёлтыми зубами загубник, он прикрыл чашу трубки ладонями. Доктор с интересом смотрел, как словно из ниоткуда появилось пламя. Буквально через пару затяжек трубка задымилась.

— Доктор, это чудесно! Настоящая деревня! — воскликнула впереди Пэри, отвлекая Доктора от его мыслей.

Доктор неспешно шёл по дороге. Дорога вывела их на мощёную площадь. В центре стояло что-то наподобие памятника, из мостовой повсюду росли апельсиновые и лимонные деревья, ветви которых ломились от спеющих фруктов. Вокруг площади сгрудились выгоревшие крытые входы в дома, а перед ними на столах были выставлены на продажу товары: на одном рыба, на другом мясо, на третьем фрукты и овощи. Несколько детей гонялись друг за другом среди

деревьев, а на другом краю площади стояли столы и лавки — видимо, там была местная таверна.

— Похоже на то, — согласился Доктор, — но внешность бывает... — он заметил двух людей, направлявшихся к ним через площадь. — Пэри? Нас хотят поприветствовать. Надеюсь. Сохраняй спокойствие, говорить буду я.

Пэри в этот момент созерцала Адониса, сидевшего на скамье возле постоянного двора. Ему было лет двадцать (как и ей, плюс-минус год), у него были короткие русые волосы, загорелое лицо, и стройное мускулистое тело, от которого у неё потекли слюнки. Он рассматривал стоявшую перед ним на столе кружку пива и, похоже, не замечал Пэри.

— Пэри, — приглушённый голос Доктора оборвал её фантазии о ногах незнакомца.

Она обернулась и увидела, что к ним подошли двое местных жителей. Высокий мужчина возрастом около пятидесяти лет, с умным и добрым лицом, и женщина, которая, наверное, была старше. Её волосы были заплетены в косу, а морщинистое лицо выражало внутреннее спокойствие. Оба они были одеты в просторную одежду светлых оттенков. Судя по всему, они были местными старейшинами.

— Это Папус, — объяснил Доктор, указывая на мужчину, который поклонился Пэри, — и Расфуйя.

Женщина протянула руку, и Пэри поразились множеству украшавших её перстней.

— Приятно с вами познакомиться, дорогая, — голос Расфуйи был нежным и лёгким, он напомнил Пэри голос её матери... правда, без акцента.

— Я... я Пэри, — запинаясь, сказала она, пожимая руку и мельком покосившись на Доктора. — Это сокращение от Перпугиллии, — добавила она с усмешкой.

— Папус любезно предложил показать нам деревню, — сказал Доктор со знакомой Пэри интонацией притворного энтузиазма. — Пойдёшь с нами?

Взгляд Пэри тот час же метнулся обратно к таверне, где по-прежнему сидел объект её наблюдений.

— Ну... Я... Я немного устала, Доктор. Мы столько времени провели на солнце. Я... Я лучше тут немного посижу.

Доктор проследил за взглядом Пэри и увидел парня.

— Хорошо, Пэри, — улыбнулся он. — Только не исчезай без меня.

— Спасибо, Доктор, — усмехнулась Пэри, развернулась, и пошла на другую сторону площади.

Доктор провёл её взглядом. Люди находят радость в таких простых вещах.

— У вас очаровательная деревня, Папус, — он снова повернулся к местным. — С чего начнём?

По пути к таверне Пэри думала о том, как ей себя вести. Буквально перед носом у неё был самый восхитительный парень из всех, которых она видела за последние несколько месяцев. И он был человеком! Она вспомнила, когда последний раз встречалась с парнем — с англичанином на Лансароте. Он и его брат были чертовски настойчивы. Только из-за чрезмерного количества дешёвого пива она согласилась вернуться к ним в номер, чтобы выпить ещё. Интересно, что они подумали, когда она не пришла, как обещала, к их отъезду в Морокко?

Но что ей делать сейчас? Как лучше всего начать? Она вспомнила, что ей говорил Доктор, и улыбнулась. Прямой подход.

Она подошла к столу и села напротив Адониса:

— Привет, меня зовут Пэри.

Парень поднял на неё глаза, и Пэри чуть не утонула в них. Синие, как океан.

— Здравствуй, — он смотрел на неё немного недоверчиво.

— Ты часто тут бываешь?

Чёрт, чёрт возьми, — Пэри несколько раз мысленно стукнула себя. Почему из всего множества интересных начал разговора в её блестящем репертуаре она выбрала эту древнюю, как мир, фразу?

Парня, правда, это не смутило, он улыбнулся в ответ:

— Вообще-то, я тут живу, а вот тебя я раньше тут не видел.

Пэри немного расслабилась.

— Нет, — призналась она. — Я только что прибыла. Осматриваю достопримечательности, — она неопределённо обвела рукой вокруг.

— Можно тебя угостить?

— Спасибо. Пиво, если можно.

Парень улыбнулся и встал:

— Раз уж мы будем вместе пить, то лучше мне представиться. Таблибик, — и он быстро красиво поклонился.

— Формальности ни к чему, — засмеялась Пэри. — Просто принеси кружки.

Таблибик пошёл в бар. Пэри распрямила ноги и улыбнулась. Похоже, сегодня чудесный день.

Доктор тоже хорошо проводил время. Папус и Расфуйя провели его по всей деревне, и теперь все вместе сидели в здании общины — небольшом

каменном здании рядом с кирпичной башней, которую Доктор заметил раньше.

Папус рассказал об истории их деревни, о том, что все были счастливы и довольны, у всех было всё, что им было нужно. И теперь, когда они удобно уселись в комнате с книгами, он обратился с вопросом к Доктору.

— А что привело сюда вас? — спросил он с улыбкой. — Праздное любопытство — не из тех стремлений, которые мы поощряем.

Доктор встал из удобного кресла и подошёл к полкам:

— Просто... проезжали рядом, — он голодными глазами осматривал пыльные корешки книг. — Мы путешествуем, и иногда останавливаемся, чтобы осмотреться. Так вот всё просто, — Доктор обезоруживающе улыбнулся Папусу. — Интересная у вас подборка книг.

Он пошёл к столу, на котором лежал большой том в кожаном переплёте. Перед ним, перегородив дорогу, возникла Расфуйя. Доктор мельком взглянул через её плечо на книгу, а затем повернулся к Папусу:

— У вас столько книг о ведьмовстве и чертовщине. Немного странно для такой маленькой деревушки, не находите?

— Ну, даже не знаю, Доктор, — Папус усталым жестом обвёл комнату. — Когда живёшь долго, вещи накапливаются... Но вы, должно быть, проголодались. Давайте мы приготовим ужин. Вы к нам не присоединитесь, Доктор?.. И, может быть, ваша подруга?

— Спасибо за приглашение, но боюсь, что я вынужден отказаться, — сказал Доктор. — Моя подруга, как и я, чужая в чужой стране, — он сделал небольшую паузу. — Вы очень добры, но мне кажется, что мне лучше будет вернуться к моей спутнице и попрощаться с вами, — он указал на улицу. — Возможно, мы сможем снова поговорить завтра, когда я отдохну от своих странствий.

— Как скажете, Доктор, — Папус встал и раскрыл дверь. — Поговорим завтра.

Пэри посмотрела на пустой кувшин из-под пива, стоявший между ней и Таблибиком. Таблибик перехватил её взгляд и удивлённо покачал головой.

— Ещё? — воскликнул он.

Пэри покачала головой:

— Если я выпью ещё, я уже ни на что не буду готова!

— А на что ты можешь быть готова? — невинным голосом спросил Таблибик, взяв её под локоть.

Пэри натянуто улыбнулась и освободила руку.

— Ходить, — сказала она. — Путешествовать.

Таблибик холодно засмеялся:

— Тут негде путешествовать, — он прищурился.

— Оставайся со мной.

Для Пэри прошедший час тянулся вечно. Внешность у Таблибика была очень аппетитная, но её сильно утомил целый час выслушивания его рассказов о том, как он сделал то, как он сделал это, как им восхищались все девушки, с которыми он встречался. Он был тщеславный, надменный, самоуверенный, да и просто мудака. В итоге она жалела, что пошла на поводу у своих гормонов вместо того, чтобы вместе с Доктором посмотреть деревню. После этого она больше никогда не станет жаловаться на загадочные причуды Доктора.

Пэри вдруг почувствовала приступ вины. Доктор. Пока она тут напивалась, он занимался тем, что ему удавалось лучше всего — собирал сведения. Этим Доктор часто занимался. Посмотрев снова на пустой кувшин, Пэри решила, что ей нужно узнать как у него дела. В конце концов, он вроде как присматривал за ней на Сарне, и когда она его попросила побывать в каком-нибудь «интересном» месте, он согласился... Пускай даже в тот момент эта луна была на своей внешней орбите и все «кристально-голубые озёра и

сверкающие водопады» замёрзли. По крайней мере, он попытался.

— В чём дело? — спросил Таблибик, в сотый раз пробегая взглядом по её фигуре.

— В моём... моём друге, — запинаясь, сказала она; в моменты стресса к ней иногда возвращалось заикание. — Мне нужно пойти найти его. Узнать, как он там, — она фальшиво улыбнулась Таблибику. — Я вернусь, — соврала она. — Мы зайдём сюда перед тем как уходить.

Таблибик вопросительно посмотрел на неё:

— Обещаешь?

— Обещаю.

Пэри встала из-за стола и слегка пошатнулась. После алкоголя всегда так было. Берегись первого шага, — говаривали ей старые приятели по пьянкам, — он самый сложный.

Она пошла через площадь, а Таблибик смотрел ей вслед. Это было несправедливо. Она ему понравилась, но теперь спешила куда-то искать своего друга. Что же, никто так Таблибика не бросает. Его глаза хитро блеснули, и он поднял руку в сторону Пэри. Согнув два средних пальца, он пробормотал:

— Призываю Джэйзера. Призываю Сисеру.

Воздух возле рук Таблибика задрожал, как будто нагрелся ещё сильнее. Затем это дрожание метнулось

вперёд, в сторону удаляющейся спины Пэри. На долю секунды рядом с Пэри возникло нечто красно-жёлтое, пятнистое, извивающееся, как угорь. И оно тут же нырнуло в спину Пэри.

Пэри резко остановилась и покачала головой. У неё по спине пробежали мурашки. Потом всё прошло, и она снова улыбнулась. Она явно разучилась пить. Она пошла дальше. Позади неё улыбался Таблибик.

После невыносимо жаркого дня наступил чудесный вечер. Прохладный ветерок ласкал Пэри лицо и ноги, и она поймала себя на мысли о том, что лучше бы это был не ветер, а Таблибик. Она нахмурилась. Откуда взялась эта мысль? Она вздрогнула. Этот козёл — последний, кого бы она хотела сейчас увидеть. Ветер обдувал её шею, она вздрогнула, и на её руке появилась гусиная кожа. Она снова подумала о его мускулистом теле. Может быть, она в нём не разобралась? Эти сильные руки, хорошие ноги, и лучшая попка из встречавшихся ей. Интересно, а как он целуется? — подумала она и облизнулась. Его целовать явно было бы приятно. И она ему тоже, кажется, понравилась. Может быть, лучше вернуться обратно? Сказать, что не смогла найти Доктора, или ещё что-нибудь придумать. Она покачала головой. Нет, Доктор тоже её друг, у него могут быть

проблемы. Но можно же было ещё немного выпить с Таблибиком, тем более, что платил он?

Внезапно Пэри очень разозлилась на Доктора. Чего это она должна бросать все свои дела и мчаться к нему, как преданная собачонка? Ей и тут хорошо. Таблибик был внимательным и добрым, а Доктор только заставлял её чувствовать себя неполноценной. Ей что, всегда быть у него на побегушках? Она снова тряхнула головой. Нет. В этот раз он зашёл слишком далеко. Как он мог заставлять её бросать Таблибика? Таблибик. У неё перед глазами снова возникло его лицо, его тело, как у него на ноге двигались мускулы, когда он вставал, чтобы сходить за пивом. Таблибик. Она снова облизала губы. Таблибик. Какой парень!

— А, Пэри!

Подняв глаза, она увидела Доктора.

— Хорошо провела время? А где твой друг?

Пэри сжала зубы. Ублюдок! Мало того, что оторвал её от Таблибика, так ещё и лезет не в свое дело.

— Всё хорошо, — резко ответила она. — Ты посмотрел всё, что хотел?

— Почти, Пэри. Почти, — Доктор обеспокоенно посмотрел на неё. — Что-то не так? Ты, кажется, покраснела.

Покраснела! Ха! Пэри решительно настроилась поквитаться когда-нибудь с Доктором.

— Покраснела? Нет... Это... Это из-за жары. Мы не можем остаться здесь на ночь?

Этот вопрос застал Доктора врасплох:

— Здесь? Но ТАРДИС же буквально за этим холмом, — он указал рукой.

— Я... Я знаю, но идти далеко, а эта деревня такая хорошая, люди такие доброжелательные, и я уверена, что если мы попросим, то для нас найдутся комнаты.

Пэри посмотрела на него умоляющим взглядом. С её отчимом это всегда помогало.

Доктор немного подумал, взвешивая в своих сложных мозгах все за и против.

— Хорошо, но рано утром уходим.

Пэри улыбнулась, и в её глазах промелькнули оранжево-красные огоньки. Превосходно. Первая фаза выполнена. Скоро она вернётся к Таблибику.

— Как видишь, жители Сэера разработали собственные агрономические технологии, и поэтому могут собирать урожаи круглый год, не волнуясь о таких природных проблемах, как засухи и наводнения.

Когда они с Пэри шли по деревне, Доктор был исполнен энергии. Пэри смотрела по сторонам без интереса. Все её мысли были о Таблибике и о том,

когда она его снова увидит. Она буквально считала минуты, пока Доктор бубнил о сельском хозяйстве и живой природе.

Внезапно она сообразила, что он остановился и стоял в нескольких шагах позади неё, глядя на группу женщин, которые медленно продвигались по неровному поросшему травой полю слева от дороги. У женщин шевелились губы, а правые руки были вытянуты и указывали на землю впереди них. У Пэри от удивления раскрылся рот, когда она увидела, как одна из женщин — рыжеволосая девушка примерно её возраста — указала на лежавший перед ней крупный камень. Рыжая пошевелила губами и камень рассыпался. Пэри не заметила использования какой-либо силы, но камня больше не было. Рыжая пошла дальше; Пэри увидела, что остальные женщины на ходу уничтожали камни с такой же лёгкостью. Одна из женщин проходила довольно близко, и ветер донёс её голос до Пэри:

— Призываю Суфлатуса... Призываю Суфлатуса, — казалось, говорила она, и с каждым разом рассыпался очередной камень.

— Доктор... Ты видел это? — недоумевала Пэри.

Доктор посмотрел на неё и кивнул:

— Думаю, тут используется не только агрономия, Пэри. Обрати внимание, что перед дезинтеграцией камни вспыхивают бледно-жёлтым светом...

Его взгляд стал отрешённым — Пэри поняла, что Доктор что-то задумал.

— Может быть, нам лучше вернуться... Пока у них номера есть свободные? — спросила Пэри, понимая, что дела быстро принимают серьёзный оборот — в присутствии Доктора так случалось часто.

— Ты как всегда права, Пэри, — воскликнул её спутник с внезапной фальшью. — Нужно снять комнаты. Идём.

Доктор пошёл обратно по дороге таким решительным и быстрым шагом, что Пэри пришлось бежать за ним, но она была рада, что они направляются в нужном направлении — обратно к Таблибику.

Когда они пришли на площадь, стая белых голубей взмыла с земли в воздух, наполнив воздух какофонией хлопающих крыльев и воркования. Из трепещущей массы птиц возник мужчина, поднявший руки к небу. Он насупился на проходившего мимо него повелителя времени, и Пэри на бегу пробормотала извинения. Мужчина посмотрел вверх на кружившуюся массу птиц.

— Призываю Альфуна, — сказал он.

В тот же миг в небе стало тихо, и все голуби вернулись вниз, усаживаясь на руки и голову мужчины, который теперь улыбался. Пэри оглянулась, чтобы посмотреть на это, но когда она попыталась привлечь внимание Доктора, тот уже заходил в таверну. У Пэри ёкнуло сердце — Таблибика нигде не было. Не мог же он её продинамить? Не мог!

Мимо пустых столиков она прошла за Доктором в тёмную прохладу здания таверны. Доктор стоял у барной стойки и выдавал стоявшему за ней лысеющему мужчине в грязном фартуке монеты, наугад выбранные из мешочка с затяжкой. Мужчина — по-видимому, владелец — подозрительно рассматривал набор разноцветной мелочи разной формы.

— Уверен, что вы найдёте тут что-нибудь, имеющее для вас ценность, — оптимистично улыбнулся Доктор. — У меня отличная кредитная история во всех Девяти Галактиках, — добавил он с надеждой.

Мужчина, раскрыв от удивления глаза, вынул из предложенной кучи что-то золотое. Он взял золотой суверен в зубы, прикусил его, и его лицо растянулось в улыбке. Золотая монета и остальная коллекция тут же исчезли в глубинах его одежды, и он посмотрел на Доктора. Доктор улыбнулся, приветственно приподнял

шляпу, и направился в темноту искать комнаты. Быстро сбегав в помещение за баром, и воскликнув громко о том, что у них остановится джентльмен, человек из-за стойки вернулся и посеменил вслед за Доктором, указывая ему на лестницу.

Пэри недовольно смотрела на их удаляющиеся спины. Ложиться спать было ещё рано, и в любом случае она хотела дожидаться Таблибика.

— Кредит Доктора распространяется на пиво? — спросила она у бармена, который вышел из задней комнаты, чтобы мельком увидеть почётного постояльца.

Через какое-то время Пэри сидела за столиком, откуда хорошо было видно входную дверь, а перед ней стояла кружка пива и тарелочка с чёрными оливками. Она надеялась, что Таблибик не задержится.

Тем временем наверху выбор Доктором комнаты свёлся к тому, что он зашёл в первую же дверь. Было похоже на то, что других постояльцев не было, так что можно было выбрать любую комнату. Владелец раболепно ожидал за дверью. Похоже, он хотел, чтобы Доктор взял его комнату, или, по крайней мере, что-то получше этой, но Доктор заверил его в том, что эта комната его вполне устраивает. Пообещав, что, как только освободится, он выпьет с хозяином и его семьёй, он закрыл дверь.

Доктор осмотрел подобранную со вкусом, но аскетичную мебель, выцветший ковёр на полу, и металлическую кровать, на которой были удобного вида матрас и одеяло.

Он подошёл к окну, выходившему на улицу, идущую вдоль боковой стены здания. Его нога немного зацепилась за ковёр, и под ним на полированном деревянном полу открылись потёртые следы мела. Слегка нахмурившись, Доктор нагнулся, чтобы лучше их рассмотреть. Он провёл по ним пальцем, и потёр собранный налёт между большим и указательным пальцами: мел был свежий.

Став сбоку от окна, Доктор выглянул на улицу. Внизу стоял Таблибик. Доктор увидел, что парень поднял руку, указывая на комнату Доктора. В комнате, у двери, на мгновение вспыхнул опаловый свет, словно сработала фотовспышка. Доктор нахмурился и посмотрел на дверь. Ничего необычного не было заметно. Он подошёл к двери и потянул ручку. Хотя замок не был заперт, дверь не подалась ни на сантиметр. Доктор оказался заперт.

Тем временем в баре Пэри всё больше переживала из-за отсутствия Таблибика. Все мысли о Докторе стёрлись из её сознания, она жила лишь надеждой снова увидеть Таблибика. Его присутствие — всё, чем

были заняты её мысли, и она будет сидеть и ждать целую вечность, если это понадобится.

Вдруг открылась дверь, и зашёл Таблибик. Пэри подскочила, её сердце забилося чаще, во рту пересохло: он, словно в замедленной киносъёмке, шёл к ней навстречу. Она махала ему рукой, почти подпрыгивая. И вот он подошёл, стоял прямо перед ней. У неё кружилась голова, она ликовала, она слышала стук своего сердца. Он улыбнулся и протянул руку.

«Да! Да! Да!» — закричало её сознание, и её тело переключилось на автопилот. Пэри как будто со стороны смотрела, как симпатичная американка в завязанной узлом рубашке взяла за руку темноволосого голубоглазого парня. Он крепко её обнял и легонько поцеловал в губы. Затем повёл к лестнице.

Доктор осматривал рисунок на полу в своей комнате. Найдя в ящике комода мелок, он навёл им полустёртые линии и обнаружил, что они представляют собой треугольник внутри квадрата, который в свою очередь был вписан в пятиугольник.

Доктор задумчиво обошёл вокруг фигур, а затем посмотрел на дверь. Положив мелок в карман, он присел, чтобы ещё раз осмотреть замок. Не было видно

ничего, что мешало бы двери открыться, но каждый раз, когда он тянул ручку, вокруг замка вспыхивал свет, и результат был таким, как если бы он тянул на себя дверь, на которой было написано «от себя». Толкать он, впрочем, тоже пробовал.

Люди... Ну почему они всегда вели себя так наивно, когда лезли в высокие науки?

За окном быстро темнело. Проверив окно, Доктор улыбнулся. Нельзя недооценивать противника. Это он понял давным-давно, из собственного печального опыта. Он отодвинул штору, открыл окно, и вылез. Ползущие по стене лозы послужили отличной лестницей, и скоро он уже был на земле. Посмотрев вверх, он увидел, что свет в соседней комнате погас. Он надеялся, что Пэри не ввяжется в серьёзные неприятности, пока он будет разбираться что тут происходит. Развернувшись, он поспешил к зданию общины, башня которого зияла чёрной тенью на фоне темнеющего неба.

К счастью, в здании никого не было, свет не горел, поэтому Доктор без проблем раскрыл ставни одного из окон и залез вовнутрь. Порывшись в своих карманах, он вынул маленький, размером с авторучку, фонарик и обвёл лучом книжные шкафы с их молчаливыми древними и пыльными обитателями. Как он уже заметил раньше, многие из книг были посвящены

демонологии, включая несколько томов, которые он считал безвозвратно потерянными. Затем в луч фонарика попал лежавший на столе большой том в кожаном переплётё.

Закрепив фонарик между двумя книгами на ближайшей полке, Доктор вынул из кармана небольшую верёвочку и заложил её между раскрытыми страницами. После этого он аккуратно посмотрел на обложку книги. На скрипящей потрескавшейся коже обложки был вытиснен символ, похожий на тот, что Доктор нашёл на полу своей комнаты. На первой странице были название — «Nuctemeron» — и автор — Аполлоний Тианский.

Доктор прищурился. Аполлоний Тианский был известен тем, что распространял демонов и одержимость так быстро, что его современник Иисус из Назарета едва поспевал наводить после него порядок. Доктор вспомнил, что ему самому один раз довелось увидеть, как Аполлония гнала прочь ватага людей, вооружившихся камнями и палками. Не была ли эта книга написана в ссылке?

Лежащий на столе текст был на древнегреческом, что, как обычно, ни капли не смутило Доктора. Он быстро пролистал первые страницы, временами задерживаясь. Там описывались «гении» демонов, открытых и исследованных Аполлонием.

Демоническая сила была разбита на несколько «кругов», и в каждом из кругов были демоны определённого уровня «гения». В самом нижнем круге были милостивые сущности, управлявшие силами природы; Доктор обратил внимание, что Алфун был гением голубей, а гением камней был Суфлатус. При переходе от круга к кругу демоны становились всё сильнее, и в седьмом круге были гении похоти, обмана, и смерти, вместе с множественными другими предосудительными слабостями.

Листая книгу дальше, Доктор узнавал новые имена: Таблибик был гением очарования, Сисера управляла желанием, а Джейзер подчинял любовь. Интересная подборка, — подумал Доктор, дойдя до заложенной между страниц верёвочки.

Он резко поднял взгляд: шум и свет у входной двери говорили о том, что зашли люди. Свет становился ярче. Доктор быстро и тихо спрятал в карман верёвочку и фонарик, и выскользнул в окно, оставив его слегка приоткрытым. Притаившись снаружи, он услышал два голоса зашедших в комнату людей. Это были Папус с Расфуйей, и она была явно взволнована:

— Говорю тебе, нужно узнать о них больше! Кто знает, зачем они сюда пришли, и что замышляют?!

— Тише, Расфуйя, тише, — успокаивал её Папус.
— Нельзя в чём-то обвинять людей не имея никаких доказательств. Мне они показались довольно дружелюбными, хотя я согласен с тем, что Доктор знает больше, чем говорит. Это, однако, вполне естественное поведение в чужих краях, и нам не следует относиться к ним с предубеждением в то время, когда и преступления-то, возможно, ещё никакого не было.

Доктор услышал шорох — на том окне, за которым он прятался, задвинули штору.

— Тени беспокоятся, Папус, — с волнением говорила женщина. — Они знают, что что-то надвигается на нашу деревню, что-то, что может нанести вред, — она снова повернулась к Папусу. — Возможно, дело в этих чужаках!

— Тогда давай узнаем. Моя интуиция мне подсказывает, что этим людям можно доверять.

Голоса утихли, свет угас — пожилая пара ушла в другую часть здания. Доктор плотно сжал губы. Тут были проблемы. И, как обычно, он оказался в них замешан. Снова осторожно приоткрыв окно, он вернулся в комнату, обошёл штору, и прошёл к двери. В коридоре он остановился и прислушался. Звуки доносились откуда-то сверху. Он выскользнул в коридор и подошёл к лестничной площадке, от

которой ступени спиралью поднимались вверх. Наверху была тоже тяжёлая дубовая дверь, слегка приоткрытая. За ней мерцал свет.

Молясь, чтобы петли оказались смазанными, Доктор аккуратно давил на дверь, пока не получил возможность заглянуть за неё. Там были Папус и Расфуйя, а также источник света — оранжевая сфера, зависшая на высоте полтора метра над полом. Комната была примерно круглой формы, по кругу стены с интервалом в несколько метров были окна. Папус стоял возле светящейся сферы и смотрел на Расфуйю, стоявшую в центре комнаты.

На деревянном полу была вырезана большая версия символа, который Доктор обнаружил на полу своей спальни, и Расфуйя стояла возле одной из его граней, лицом к Папусу и свету. Она что-то бормотала себе под нос, направив руку вперёд, указывая на центр вырезанного на полу символа. На глазах у Доктора пыль из тёмных углов комнаты поднялась вихрями и начала вращаться. Воздух в комнате был неподвижен, но эти маленькие тучки объединились во вращающуюся колонну пыли высотой полметра. Она вращалась всё быстрее и быстрее, и стало невозможно различать отдельные частицы.

Сухой шепчущий голос наполнил комнату, словно сто тысяч мышей скреблись за стенами. Расфуйя улыбнулась:

— Они тут.

— Расскажите нам о чужаках, — повелела она.

Шёпот на мгновение стал громче, а затем резко стих до едва заметного шороха, словно птица умащивалась в гнезде. На фоне этого слабого звука заговорил сухой, древний голос. Он, казалось, доносился отовсюду и ниоткуда, и нёс в себе тяжесть веков.

— Их двое. Они тут и в другом месте. Один из них не с этой Земли. Оба не из этого времени.

Расфуйя нахмурилась:

— Не с этой Земли? Объясните!

— Мы не можем. Мы не видим. Мысли затуманены. Он близко.

Папус встревожился, но Расфуйя его успокоила:

— Они остановились в таверне. Они близко.

Сухой, как у мумии, голос продолжал:

— Он близко. Он знает много времён. Он обладает большой мудростью. Мы можем говорить с ним.

— Какой мудростью он обладает?

— Великой мудростью. Мудростью, превосходящей его возраст. Превосходящей его время.

— Это он угроза?

— Мужчина — нет. Следите за женщиной. Она уже с одним из нас. Нас легко будет испортить. Девушку тоже.

Папус посмотрел на Расфуйю:

— Испортить?

Женщина сосредоточилась:

— Найдите того, которого зовут Доктор. Его нужно предупредить.

— Он близко, — прохрипел бесполой голос. — Он рядом. Мы чувствуем, что он слышит нас.

Доктор немного сместился, и ступенька закричала у него под ногой. Усиленный эхом лестничного колодца за его спиной, звук был очень громким. Через секунду дверь раскрылась. За ней, нахмурившись, стоял Папус.

— А... Добрый вечер, — медленно начал Доктор, беспокойно поглядывая на вихрь мусора. — Я понимаю, как это выглядит... Но я могу объяснить.

Свежий холодный апельсиновый сок, — размышлял Доктор, — должно быть, лучшее, что есть на этой планете. Он поднёс к губам запотевший стакан и сделал ещё один большой глоток. На улице солнце уже прогревало мощёную камнем площадь, и местные жители занимались своими повседневными делами.

Сидящие на ветвях апельсиновых и лимонных деревьев птицы наполняли воздух своим щебетом.

Доктор поставил на стол пустой стакан.

— Проснулся с ласточками, Доктор? — усмехнулась Пэри, неторопливо пройдя мимо бара и усевшись напротив.

Доктор улыбнулся:

— Хорошо спала?

Лицо Пэри растянулось в улыбке:

— Лучшая ночь за много лет! — она посмотрела в окно. — Какое восхитительное утро! Пойдём гулять? — она встала со стула и схватила Доктора за руку. — Ну же, Доктор, пойдем, погуляем. Я люблю гулять.

Доктор встал и пошёл за ней на улицу. Что-то было не так, — напомнил он себе. Вызванные Расфуйей Тени говорили неопределённо, но в двух вещах они были убеждены: Пэри с этим связана, и это были какие-то проблемы. Он решил не позволять энтузиазму Пэри притупить его инстинкты.

У него за спиной от лестницы отделилась тень и зашла в бар. Таблибик улыбался вслед Доктору. Девушка принадлежала ему, но этот глупый бедолага ещё не понял это. Ничего, поймёт. Поймёт.

Пэри прыгала впереди Доктора через площадь. Она была на седьмом небе. Таблибик был такой... хороший! Это было правильное слово... хотя ночью у

неё срывались некоторые другие слова. А сейчас светило солнце, жизнь была хороша, и она была влюблена. Но Таб предупредил её, чтобы она остерегалась Доктора. Таб сказал, что Доктор будет ревновать, и хотя Пэри в этом сомневалась, она на всякий случай была настороже. Также ей не терпелось попробовать то, чему Таб её научил ближе к утру.

— Шевелись, черепаха! — крикнула она и побежала трусцой по извилистой дороге, которая вела на луг.

Она остановилась, чтобы дождаться Доктора.

— Пэри, нам нужно поговорить.

— Наверное, эта деревня примерно... Восемнадцатый век? Семнадцатый? Тепло или холодно, Доктор?

— Это пятнадцатый век. Пэри...

Пэри свернула и зашла на заросшее травой старое кладбище с рассыпающимися могильными камнями. Слева было несколько могил, которые выглядели более новыми, но рядом со входом могилы почти не было видно под слоем листьев, их выдавали только перекошенные потрескавшиеся камни.

— Похоже, они очень старые, — Пэри присела возле одного особенно старого камня и провела рукой по его заросшей лишайником поверхности. — Ты можешь что-нибудь разобрать? Я не могу.

Пэри подняла свою загорелую руку над древним пятнистым камнем.

— Призываю Эйстибуса, — пробормотала она, и чуть не отдёрнула руку, когда её начало покалывать.

Ощущение было гипнотическим, но и чем-то приятным. Воздух вокруг её расставленных пальцев задрожал волнами, словно она опустила руку в стоячую воду, а затем, к её изумлению, лишайник потемнел и отступил, открывая взгляду слова на камне.

— Получилось! У меня получилось! Я...

— Пэри! — резкий тон Доктора прервал Пэри. — Пэри? — спросил он. — Как ты это сделала?

Пэри посмотрела на него с внезапным испугом, словно маленькая девочка, которую застукали с рукой в конфетнице.

— Что-то происходит, — сказал Доктор. — Что-то, что может значить для нас много проблем, — он беспокойно огляделся, не замечая, что глаза Пэри внезапно дерзко прищурились. — Мне кажется, что будет лучше, если ты вернёшься в ТАРДИС и подождёшь меня там. У тебя есть ключ, там ты будешь безопасности. Ты можешь это сделать?

— Ты просто хочешь, чтобы я тебе не мешала, да? — не выдержала Пэри.

У Доктора от удивления раскрылся рот, а Пэри продолжала:

— Ты не выносишь быть вторым, да? Гордость не позволяет, — она встала. — Что же, Таб был прав. Я тебе не принадлежу! Ты не можешь указывать мне что мне делать и куда идти, а прямо сейчас я хочу остаться тут.

Пэри развернулась и собралась вернуться, но Доктор схватил её за руку.

— Пэри? — он заглянул в её мерцавшие красным и оранжевым глаза и понял, что случилось что-то очень плохое. — Кто такой Таб? — аккуратно спросил он.

— Друг! — отрезала Пэри. — Такой, каким тебе никогда не стать!

Она вырвалась и побежала по дороге в сторону площади.

Лицо смотревшего ей вслед Доктора наполнялось решимостью. Его часто обвиняли в том, что он вмешивается не в свои дела и, судя по всему, это у него хорошо получалось. Что же, он решил снова вмешаться. Бросив последний взгляд на удаляющуюся спину Пэри, он развернулся и направился в сторону башни.

Таблибик стоял возле таверны и смотрел, как к нему бежит Пэри. Она всхлипывала, по её щекам текли слёзы. Часть её сознания кричала о том, что нужно

взять себя в руки, вернуться, и извиниться перед Доктором, но другая, более сильная, говорила, что постоять за себя было правильно, и что Таблибик всё уладит. Таб всегда всё уладит. Всё, что ей было нужно делать — слушаться его.

Пэри налетела на Таблибика, всхлипывая от растерянности и облегчения. Он обнял её сильными руками, гладил её волосы, нежно шептал ей на ухо и покачивал. Она постепенно успокоилась.

Утерев слёзы рубашкой, она посмотрела на него:

— Теперь я такая заплаканная.

— Мне ты кажешься очень красивой, — улыбнулся Таблибик и поцеловал её в губы.

Пэри улыбнулась.

— О, Таб, — прошептала она и её губы потянулись к его губам.

Когда они целовались, она рукой провела по его щеке, и по волосам на его затылке. Теперь она была в безопасности. Таб о ней позаботится. Её таинственный, очаровательный и умелый любовник.

Их губы разомкнулись, и Пэри позволила Таблибику отвести её обратно в таверну, ни разу не подумав о том, что мог подумать Доктор о её поведении, и о том, как он мог на это отреагировать. Пока она была с Табом, всё было хорошо, и она была счастлива.

Некоторое время спустя дверь в комнату Доктора в таверне аккуратно открылась. Повелитель времени зашёл, прикрыл за собой дверь. Он подошёл к тому месту, где на полу до сих пор был меловой рисунок, и, скрестив ноги, сел рядом.

Он ждал.

В соседней комнате Пэри сидела на скомканной постели лицом к Таблибику. Она могла слушать его вечно, и он научил её большему, чем она могла бы научиться иначе. Она с любовью посмотрела на своего наставника, и он улыбнулся:

— Теперь ты готова, — он поправил её чёлку, заведя выбившуюся прядь за ухо. — Давай расскажем твоему другу.

Сидя на полу, Доктор вынул из своей шляпы полотняный мешочек, перевязанный верёвкой. Он раскрыл мешочек, лизнул палец, и опустил палец вовнутрь. К пальцу прилип белый порошок, Доктор лизнул его и скривился: соль. Из кармана брюк он вынул горсть патронов — настоящих боеприпасов, подобранных на какой-то войне — и старый ртутный термометр. Всё это он разложил перед собой, вокруг пятиугольника на полу. Затем он потянул ковёр и накрыл им рисунок вместе с предметами.

В этот момент дверь его комнаты открылась и, подняв взгляд, Доктор увидел Пэри. Она вошла и, остановившись рядом, смотрела на него сверху. Таблибик остался наблюдать из коридора.

— Пэри! Что-то случилось? — Доктор смотрел то на спутницу, то на её любовника, и мгновенно заметил то, что они оба, наверное, надеялись скрыть от него.

— Я хочу остаться, Доктор.

— Давай поговорим, — Доктор указал на пол перед собой.

Пэри посмотрела на Таблибика, тот кивнул. Пэри села на коврик и протянула Доктору руки. Секунду колебавшись, Доктор взял её руки в свои.

— Я... Я счастлива тут, Доктор. Я так счастлива. Таб любит меня, а я люблю Таба, и я л... Я хочу, чтобы ты тоже был счастлив. Пожалуйста, для меня, будь счастлив.

Доктор спокойно посмотрел на неё. Как обычно, его лицо почти не выражало ничего из того, что бушевало у него в душе. Затем, взглянув на Таблибика, он приподнял угол коврика, чтобы стало видно часть рисунка мелом и небольшой мешочек с солью.

— Я встречался с разными видами зла, сражался с разными врагами, — сказал он, — но использовать ведьмовство в личных целях — нечестно и недопустимо.

Пэри озадаченно нахмурилась.

— Тебя околдовали, Пэри. Твой «друг» изменил твои мысли вопреки твоей воле, — Доктор указал на пол. — Но если у тебя осталась воля, я могу помочь тебе разорвать заклятие.

Пэри неуверенно покачала головой:

— Нет... Я... Я в этот раз уверена. Я...

— Соль поощряет мышление, сера в порохе в патронах нужна для воли, а ртуть в термометре — для чувств. Все вместе они помогут тебе снова найти себя.

Пэри растеряннo огляделась.

Доктор внезапно отпустил руки Пэри и направил руку на её грудь.

— Призываю Табриса!

Пэри дёрнуло назад, словно её ударили, а за порогом вскрикнул Таблибик.

— У тебя есть своя воля, Пэри, — сказал Доктор.

Пэри собралась с силами и села. Она всё ещё испытывала чувства к Таблибику, но уже не была уверена в том, чего хочет.

— Откуда ты знаешь... — вырвалось у стоявшего на пороге парня.

— Призываю Хэйвэн. Это достоинство, Пэри! — крикнул Доктор.

Лицо Пэри помрачнело, а затем скривилось от ужаса. Прошлой ночью с Таблибиком она полностью

лишилась своего достоинства. Она поняла, что всё это было подстроено. Ею воспользовались. Этот козёл ею воспользовался!

— Нет... — она посмотрела на Таблибика, которого трясло от злости; его лицо покраснело, его терпение подошло к концу.

На глазах у Пэри он медленно направил обе руки на Доктора.

— Призываю Хахаби, — пробормотал он.

Воздух завертелся у него между руками, и перед ним возникла скрученная фигура неприятного коричневого цвета. Она внезапно метнулась через комнату и ударила Доктора в грудь, толкая его. Доктор упал на пол, его лицо исказилось, он словно дрался с невидимым врагом.

Пэри подошла к нему, пытаясь помочь, но, поняв, что это бесполезно, повернулась к Таблибику.

— Что ты сделал? — сурово спросила она.

— Страх, — ухмыльнулся он. — Чего боится твой друг Доктор?

В панике Пэри посмотрела на беспомощно корчившегося Доктора. Она собрала с мыслями, приняла решение, и встала.

— Забери... забери это от Доктора немедленно!

Таблибик лишь улыбнулся и покачал головой.

Она направила на него руку и прошептала «Призываю Хахаби», пытаясь переслать демона не него. Ничего не случилось, только зазвенел смех Таблибика:

— Глупая девка! Ты думала, что я без защиты?

Пэри с ненавистью посмотрела на него, а потом снова посмотрела на Доктора. Если бы только вспомнить некоторые из тех имён, которым её научил Таблибик. А потом она улыбнулась.

— Призываю Лабезерина, — тихо сказала она, указывая на борющегося с кем-то Доктора.

Она снова посмотрела на Таблибика:

— Если я не могу причинить боль тебе, то могу помочь ему. Это успех.

Доктор на полу постепенно перестал корчиться и, преодолевая боль, заставил себя подняться на колени.

— Я не хочу никому вреда, — с трудом сказал он, — но я буду защищать себя и Пэри.

Когда он встал на ноги, Таблибик беспокойно огляделся и попятился в коридор. Доктор уверенно посмотрел на Таблибика:

— Быть может, мне следует наслать на тебя кого-то из более гадких демонов? — Доктор прищурился. — Быть может, кого-нибудь из восьмого круга?

Глаза Таблибика расширились от удивления. Восьмого круга? Какого восьмого круга? В школе о таком не говорили!

— Например, «травлю», — продолжал Доктор, который, как казалось, наслаждался обеспокоенным взглядом на лице своего противника. — Или, быть может, уничтожителя детей? Или, может быть, сразу перейдём к ослабителю костей и к импотенции? Не думаю, что тут кто-нибудь сможет тебе помочь.

Когда Доктор начал поднимать правую руку, Таблибик испуганно взвизгнул и повернулся бежать, но увидел, что на пути у него стоят Папус и Расфуйя, с интересом наблюдавшие за происходящим. Они пошли по коридору, загоняя Таблибика обратно в комнату Доктора. Когда они зашли, Доктор опустил руку.

— Спасибо, что предупредили нас, Доктор, — Папус строго посмотрел на Таблибика. — Мы не прибегаем к насилию, молодой человек.

Громко зазвучал голос Расфуйи:

— Мы верим в свободу выбора и заботимся о том, чтобы доверенные нам силы не использовались во зло.

Доктор коротко улыбнулся и посмотрел на Пэри, которая стояла, уставившись в пол. Она чувствовала себя использованной, и предательницей по отношению к Доктору. Как он ещё мог смотреть на неё? Над ней надругались, и она считала, что в этом есть часть и её

вины. Она почувствовала, что вот-вот расплачется. Как можно было быть такой дурой?

— Этот парень будет наказан, — твёрдо сказал Папус. — Мы ослабим его, так сказать, способности с женщинами.

— Быть может, не помешает также физический труд, без помощи демонов?

Папусу понравилось предложение Доктора.

Пэри громко всхлипывала, от её самоуважения ничего не осталось. Расфуйя подошла к ней и взяла её руку своими украшенными кольцами пальцами.

— Пэри? Пэри? — её голос прорвался через горе Пэри, и девушка подняла голову. — Послушай, Пэри, для тебя я призываю Папуса. Лекаря, целителя. Не все демоны зло, Пэри, и целитель может прогнать эти души-палачи, которых наш друг наслал на тебя. Ты снова станешь собой.

Сказав это, Расфуйя положил руку на брови Пэри. Она такая спокойная, — думала Пэри, — спокойная и...

Расфуйя что-то тихо пробормотала. У Пэри закрылись глаза, и её передёрнуло, кожа на руках покрылась пупырышками. Затем она снова раскрыла глаза. Она посмотрела на Расфуйю, которая нежно улыбалась, на Доктора и Папуса, которые внимательно смотрели на неё. В последнюю очередь она

посмотрела на Таблибика. Она его ненавидела. Ненавидела за то, что он с ней сделал. За то, что из-за него она чувствовала себя грязной и использованной. Благодаря Папусу она сможет смириться с отвращением и стыдом, но никогда, никогда не сможет простить Табилику то, что он с ней сделал.

Не сводя глаз с Таблибика, она шагнула к нему. От её сверкающего взгляда он вздрогнул.

— Ты жалкий ублюдок, — её рука резко отвесила Таблибику пощёчину.

Она улыбнулась. Ей стало легче.

— С возвращением, Пэри, — тихо сказал Доктор. — А вам спасибо, — он пожал руку Папусу. — И вам тоже, — он уважительно кивнул Расфуйе.

Солнце всё ещё жарило как в аду, и Пэри вспотела сразу, как только они вышли за пределы влияния деревни и направились к ТАРДИС.

Пэри шла, уставившись в лежащую перед ней сухую пыльную дорогу. Она надеялась на то, что эта эскапада не была знамением будущего, и что путешествия с Доктором будут хотя бы иногда приятным отдыхом. Она бросила взгляд на спутника, который, как всегда, шёл вперёд, разглядывая горизонт в поисках чего-то, что от него всё время ускользало. Он был такой загадочный, но всегда добрый и

заботливый по отношению к ней. Если бы не его отеческая забота, она могла бы в него влюбиться. Но он был для неё вместо старшего брата, которого у неё никогда не было, вместо отца, который сбежал, оставив её одну. Доктор бы никогда не бросил её одну по собственной воле.

В одном она была теперь уверена. Доктор был едва ли не единственным настоящим другом за всю её жизнь.

— Доктор?

— Хм?

— Спасибо.

Снова погас неестественный свет, и Сильверман вернул мелок на стол. По крайней мере, в этот раз комната не погрузилась в темноту: керосинка по-прежнему горела на столе ясновидца, отбрасывая призрачные мерцающие тени на увешанные книжными полками стены.

Я зажёл сигарету — первую с тех пор, как вышел из конторы — и откинулся на спинку кресла, пытаюсь переварить услышанное.

— Уже пять, если я не сбился, — сказал я, выдохнув колечко дыма.

Похожее на сову лицо незнакомца озадаченно скривилось:

— Пять? Чего пять?

— Пять Докторов, — ответил я. — Был невысокий неряха, получивший заводную птицу; ещё один в шарфе и с низким голосом; высокий франт, нарисовавший фигурку на буклете; старикан с тростью; и теперь вот молодой, со светлыми волосами.

— Хм. Так, может быть, я шестой... — рассуждал он.

— Или седьмой.

— Хм?

— Или восьмой, если уж на то пошло. Кто знает, сколько их всего?

Сильверман всё это время сидел молча, но сейчас вмешался:

— Быть может, мы узнаем ответ, если попробуем ещё один предмет?

Я посмотрел на него скептически, но кивнул:

— Ладно. Что нам терять?

Протянув руку, он взял со стола нечто похожее на лампочку. Однако, посмотрев внимательнее, я заметил, что её наполняют разноцветные газы, да и форма не совсем та. К тому же цоколь не был похож ни на один из тех, которые мне доводилось видеть.

Мой клиент категорически покачал головой:

— Нет, не это.

Он наклонился, чтобы забрать предмет у ясновидца, как ранее газету, но я вернул его обратно в кресло.

— Минуточку! — сказал я ему. — Сильверман эксперт. Думаю, будет лучше довериться его суждению.

Человечек, похоже, не ожидал от меня такого, даже был шокирован, но возражать не стал. Я кивнул Сильверману, и он вытянул руки с предметом перед собой, готовый продолжать.

ЗОЛОТАЯ ДВЕРЬ

Дэвид Оджер

Из-за эффектных изображений звёзд и планетарных систем высокий нависающий купол буколианского космопорта напоминал внутренность планетария. Ожидая завершения таможенных процедур, посетители из иных миров часто развлекали себя тем, что искали на подвешенном у них над головами галактическом пейзаже свои родные системы. Что же касается такого бывалого путешественника, как Доктор, то он знал об астрономии так много, что архитектурные детали не могли отвлечь его внимание от того, что он стоял в очереди уже почти час, ожидая пока буколианские таможенники ревностно проверят документы всех проходящих мимо них существ.

Старик презрительно фыркнул, глядя на остальные очереди: все они, казалось, продвигались быстрее, чем та, в которой стояли он и его спутники. Приземлились они на Буколь прямо в ТАРДИС, — размышлял он, — не пришлось бы сейчас подвергаться этим бесцеремонным проверкам. Но его спутники настаивали на отпуске, и вояж на космическом лайнере «Иллирия» показался хорошим вариантом.

Доктор изучал некоторых других пассажиров с их лайнера. Он заметил группу коммивояжёров с Хиразуди, от одного вида прозрачной плоти которых большинству землян становилось плохо. В другой очереди он увидел семью кефанджиев, чьи слюнявые языки постоянно выделяли неприятный запах, и при виде которых жители Земли не могли сдержать рвоту. Что же касается стоявшей прямо перед ним куэймэкской киноактрисы, то сыгранные ею романтические персонажи могли бы вызвать у земных зрителей крики ужаса! Доктор с удовольствием подумал о том, что ни одного из его спутников ни капли не смущало их окружение: Стивену не становилось плохо, а что было ещё лучше, у Додо не вырывался произвольный визг! Их путешествия на борту ТАРДИС наконец-то научили их уважать бесконечное разнообразие форм жизни, которых можно было встретить во время космических путешествий. Впрочем, в данный момент именно Доктор не испытывал уважения к буколианам.

— Это ожидание просто невыносимо. Ещё немного, и у меня корни вырастут!

Додо и Стивен сердито переглянулись:

— Наша очередь уже почти подошла, Доктор.

— И скорее бы уже, дитя моё, скорее бы!

Стивен улыбнулся Доктору:

— Когда дело доходит до бюрократии, буколиане просто фанатики. Они говорят, что Галактическую Гражданскую Службу нужно поручить им.

Доктор удивлённо посмотрел на бывшего астронавта:

— Вы поразительно осведомлены на счёт этих существ, молодой человек.

— Он снова рылся в вашей библиотеке. Нет, чтобы разрешение вначале спросить!

— Глупости, дорогая. Вам тоже пора бы подумать о своём образовании вместо того, чтобы в моём гардеробе рыться!

Не успел Доктор порассуждать на любимую тему, как Стивен потянул его за рукав сюртука, чтобы привлечь его внимание к тому, что подошла их очередь. Старик повернулся к офицеру буколианской таможни. Буколиане были двуногими существами со светлой кожей, которые перемещались с грацией, противоречащей их крупным размерам. На их лысых головах было по три глаза, которые двигались независимо друг от друга, а по бокам рта у них были щупальца, которыми они чесали лоб, разбираясь в деталях документов.

Офицер указал Доктору на длинный список вопросов, появившихся перед ним на видеоэкране. Доктор читал вопросы и отвечал «да» или «нет».

Внезапно один из вопросов заставил его резко поднять взгляд:

— Живой скот? Мы что, похожи на перегонщиков скота? Или вы считаете меня владельцем гастролирующего блошиного цирка?

Офицер центральным глазом посмотрел на Доктора:

— Просто ответьте на вопрос, пожалуйста.

— Ответ — решительное и однозначное «НЕТ».

— Хорошо, сэр. Предъявите, пожалуйста, вашу визу.

Доктор порылся у себя в карманах и вынул нечто, напоминающее лампочку накаливания. Офицер взял её и вкрутил в цоколь на расположенной рядом с ним панели.

Разноцветные газы внутри сферы тотчас же начали взаимодействовать друг с другом, формируя изображение мужского лица. Посмотрев одним глазом на изображение, офицер направил два других на Доктора.

— Это ваша виза, сэр?

— Разумеется, моя. Разве вы сами не видите?

Буколианин посмотрел на изображение в визе всеми тремя своими глазами, и Доктор тоже посмотрел на неё. На изображении был мужчина заметно моложе

Доктора, со светлыми кучерявыми волосами и надменной улыбкой.

Додо и Стивен тоже увидели изображение и, поразившись, повернулись к старику. Додо раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но вдруг замерла. Она словно очнулась ото сна:

— Стивен, это же не Доктор!

Старик раздражённо цокал:

— Разумеется, это не...

К его удивлению он вдруг понял, что его спутница указывала не на изображение в сфере, а на него самого. Он растерялся ещё сильнее, когда Стивен повернулся к таможеннику.

— Я не понимаю, что произошло, □ — бормотал Стивен, недовольно поглядывая на старика, — но кто бы это ни был, это определённо не Доктор.

Буколианская комната для допросов имела форму перекошенной пирамиды, а её покрытые зелёными зеркалами стены отражали допрашиваемого под самыми неожиданными углами. Нетерпеливо расхаживая по комнате, Доктор думал о том, что этот зеркальный эффект, возможно, был задуман намеренно. И хотя он прекрасно знал, что в буколианской душе не было места любой форме зла, из-за плохого настроения он не мог в данный момент

чувствовать по отношению к тем, кто его арестовал, ничего хорошего.

В тот момент, когда он начал простукивать зеркальные панели своей тростью, дверь открылась, и зашёл представитель буколианских властей, которого раньше Доктор не видел. Крупное существо элегантно уселось за стол, расположенный в высшей точке комнаты. Исполненный возмущения Доктор шагнул к нему:

— Сколько ещё мне нужно терпеть это задержание, хм?

Буколианин ничего не ответил. Его средний глаз посмотрел на Доктора, в то время как другие два были обращены к документам, которые он вынул из папки и аккуратно разложил перед собой на столе. Разозлившись, Доктор ударил тростью по столу, разбросав документы:

— Вы меня удостоите ответа, сэр?

Два глаза буколианина оторвались от стола, и он посмотрел на Доктора всеми тремя глазами. Чиновник говорил спокойно:

— Сядьте, пожалуйста.

Доктор посмотрел на него так, словно был готов взорваться. Буколианин повторил свою просьбу:

— Стоять во время допроса обязательно лишь в том случае, когда подозреваемому уже выдвинуты

обвинения. А это, в конце концов, всего лишь предварительное расследование.

Доктор заворчал, но сел.

— Спасибо, — продолжило существо. — Меня зовут Ёрма, я старший следователь буколианской полиции. Теперь, когда вы осведомлены о том, кто я такой, вы не будете любезны ответить взаимностью и прекратить ваш маскарад?

Доктор гневно привстал на стуле:

— Маскарад?!

— То есть, вы по-прежнему настаиваете на том, что вы — Доктор?..

— Я настаиваю на том, что я есть тот, кем я есть!

— Те, кого вы называете своими спутниками, похоже, не согласны с этим.

Старик опустил взгляд, его глаза увлажнились от мысли о Стивене и Додо.

— Сожалею, но я не могу это объяснить, — он резко поднял взгляд. — Пока что!

— Ради соблюдения должной процедуры, я вынужден принять ваше заявление. Я буду обращаться к вам «Доктор» до тех пор, пока вы не снизойдёте до правды.

— Дорогой мой, у меня нет привычки врать.

— Уж простите, но это буду решать я. Если говорить откровенно, то я не видел ни одного документа, который бы заставил меня поверить вам.

— Пропуска, удостоверения, сертификаты... бюрократическая ерунда!

— В том числе и вот этот список пассажиров со звёздного лайнера «Иллирия»? Я внимательно всё проверил, и обнаружил, что один из пассажиров пропал.

Доктор равнодушно рассматривал свою трость:

— О, и я должен считать это своей проблемой?

— Полагаю, что должны. На борту лайнера был странствующий артист, пародист по имени Майклез. Мастер по части жульничества и перевоплощения.

Ёрма многозначительно посмотрел на Доктора. Если бы Доктор перед этим не встал, то упал бы от удивления со стула.

— Так вы меня принимаете за такого шарлатана?! За скомороха! — он посмотрел на своё отражение в окрашенных зеркалах. — Превосходно. Просто превосходно.

— Как ему это удалось, Стивен? — склонившись вперёд, Додо уставилась на свои пальцы, которые она то сжимала, то разжимала, словно пытаясь вынуть правду из воздуха. — Как такое может быть?

Стивен озадаченно посмотрел на неё, а затем обвёл взглядом роскошно оформленный VIP номер, в котором их попросили подождать. Снова посмотрев на Додо, он понял, что она по-прежнему ждёт его ответа.

— Я не знаю, Додо. Быть может...

Додо наклонилась к нему ближе:

— Да?

Стивен посмотрел на стоявшего рядом буколианского охранника, который не проявлял никакого интереса к их разговору, но, вне всякого сомнения, запоминал каждое слово, чтобы доложить своему начальству.

— Должно быть, это какой-то гипноз. Мы оба были какое-то время рядом с самозванцем, и ни один из нас ничего не заподозрил.

— Но зачем, Стивен? Зачем кому-то понадобилось выдавать себя за Доктора?

— Да уж, особенно учитывая то, что на Доктора вечно сваливаются какие-нибудь неприятности!

— Сейчас остроты неуместны, Стивен. Доктор сейчас кем-то схвачен. Возможно, даже...

Не успела Додо озвучить свою мрачную мысль, как дверь с шипением открылась, и вошёл буколианин по имени Ёрма. Прежде, чем подойти к Стивену и Додо, он что-то сказал охраннику, и тот торопливо ушёл исполнять приказ. Поинтересовавшись, всё ли их в

номере устраивает, Ёрма перешёл к обсуждению старика, по-прежнему утверждавшего, что он их спутник, Доктор.

Стивен удивлённо качал головой.

— Он ни капли не похож на Доктора, — сказала Додо. — Он, наверное, в два раза старше него.

— Но он по-прежнему настаивает, что он ваш друг, — Ёрма внимательно посмотрел на них обоих. — Вы абсолютно уверены, что не видели его на борту «Иллирии»?

Додо и Стивен переглянулись:

— Да, уверены.

Ёрма немного подумал. Выражения человеческих лиц часто бывали обманчивы, но эти двое молодых людей производили впечатление честных.

— Я пока что не знаю, зачем самозванцу понадобилось скрывать кто он такой, но его попытка нагло пройти через иммиграционный контроль была явно предпринята от безысходности.

— Хорошо, что он не подумал о визе.

— Не надо, Стивен. Одна мысль о том, что он убедил нас в том, что он Доктор... Мне от неё одной плохо.

Ёрма продолжил:

— Мы организуем обыск лайнера с целью найти вашего друга, но вам лучше подготовиться к худшему.

Если этот самозванец настолько отчаян, насколько можно судить по его поступкам...

Додо посмотрела на Стивена:

— Нет, Стивен. Только не Доктор. Он не мог...

В этот момент открылась дверь, и буколианский охранник завёл старика. Доктор обрадовался, увидев двух своих друзей:

— А, Стивен, Додо! Не пришло ли уже время прекратить этот спектакль, хм?

Додо вскочила и с криком бросилась на старика. Доктор от неожиданности пошатнулся, а девушка неистово молотила его кулаками по груди, крича что-то неразборчивое. Охранник попытался оттащить её в сторону, но она вцепилась в воротник сюртука старика:

— Что вы сделали с Доктором? Отвечайте! Отвечайте!

Лишь благодаря помощи Ёрма охраннику удалось разжать руки девушки. Старик опустился в кресло, а Додо, всё ещё кричащую и дёргающую ногами, охранник унёс. Озадаченный, Доктор повернулся к Стивену:

— Стивен, мальчик мой, вы же должны знать кто я!

Стивен двинулся в сторону Доктора, но Ёрма его удержал. Молодой человек недовольно посмотрел на

Ёрма, а затем — с откровенной ненавистью — на Доктора.

— Я не знаю, кто вы и как вам удалось нас одурачить, но вот что я вам скажу. Если с Доктором что-то случилось — я вас убью!

Впервые за несколько веков старик не нашёлся что сказать.

Для пассажиров, путешествовавших на Буколь, звёздный лайнер «Иллирия» был роскошным местом отдыха, рассекавшим космические просторы. Они ничего не знали о лабиринтах плохо освещённых технических коридоров и мастерских, необходимых для функционирования судна.

После долгих препирательств, Ёрма согласился на то, чтобы Стивен и Додо сопровождали его в поисках своего пропавшего друга. Их реакция на самозванца рассеяла все его сомнения в правдивости их утверждений. Тем не менее, ведя их по тёмной инфраструктуре «Иллирии», он не сводил с них глаз. Временами он что-то говорил в коммуникатор на запястье, руководя своими подчинёнными, отсеком за отсеком прочёсывавшими корабль. Они ненадолго остановились возле иллюминатора, за которым был главный трюм. За стеклом они видели, как буколианские офицеры быстро исследовали

контейнеры, отодвигая панели и вручную перебирая тюки.

Но Доктора по-прежнему нигде не было.

Во время обыска Додо прижалась к Стивену, задерживая дыхание каждый раз, когда открывали очередной люк. Пока что её предчувствия её обманывали. Она посмотрела на своего друга: он явно испытывал сходные чувства.

— Стивен, если его нет на корабле, это значит, что его должны были выбросить... за борт?

— Не волнуйся, Додо. Мы его найдём.

Приближаясь к самой глубокой части корабля, отряд Ёрма подошёл к особенно грязному люку. Когда его открыли, из-за вони Стивену и Додо пришлось зажать носы.

— Сюда, наверное, мусор выбрасывают, — предположил Стивен.

Ёрма нажал на выключатель, и грязные лампы медленно начали разгораться. Мусор был свален большими кучами под люками, в которые его сбрасывали. Маленькое существо внезапно пробежало по полу и юркнуло в прогрызенную в стене дыру.

— Крысы, — сурово сказал Ёрма. — Подарок Галактике от планеты Земля.

Они хотели выйти, но Стивен заметил, что особенно большая куча мусора зашевелилась, и начала угрожающе наклоняться.

— Берегись! — крикнул он, оттаскивая Додо в сторону.

В ловком прыжке Ёрма увернулся от лавины мусора, обрушившейся на пол в том месте, где они только что стояли. Когда мусор замер, Ёрма заметил, что вход теперь был перекрыт.

— Прикажу своим подчинённым, чтобы начали расчищать с другой стороны.

Когда буколианин начал отдавать в коммуникатор указания, Додо увидела, что часть кучи мусора немного дрожит, как будто бы под ней что-то движется.

— Стивен! — вскрикнула она, хватая его за руку.

— Наверное, тоже крысы.

К ним подошёл Ёрма:

— А я так не думаю.

Буколианин начал аккуратно отбрасывать мусор стволом пистолета. Через несколько мгновений он повернулся и попросил Стивена помочь ему. Отбросив в сторону последние куски мусора, они обнаружили тело довольно упитанного кучерявого мужчины, одетого в разноцветный сюртук, ярко-зелёную рубашку, жёлтые штаны, и пурпурные туфли с

оранжевыми гетрами. Его руки и ноги были связаны электрошнуром. Ёрма аккуратно повернул голову мужчины к свету:

— Это ваш друг Доктор?

Стивен и Додо переглянулись и облегчённо улыбнулись:

— Да!

Ёрма развязал Доктора и прислонил его к стене помещения. Затем он вынул небольшую флягу и сбрызнул губы Доктора её содержимым. Доктор начал качать головой и что-то бормотать. Через какое-то время он открыл глаза и попытался сфокусироваться на присевших возле него людях. Он моргнул, словно удивлённый увиденным:

— Стивен? Додо?

Додо наклонилась ближе и чуть не расплакалась, сжимая руку Доктора.

— Да, это я, Додо! Я испугалась, что мы тебя больше не найдём.

Доктор внимательно посмотрел на лицо Додо, а затем на Стивена.

— Это вы. Оба. В полном порядке, я полагаю?

— Вы признаёте, что эти два человека — ваши друзья? — потребовал Ёрма.

— Конечно! — Доктор скривился, потирая затылок. — Меня какой-то мерзавец ударил сзади по

голове. У меня не было возможности увидеть, был ли это... *кто* это был.

Ёрма представился и объяснил:

— Мы уже задержали подозреваемого.

— Да что вы! Вот что значит буколианская эффективность.

— Мы гордимся своевременным исполнением своих обязанностей, — серьёзным тоном ответил Ёрма.

Доктор снова потёр голову:

— Жаль только, что вы не задержали преступника до того, как он стукнул меня по голове!

Когда Ёрма рассказал ему о том, что подозреваемый пытался выдавать себя за него, Доктор возмутился:

— Изображать меня. Изображать меня! — он, шатаясь, встал на ноги. — Да он просто псих, если думал, что сможет воспроизвести столь свойственные мне остроумие и очарование.

— Каким-то образом ему даже удалось сделать так, что мы видели в нём вас, — призналась Додо.

— Коварный тролль! Я требую немедленно показать мне это гадкое существо. Такую наглость нельзя прощать.

Внезапно Доктор схватился за голову и зашатался. Додо быстро подошла к нему и помогла ему сесть:

— Доктор, не нужно брать это так близко к сердцу.

— Да, ты права. У меня кружится голова. Я кое-что не могу понять...

Ёрма подошёл к люку, к которому его подчинённые уже разгребли подход. Один из них подошёл к нему и что-то тихо доложил. Ёрма с мрачным видом повернулся к Доктору и его спутникам:

— К сожалению, я вынужден вам сообщить о том, что мы не сможем организовать вам очную ставку с самозванцем, — он запнулся, ему явно было стыдно. — Ему каким-то образом удалось сбежать с места заключения. Могу лишь пообещать, что мы проведём тщательное расследование.

Доктор с трудом поднял голову:

— Расследование? Расследование! А какой от него будет толк? Где-то на свободе мерзавец, который уже один раз выдал себя за меня, и теперь у него есть возможность повторить это!

Ёрма внешними глазами посмотрел на Додо и Стивена, рассчитывая на их поддержку, а центральным пристыженно потупился в пол.

Поскольку Доктор явно ещё не пришёл в себя после пережитого, Ёрма распорядился, чтобы его отправили в госпиталь. Стивен и Додо не хотели с ним

разлучаться сразу после того, как они его нашли, но буколианин настоял на том, чтобы они доверили своего друга опытным рукам врачей, и погуляли по городу.

По словам Ёрма, лучше всего было знакомиться с городом пешком, гуляя по базару, на котором торговали существа со всего космоса. Базар буйствовал цветами и звуками, было такое впечатление, что там одновременно говорили на всех вообразимых языках галактики. А какие ароматы! Уже от них одних желудок любого существа начинал содрогаться в гастрономическом предвкушении.

Когда они ненадолго задержались возле любимого ресторанчика Ёрма, буколианин с разочарованием заметил, что Додо и Стивен поедали свои блюда из уауалианских лобстеров без особого энтузиазма. Они сидели и рассматривали многочисленных прохожих, и у них на лицах было что-то, что Ёрма воспринял как благоговение. Доев своего лобстера, он задумчиво смотрел на двоих друзей:

— Вам жители нашего города интереснее, чем кулинарные изыски? Быть может, соус для вас слишком острый?

Стивен посмотрел на свою тарелку и сообразил, что он едва притронулся к еде.

— О, нет, — ответил он. — Что вы. Просто мы переживаем о Докторе.

— Если бы вас слышали наши врачи, — с укором сказал Ёрма, — то сочли бы это за оскорбление. О вашем друге сейчас заботятся одни из лучших специалистов в этом краю галактики.

Стивен снова рассматривал толпы, проходящие мимо их столика. Это зрелище его завораживало:

— Поразительно, что столько разных рас могут жить вместе.

— Буколь — рай для обездоленных всей галактики, — гордо сказал Ёрма. — Наша философия довольно проста:

*«А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой...».*¹³

— Как красиво, — тихо сказала Додо.

Ёрма левым щупальцем почесал лоб:

— Это знаменитое стихотворение из истории Земли. Вы разве не слышали его раньше?

— Додо никогда не была сильна в истории, — поспешно объяснил Стивен. — Скажите, если вы так стремитесь к тому, чтобы Буколь был раем, почему вы так затрудняете возможность попасть сюда?

— Вы о наших иммиграционных правилах? Ну, должны же быть какие-то процедуры, как иначе? Вы

¹³ Сонет приводится в переводе Владимира Лазариса.

должны понимать, как важны для буколиан порядок и протокол.

— Я понимаю, — грустно ответил Стивен, — но бумаги-то заполнять не вам приходится!

Желтокожий официант-удими с шестью конечностями подошёл к столику и обратился к Ёрма:

— Для нас будет большой честью, если наш самый ценный клиент лично выберет фрукты для десерта.

Ёрма извинился и прошёл за официантом на кухню, впервые за весь день оставив Додо и Стивена наедине. Додо отодвинула от себя тарелку:

— Думаю, нам лучше уйти, пока есть возможность.

Стивен нерешительно огляделся:

— Есть опасность. Если мы останемся с Ёрма, то будем, по крайней мере, под защитой.

— В толпе нам будет безопаснее. Доктор найдёт нас, когда выздоровеет.

Внезапно Стивен схватил Додо за локоть. Она проследила за его взглядом. С противоположной стороны улицы на них смотрел гуманоид с угловатыми чертами лица и пронзительным взглядом. Незнакомец зловеще улыбнулся, когда понял, что его узнали. У него было лицо охотника, который после нескольких дней выслеживания дичи, наконец-то добыл её.

Додо испуганно повернулась к Стивену:

— Нужно бежать. Тут нельзя оставаться. Не в такой момент!

— Нет! — ответил Стивен. — Ёрма вот-вот вернётся... — его голос затих, когда он увидел, что незнакомец начал проталкиваться сквозь толпу в их сторону.

Додо вскочила на ноги, с грохотом опрокинув столик:

— Бежим!

Немного поколебавшись, Стивен бросился вслед за девушкой.

Они проталкивались сквозь толпу, отчаянно пытаясь оторваться от преследователя. Огромное количество прохожих делало их продвижение мучительно медленным, однако в то же время давало им прикрытие. Стивен оглянулся и увидел, что незнакомец уверенными размеренными шагами по-прежнему идёт за ними. Как бы быстро они ни проталкивались сквозь толпу, незнакомец своей непринуждённой, почти ленивой походкой постепенно сокращал дистанцию.

Внезапно Стивен и Додо замерли на месте и с ужасом переглянулись. Они вышли из толпы и оказались на виду.

Улыбку на лице охотника сменила сосредоточенность. Когда он вынимал из внутреннего

кармана пиджака маленькую разноцветную сферу, его добыча словно примёрзла к земле. Он поднял оружие, чтобы прицелиться, и на его лице снова появилась улыбка. В этот раз это была радостная улыбка.

И в тот момент, когда он собирался выстрелить, воздух сотрясла какофония нестройных звуков: по улице маршировал оркестр из местных музыкантов, за которым тянулась процессия радостных зевак. Незнакомец недовольно заворчал: его линию огня перегородили! Когда процессия закончилась, его двух целей уже не было...

Спасённые неожиданным событием, Стивен и Додо затерялись в толпе зрителей на дальнем конце улицы. Они бежали несколько минут, прежде чем остановиться и отдышаться. Тяжело дыша, Стивен опёрся на стену:

— Как он нас так быстро нашёл?

Додо восстановила дыхание быстрее, чем её спутник:

— Он решительно настроен убить нас, чего бы это ему ни стоило. Нужно найти Доктора. Только он сможет нам помочь.

— В этом я абсолютно уверен, — раздался голос из тёмной ниши. — И позвольте добавить, что я заслуживаю полного объяснения вашего эксцентричного поведения.

Додо и Стивен обернулись на голос и с облегчением вздохнули, увидев, что это старик, от которого они отrekliсь ранее.

— Это всего лишь вы, — вздохнула Додо.

— Так вы меня всё-таки узнаете, юная леди!

Стивен шагнул к нему:

— Оставь нас в покое, старик! Просто уйди!

Стивен и Додо повернулись, чтобы пройти мимо, но Доктор тростью преградил им путь.

— Куда вы? Не так быстро! Вы что, думаете, что это вам так легко сойдёт с рук? Я требую объяснений!

Додо подошла к старику:

— Извините, если мы вас обидели, но у нас не было выбора.

— Что ты имеешь в виду, Додо? Что с вами обоими стряслось? — Доктор оглянулся через плечо, убедившись, что их никто не подслушивает. — Мы сейчас одни. Только мы трое. Вы можете мне рассказать, что происходит. Вы же знаете, что мне можно доверять. В какие бы вы неприятности не впутались, я могу вам помочь.

В глазах Додо была искренняя грусть:

— Если бы могли...

Стивен начал волноваться:

— Нужно идти. Сейчас. Пока он нас опять не нашёл.

Додо улыбнулась старику:

— Пожалуйста, дайте нам пройти. Так будет лучше. Поверьте.

Все трое замерли, услышав Ёрма, зовущего Додо и Стивена. Его голос приближался.

— Доктор, вы должны уйти, пока сюда не пришёл Ёрма! — вскрикнула Додо.

Услышав, что девушка назвала его по имени, Доктор оживился:

— Нет. Вы пойдёте со мной, вы слышите? Оба!

Додо смотрела на землю, задумавшись. Доктор обрадовался. Он был уверен, что смог достучаться до своей спутницы и преодолеть влияние, под которым она находилась. Она нерешительно посмотрела на него, словно собираясь всё объяснить. Но вместо этого она крикнула:

— Ёрма! Сюда, быстрее! Тут самозванец!

Старик ошарашенно качал головой, а девушка строго на него посмотрела и тихо сказала:

— Уходите!

Доктор слышал, что шаги Ёрма звучат всё ближе и ближе. Он не знал, что ему делать. С одной стороны, он хотел остаться со своими спутниками и стойко принять все последствия, но с другой стороны понимал, что сможет во всём этом разобраться только в том случае, если останется на свободе.

Он развернулся и побежал, насколько это ему позволяли его старые ноги.

Несколько секунд спустя в переулке появился Ёрма. Додо плакала:

— Это снова был тот самозванец. И он по-прежнему утверждал, что он Доктор, — она уткнулась лицом в грудь Стивена. — Это было ужасно. Так ужасно.

— Мы пытались задержать его, — объяснил Стивен, — но он угрожал нам своей палкой.

Узнав у них в какую сторону побежал старик, Ёрма велел им оставаться на месте, пока он будет занят погоней. Как только он скрылся, Додо мгновенно перестала лить крокодильи слезы:

— Нужно вернуться в больницу и найти Доктора.

Стивен согласился. Но не успели они сойти с места, как услышали тихий зловещий смех, доносившийся из тени. В нескольких метрах от них стоял преследовавший их на базаре незнакомец.

Додо закричала.

Старик споткнулся о выбитый из мостовой камень и упал среди мусорных баков рядом с заездом в один из самых старых многоэтажных кварталов города. Усталый и подавленный, он решил какое-то время оставаться на месте. От Ёрма он оторвался ещё десять

минут назад, но только сейчас позволил себе отдохнуть.

Пошёл дождь. Очень скоро старые водостоки уже не справлялись, и вода стекала по стене здания, намочив Доктора. Этот подъезд был немного в стороне от главной улицы, но Доктор видел полицейский патруль, регулировавший потоки транспорта (все торопились укрыться), и не решился идти дальше.

Он уже почти восстановил дыхание, но его мысли были по-прежнему спутанными, когда он пытался охватить все факты, стоявшие за событиями, произошедшими с ним на Буколе. Он закрыл глаза, надеясь сосредоточиться.

И тогда он слышал голоса. Они казались призрачными. Он открыл глаза и увидел, что вокруг него стоят несколько существ. То, что дождь лился сквозь них, как будто бы их там не было, не столько встревожило его, сколько озадачило. Существа переглядывались и разговаривали, явно обсуждая его.

Доктор никогда не был поклонником зоопарков, и был решительно настроен, что никто — кем бы ни были эти видения — не будет обращаться с ним как с каким-то чёртовым экспонатом! Он опёрся на один из мусорных баков, и с трудом встал на ноги. И когда он собрался высказать собравшимся вокруг него то, что он о них думает, оказалось, что никого уже нет. По

тротуару, на котором они стояли, продолжал барабанить дождь.

Доктор задумчиво потёр щёку. Он был не из тех, кому что-то мерещится, но, возможно, последние его необъяснимые зловключения начали влиять на его разум...

От этих раздумий его отвлекло появление старого транспортного средства, остановившегося напротив здания. Из него кто-то вышел, прикрываясь зонтом, таким же прозрачным, как и фантомы, которых только что видел Доктор. Он запер своё транспортное средство и пошёл к зданию. Когда он подошёл ближе, Доктор увидел, что у него на голове надет странный прибор, с забралами, расположенными вокруг головы под разными углами. Старик внезапно понял, что это были видео-мониторы, которые позволяли их владельцу смотреть телевидение, занимаясь своими обычными делами.

Подойдя к Доктору, незнакомец остановился и поднял вверх мониторы, чтобы лучше его рассмотреть. Впервые со своего прибытия на Буколь Доктор улыбнулся:

— Ану-Ак!

Лысеющий гуманоид с козлиной бородкой тоже улыбнулся:

— Доктор! Уж кого-кого, а вас я не ожидал встретить! — он указал на вход в здание. — Заходите. Вы, наверное, промокли.

Ану-Ак открыл дверь и Доктор вошёл, радуясь тому, что наконец-то встретил кого-то, кто его знает...

Высушившись в турбо-душе, Доктор устроился в удобном кресле и осмотрел квартиру друга. На балконе была развешена коллекция спутниковых антенн, от которой путаница кабелей шла к расставленным по всей комнате мониторам разного размера и системам видеозаписи. Свечение экранов было единственным источником света, по мере смены изображений на экранах оно заливало комнату сверкающим калейдоскопом красок. На нескольких мониторах был просто «снег» помех, они ожидали момента, когда сигнал с другого конца галактики оживит их, попав в одну из антенн.

Доктор мысленно рассмеялся. За все эти годы его друг так и не забросил своё хобби собирать телевизионные программы, каково бы ни было их содержание.

В комнату зашёл Ану-Ак, занося поднос с напитками. Пока они пили, Доктор рассказал обо всём, что с ним случилось с момента прибытия в космопорт. Ану-Ак внимательно слушал, но его взгляд при этом

почти не отрывался от изображений на телевизионных экранах.

В какой-то момент Доктор заметил, что Ану-Ак отвлёкся от его рассказа и внимательно слушал местные новости. Диктор рассказывал зрителям о появившемся недавно в городе опасном правонарушителе. На экране возник многомерный портрет Доктора, под которым мигал телефонный номер полиции.

Ану-Ак взял один из своих пультов дистанционного управления и выключил канал.

— Погостите у меня несколько дней, Доктор. На улице вас узнают.

Доктор кивнул:

— Знаете, это, должно быть, первый раз, когда я появился на телеэкране, — он вздохнул. — Можете себе представить?

Внезапно, что-то вспомнив, Ану-Ак слез на пол и начал рыться в куче своих видеодисков и кассет, находившейся в углу комнаты. Доктор удивлённо наблюдал за ним. Его друг вёл себя как ребёнок, отчаянно пытавшийся найти потерянную игрушку.

— Боже мой, Ану-Ак, что случилось?

— Она где-то тут, Доктор. Где-то тут!

Доктор осмотрел разбросанные по всей комнате диски и кассеты. Ану-Ак никогда не отличался

опрятностью, но сейчас он в своей способности сотворить хаос превзошёл даже Додо! Вспомнив о своих спутниках, старик грустно вздохнул, надеясь, что очень скоро Додо снова будет устраивать кавардак в его шкафу. Он быстро высморкался, чтобы его друг не заметил, как он расстроен.

Ликующе вскрикнув, Ану-Ак повернулся к Доктору:

— Нашёл!

— Что именно, друг мой?

— Вот, — воскликнул Ану-Ак, вставляя в ближайший проигрыватель видеодиск. — Вы ошибаетесь, тот выпуск новостей не был вашим первым появлением на телевидении. Вот ваше первое появление!

Экран монитора начал что-то показывать. Изображение мерцало от помех, периодически скрывающих его, но Доктора было чётко видно, он стоял в каком-то подобии космического центра управления.

— Это вещание с Земли, вторая половина двадцатого века, — объяснил Ану-Ак.

Американский диктор новостей рассказывал о загадочной планете, внезапно возникшей в Солнечной системе, и о существах с этой планеты, пытавшихся уничтожить Землю. Он также упомянул о том, что

ключевую роль в победе над этими существами сыграл некий Доктор, который необъяснимым образом оказался на космической станции слежения Сноукэп, а затем бесследно исчез. На экране мигнуло лицо Доктора крупным планом. Ану-Ак извинился за плохое качество записи:

— Пока этот сигнал дошёл до моей антенны, он распространялся в космосе несколько столетий.

— Не страшно, Ану-Ак, не страшно. Посмотрим, что на это скажет этот напыщенный бюрократ Ёрма. Сможет он теперь назвать меня самозванцем, хм?

— Но этой телезаписи уже несколько тысяч лет. Как вы собираетесь это объяснить?

Доктор пренебрежительно махнул рукой:

— О, ерунда. Это всего лишь вопрос о времени, которое в данном случае не важно.

Ану-Ак кивнул:

— Время — ваша епархия, Доктор.

Когда они выходили из квартиры, Доктор задумчиво постукивал пальцами по видеодиску. Ану-Ак позволил ему мельком взглянуть в его собственное будущее. Тихо хихикая, он пообещал себе запомнить увиденное, чтобы потом, когда это приключение наступит, можно было удивить своих спутников предвидениями...

Додо сидела в углу, поджав ноги, а Стивен расхаживал по комнате как тигр в клетке. Их камера была холодная и сырая, её освещал единственная лампа на стене, которая временами гасла, оставляя их в темноте на несколько минут. Хождение Стивена по комнате начинало раздражать Додо:

— Если ты не собрался сделать что-то конкретное, сядь!

Стивен уселся рядом с ней:

— Долго мы ещё будем тут заперты?

— Откуда мне знать? Я знаю только то, что из-за тебя ждать ещё невыносимее!

Стивен проигнорировал это замечание и начал осматривать помещение с той же монотонностью, с которой до этого ходил. Додо недовольно покачала головой.

Доктор, которого спасли из мусорного трюма «Иллирии», теперь лежал на высокотехнологичной койке в отдельной палате городской больницы. Вместо его привычной разноцветной одежды, которая была выстирана и висела в нише в дальнем конце комнаты, на нём была надета лишь ночная рубашка. Он беспокойно спал, постоянно ворочаясь, словно его мучили кошмары.

— Нет! Не трогайте их, — бормотал он.

Внезапно он резко проснулся, поднявшись в кровати и вытянув вперёд руки, словно пытаюсь бороться с каким-то невидимым противником. Поняв, что ему снова что-то приснилось, он потёр лоб и медленно выдохнул:

— Надо будет в каком-нибудь столетии выкроить время и сходить к психоаналитику.

И в этот момент он понял, что был в палате не один. В тени кто-то стоял. Не успел Доктор сказать что-либо незнакомцу, как тот вышел на свет. Доктор облегчённо вздохнул: это был буколианский медик. Врач подошёл к койке и нащупал пульс Доктора:

— Вам опять что-то приснилось?

— Да, повторяющийся сон. Всем снам сон!

— Хотите о нём поговорить? — сочувствующим голосом поинтересовался медик.

— Нет, спасибо. Не сейчас.

— Как скажете.

Буколианин поднял руку Доктора и закатил рукав его рубахи. Смазав руку мазью, он приложил к ней инъекционную подушечку:

— Это сделает ваш сон более спокойным.

Медик отошёл на несколько шагов и молча стоял, глядя на кровать. Доктор тоже посмотрел на него, и в этот момент буколианин начал немного мерцать. Доктор прищурился, думая, что это какая-то игра

света, а затем с удивлением увидел, что тело медика превратилось в колонну из прозрачных кристаллов, цвет которых был то красный, то зелёный, то синий. Внезапно, словно песчинки в песочных часах, кристаллы посыпались на пол. Почти сразу всё начало меняться в обратном порядке: кристаллы поднялись в воздух и сформировали фигуру мужчины. Там, где только что был буколианский медик, теперь стоял высокий незнакомец, гонявшийся на базаре за Стивеном и Додо.

Доктор вцепился руками в края койки:

— Майклез!

— Да, Доктор.

Зловеще улыбаясь, Майклез подошёл к койке. Доктор, чувствуя невыгодность своего положения, попытался отодвинуться назад. Напрягшись изо всех сил, он попытался сесть:

— Вы не умеете обращаться с больными.

— Уж простите, — Майклез жестом обвёл палату.

— Мы, мэйлеане, редко бываем в такого рода заведениях.

— Лишь потому, что уничтожаете любого соплеменника, который в них нуждается.

— Генофонд мэйлеан не должен быть запятнан изъятиями. Нечистого мы должны уничтожить, слабому нельзя позволить жить. Таково наше кредо, Доктор.

— Которое вы претворяете в жизнь с большим удовольствием.

— Все мы должны делать то, к чему лучше всего приспособлены, — язвительно ответил мэйлеанин.

— Полагаю, это вы ударили меня по голове и выбросили меня в мусоропровод?

— Ну что же вы так обижаетесь. Удар вас, вообще-то, должен был убить.

— Теряете хватку, Майклоз?

Майклоз улыбнулся Доктору:

— Всего лишь небольшая временная неудача.

Доктор продолжал словесное препирательство:

— Когда я был на лайнере, мне на глаза попался плакат. «Представляем Великого Майклоза, иллюзиониста и экстраординарного пародиста!» Только не говорите мне, что вы пользуетесь своей способностью менять облик ради подработки на стороне!

— Это было подходящее прикрытие для меня, пока я ожидал прибытия вашей ТАРДИС. Я рад, что вы увидели плакат. Мне нравится, кода мои жертвы знают о том, что я рядом.

Увидев перепуганное лицо Доктора, Майклоз рассмеялся:

— Не волнуйтесь, Доктор, ваши друзья-мутанты живы. Пока. Дважды я их почти настигал, но им

удавалось скрыться. Вообще-то, они проявили себя весьма находчивыми. Но они же, в конце концов, мэйлеане, как бы ни были запятнаны их гены, — разглагольствуя, Майклез начал ходить по комнате. — Когда они поняли, что вы пропали, они воспользовались своими способностями менять внешность для того, чтобы занять место молотой пары, сопровождавшей какого-то старика. Несомненно, они надеялись, что он будет защищать их так же, как это делали вы, но я легко нарушил их планы. Ловкость рук — и я заменил визу старика на вашу. Разумеется, им пришлось отречься от него, чтобы самим не попасть под подозрение. Теперь его разыскивает полиция.

— Очень умно, но вам ведь не привыкать действовать исподтишка.

Майклез снова рассмеялся:

— Можете оскорблять меня сколько вам угодно, Доктор, но вам это уже не поможет. Ваши друзья-мутанты больше не смогут от меня убежать, а в том старикане буколиане найдут подходящего козла отпущения, который ответит за убийство. В этот раз вы мне не сможете помешать.

— Это ещё почему же?

— Вы плохо выглядите, Доктор. Как вы себя чувствуете?

— Чувствую?

Только сейчас Доктор обратил внимание, что его мысли становятся сбивчивыми, а сердцебиение ускорилось. Он бросился через кровать к Майклозу:

— Что вы сделали?

Мэйлеанин указал на руку Доктора:

— Я прописал вам гимерулионный состав. Теперь я без помех смогу отбраковать мутантов. Ведь теперь их защитник, знаменитый сострадающий Доктор, умер!

Майклоз снова принял облик буколианского медика и вышел из палаты.

Доктор тяжело дышал и сложился пополам от судорог в животе. Конвульсии охватывали всё его тело. Превозмогая боль, он попытался подняться на колени. Ему казалось, что всё вокруг него вертится, и он вцепился руками в кровать, чтобы удержаться. Внезапно комната словно резко покосилась на бок. Доктор потерял равновесие и рухнул на пол, потянув за собой простыни.

Стивен изо всех сил стучал по двери в переборке.

— Эй! Эй! Есть кто-нибудь?

Додо сердито на него посмотрела:

— У меня уже голова болит, Стивен. Не знаю, зачем ты только силы тратишь. Уверена, что никто никогда в эту часть лайнера не заходит.

Стивен разочарованно пнул дверь ногой.

— Дай мне только добраться до тех двоих!

— Это ты согласился спуститься с ними сюда.

— Что?!

— Да ладно тебе, Стивен. Она только ресничками повела, а ты уже и побежал за ней!

— Послушай, — оправдывался Стивен, — они сказали, что кто-то тут внизу в беде, и я им поверил.

— Кто-то тут действительно попал в беду. И это мы с тобой!

Стивен огляделся, выискивая, на чём бы сорвать злость. Он заметил жалкого вида ящик, на боку которого было написано «Стекло», и начал пинать его ногами. Разломав его, он с разочарованием обнаружил, что ящик был пустой.

— Ну что, полегчало? — спросила Додо.

К её ужасу, Стивен не прореагировал на её слова, а снова начал лупить по двери.

— Кто они, интересно, такие? — попыталась перекрыть грохот Додо.

Стивен прекратил избиение двери:

— Какая теперь разница?

— Стивен, они нас сюда не просто так завели. У них была какая-то цель.

— Может быть, это у них шутка такая? — предположил Стивен.

— Как смешно. Ха-ха-ха! — Додо решила зайти с другой стороны. — Знаешь, Стивен, будь ты хотя бы наполовину тем мужчиной, которого из себя корчишь, ты бы уже придумал выход.

— Ну, так покажи мне, как надо, — парировал Стивен.

Додо вздохнула. Когда Стивен становился таким упрямым, спорить с ним было бесполезно. Чтобы отойти от него как можно дальше, она полезла через кучу ящиков в противоположную часть помещения.

Стивен стоял и наблюдал за ней:

— А вот надуть губы нам сейчас очень поможет.

Внезапно Додо вскрикнула и свалилась на другую сторону кучи. Стивен тут же бросился лезть вслед за ней. Добравшись до вершины и посмотрев вниз, он расхохотался. Ящик, на который стала Додо, сломался под ней, и теперь она лежала плашмя среди его обломков.

— Ничего смешного, Стивен.

— Нет, нет, разумеется, — Стивен попытался сдержать смех, но не смог.

Ворча, Додо пыталась перевалиться в более удобную позу. Когда ей это удалось, она обнаружила, что за сломанным ящиком находится переборка, которую они до этого не замечали. Додо подошла

поближе, оторвала пару оставшихся досок, и увидела за ними тёмный металл люка.

— Стивен! Иди сюда!

Стивен спустился к ней и направил свою тягу к разрушению на то, чтобы сдвинуть остатки ящика. Запорами люка явно давно не пользовались, и бывшему астронавту пришлось немало попотеть, чтобы открыть их. Но в конце концов ему удалось раскрыть дверь. Она была гораздо меньше главного входа на склад, но достаточно большая, чтобы он смог выползти.

— Подожди меня здесь, — скомандовал он, но Додо была не в том настроении, чтобы слушаться; она тоже пролезла в дверь.

Они оказались в узком тоннеле, который вывел на небольшую платформу, расположенную высоко над главным трюмом корабля. Спуска вниз не было видно.

— Это всего лишь платформа для техобслуживания, — сделал вывод Стивен. — Чтобы техники могли работать вон с теми механизмами.

Он указал вверх на ржавеющий аппарат, бывший, по-видимому, частью конвейера, предназначенного для перемещения грузов по трюму. Додо села и повесила голову:

— Значит, нам это ничем не поможет?

Стивен хотел было согласиться с ней, но вдруг ему в голову пришла идея:

— Минутку! Видишь вон тот крюк наверху? — он указал на огромный металлический крюк, подвешенный на тросе к нижней стороне конвейера. — Если я долезу туда и стану сверху, моего веса должно хватить, чтобы заставить его двигаться вон к той платформе погрузки на той стороне трюма.

Додо эта идея не понравилась:

— Стивен, если ты не удержишься...

Мысль о том, что её друг упадёт на дно трюма с высоты около тридцати метров, была так страшна, что она боялась себе это даже представить. Но Стивен настаивал. Заверив Додо, что ничего не случится, он полез вверх по скобам в стене, которые были, по-видимому, предназначены для техников. Поднявшись до уровня конвейера, он наклонился и упёрся ногой в крюк, а затем качнулся всем телом и ухватился руками за трос крюка. Как он и предполагал, конвейер сразу пришёл в движение, и крюк, раскачиваясь, по пологому градиенту начал спускаться к платформе погрузки.

Продвижение Стивена над пропастью было мучительно медленным, а по всему трюму разносилось эхо работы древних механизмов. Несколько раз у Додо перехватывало дыхание, когда ей казалось, что её друг

вот-вот соскользнёт, полетит вниз, и разобьётся. Крюк сдвинулся лишь метров на тридцать, а затем вдруг механизмы закрипели, и конвейер резко остановился. Додо от волнения так сильно вцепилась в перила платформы, что пальцы у неё побелели. Она смотрела, как Стивен раскачивает крюк, чтобы сдвинуть его с места.

— Осторожнее, Стивен!

Усилия Стивена ни к чему не приводили. Он посмотрел на Додо:

— Я полезу вниз и свешусь с крюка. Тогда я смогу раскачиваться сильнее.

Додо была в ужасе:

— Не надо, Стивен! Это слишком опасно!

Не обращая на её слова внимания, Стивен аккуратно нагибался, перебирая руками вниз по тросу, пока не смог крепко взяться за крюк. Затем он выдернул ногу из крюка и повис на руках. Додо облегчённо вздохнула, увидев, что он удержался. Стивен крикнул в её сторону:

— Ну, начинаю!

Он начал раскачивать ногами, пытаясь раскачать весь маятник, но конвейер по-прежнему оставался неподвижен. Больше Додо не могла терпеть.

— Держись, Стивен. Я залезу наверх и постараюсь добраться до тебя.

— Нет! — в голосе Стивена послышалась паника.
— Ты не сможешь!

Не обращая внимания, Додо полезла вверх по стене.

Щёлкнув тумблером, Ёрма выключил экран на другом краю кабинета и вынул из встроенного в его стол видео-проигрывателя диск. Его центральный глаз задумчиво рассматривал диск, а другие два изучали Ану-Ака, сидевшего по другую сторону стола рядом со стариком, утверждавшим, что он Доктор.

— Полагаю, у вас есть лицензия на запись этого видеоматериала? — строго спросил буколианин.

Ану-Ак неуютно поёрзал на стуле:

— Ну... Не совсем

— Вы же понимаете, что это нарушение — записывать видеосигнал без соответствующей лицензии? — сказал Ёрма.

Доктор раздражённо сдвинулся на стуле:

— Мне кажется, что следует обратить большее внимание на содержимое записи, а не основания, на которых она была сделана!

Все глаза Ёрма повернулись на Доктора:

— Если этот материал был получен незаконными методами, его нельзя использовать в качестве доказательства.

Доктор решил немного поступиться своими принципами:

— Да, разумеется, я вас понимаю. Тем не менее, вы ведь пришли к каким-то выводам из того, что мы вам показали, хм?

Ёрма немного помолчал.

— Запись производит впечатление неподдельной, и я согласен, что ваша внешность идентична внешности человека, названного Доктором. С этим я не спору. А вот что вызывает у меня беспокойство, так это возраст этой телепередачи.

Ану-Ак повернулся к Доктору:

— Я же вам говорил.

Доктор бросил в его сторону испепеляющий взгляд, а затем обратился к Ёрма:

— Мой дорогой Ёрма, возрасту подвластны мы все. Просто мой возраст оказался больше, чем у большинства!

Ёрма задумался над словами старика:

— Мне кажется, что вы мне просто хотите сделать комплимент, Доктор!

Доктор обрадовался, что Ёрма назвал его «Доктором». Он хотел что-то ответить, но в это время снаружи раздался громкий шум. Он наклонил голову, прислушиваясь: звучали знакомые голоса, один из них с ужасным акцентом.

— Не смейте меня толкать, мистер!

Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл помощник Ёрма.

— Что это ещё за вторжение? — возмутился Ёрма тем, что не были соблюдены соответствующие процедуры.

Помощник жестом позвал двоих охранников, которые завели в кабинет недовольных Стивена и Додо.

— Этих двоих обнаружили за исполнением акробатических трюков в трюме космического лайнера, старший следователь, — объяснил заместитель.

— Стивен! Додо! — Ёрма был рад снова увидеть двоих молодых людей, пропавших на базаре.

— Не знаю, кто вы такой, но о ваших подручных я не очень высокого мнения, — жаловалась Додо, указывая на охранников.

Стивен заметил сидевшего в стороне Доктора:

— Эй, смотри, Додо. Это Доктор!

Ёрма в замешательстве почесал щупальцем лоб:

— Не понимаю. Вы зачем вернулись на борт лайнера?

Доктор встал и обнял своих спутников:

— Я подозреваю, Ёрма, что они вообще не покидали лайнер... до этого момента.

— Хотите сказать, что у нас разгуливают три самозванца? — недоверчиво спросил Ёрма.

— Это единственная теория, объясняющая все факты, — ответил Доктор. — Позвольте вам представить мистера Стивена Тейлора и мисс Додо Чэплет, моих очень близких друзей!

— Похоже, вы таки действительно Доктор, — признал Ёрма. — Но кто, в таком случае, мужчина, который лежит в нашей больнице?

Сверкая глазами, Доктор подошёл к следователю:

— Мой дорогой Ёрма, именно это мне бы очень хотелось узнать!

Ёрма повернулся к своему заместителю:

— Организуйте транспорт. Немедленно!

Летающему автомобилю Ёрма потребовалось десять минут на то, чтобы пробраться по перегруженным транспортом улицам к больнице. Доктор, Стивен, и Додо смотрели в окно, зачарованные видами города. Ану-Ак, однако, отказался сопровождать их в том путешествии, признавшись Доктору, что боится вопросов Ёрма о его видео коллекции.

Прибыв в больницу, они поспешили в отдельную палату, за ними увязался буколианский врач, требовавший объяснить ему, что происходит. Врач

остановил их возле двери в палату, протестуя, что его пациента нельзя беспокоить. Не обращая на него внимания, Ёрма раскрыл дверь.

В палате был беспорядок. Простыни были порваны, а стоявшая у кровати тумбочка валялась на боку, а её содержимое было разбросано по полу. Мужчины, назвавшегося Доктором, не было и следа.

Ёрма подошёл к нише, в которой оставляли одежду этого человека. Одежды там не было...

Ёрма распорядился, чтобы старика и двух его спутников разместили в одном из лучших отелей Буколя. Додо и Стивен стояли на балконе и наслаждались восхитительным видом на город, а Доктор и Ёрма сидели в комнате и обсуждали последние события.

Дождь несколько часов назад прекратился, и теперь с гор дул тёплый бриз, шевеля волосы Додо. Она глубоко вдохнула вечерний воздух, словно могла таким образом впитать в себя богатую атмосферу этого города.

— Это превосходно! — воскликнула она. — Старый унылый Лондон и рядом не стоял.

— Впечатляет, — согласился Стивен. — Вообще-то, мне он очень сильно напоминает Лондон... гораздо позже твоего времени, разумеется.

— Ты хочешь, чтобы я почувствовала себя старой?
Стивен хитро улыбнулся:

— Ну, ты же родилась за несколько сотен лет до меня!

Додо заметила разноцветные огни, вспыхивавшие и двигавшиеся на фоне тёмного вечернего неба, и показала их Стивену. В этот момент к ним на балкон вышли Ёрма и Доктор.

— Это Карнавал Всемировой Гармонии, — объяснил Ёрма.

— Карнавал! — взвизгнула Додо. — Можно нам на него сходить? Ты же пойдёшь, Стивен?

— Конечно. Ёрма? Доктор?

— Подобного рода безрассудства не соответствуют моему темпераменту, — признался Ёрма, — но я распоряжусь, чтобы кто-нибудь из моих офицеров сопровождал вас. Я не хочу вас снова потерять!

— Я, пожалуй, останусь тут и проведу время с нашим хозяином, — сказал Доктор своим спутникам. — Мы только что выяснили, что разделяем интерес к авилианской архитектуре... Пятой династии, разумеется. А вы идите и развлекайтесь!

Карнавал Всемировой Гармонии был похож на все ярмарки, на которых бывала Додо, собранные в одной, и даже больше! Колесо обозрения превзошло её самые

смелые фантазии. Он было не только больше, чем все остальные, которые она видела, но ещё поразительнее было то, что пассажиры сидели не в раскачивающихся креслах, а плавали в невесомости в прозрачных кабинках. Остальные аттракционы были столь же поразительны, Додо и Стивен побывали в голографических имитациях планет с дальних окраин космоса, посмотрели в виртуальной реальности исторические события, имея возможность принять в них участие.

Позже, оставив буколианский эскорт немного позади, друзья бродили среди палаток и киосков, предлагавших всевозможные чудесные и загадочные товары. В одной из больших витрин они обнаружили ракушки, в которых было слышно не только море, но и звуки леса во время дождя, тропические лагуны, и другие места. Когда они решили полакомиться деликатесами в пранганском киоске, один из буколианских офицеров догнал их и тревожным голосом сказал:

— Простите, что прерываю ваш отдых, но я только что получил распоряжение вернуть вас в штаб полиции. Боюсь, это что-то важное.

Заволновавшись, что случилось что-то серьёзное, Стивен и Додо тут же согласились следовать за офицером. Как только они ушли, обедавший рядом с

ними человек быстро закончил есть и пошёл вслед за ними.

Буколианин отвёл Стивена и Додо в тихое место на краю ярмарки, где было припарковано множество футуристических фургонов. Стивен осмотрелся, но полицейской машины среди них не увидел.

— Зачем вы нас сюда привели? — потребовал он.

Не успел офицер им ответить, как следовавший за ними человек вышел из-за одного из фургонов. При его безвкусном разноцветном наряде он вполне мог бы быть одним из клоунов, но он держался с такой важностью, которая не соответствовала его наряду.

— Вы знаете, — сказал он, — я впервые вижу, чтобы буколианский офицер обращался с гражданами не в соответствии с установленной процедурой.

Стивен и Додо удивлённо смотрели, как офицер полиции начал мерцать и изменяться. Несколько мгновений спустя перед ними стоял высокий гуманоид с острыми чертами лица. Майклез холодно посмотрел на Доктора:

— Вам пора уже быть мёртвым.

Доктор двинулся в сторону мэйлеанина:

— К счастью, вы недооценили мою физиологию, Майклез.

Майклез быстро вынул из внутреннего кармана пиджака сферический бластер.

— Не подходи!

— Что происходит? — вмешался Стивен.

— Тихо! — приказал Майклез, махнув бластером в их сторону. — Можете прекратить изображать других, — Майклез шагнул назад, чтобы хорошо видеть и Доктора, и Стивена с Додо. — В чём-то я даже рад, что ты всё ещё жив, повелитель времени. Это значит, что ты станешь свидетелем смерти этих мутантов, которых ты так защищал!

Мэйлеанин направил бластер на Стивена и Додо.

— Нет, Майклез! — ужаснулся Доктор. — Это не мутанты!

— Думаешь, меня так легко отвлечь, повелитель времени?

Не понимая, что происходит, Додо от страха прижалась к Стивену.

— Послушайте меня, Майклез, — настаивал Доктор, шагнув к охотнику. — Вы совершаете ужасную ошибку. Это не мэйлеанские мутанты. Это настоящие Стивен и Додо!

Майклез на мгновение заколебался, холодно посмотрел на Стивена и Додо, но затем снова поднял оружие:

— Нет, это ложь! — прицелившись, он провозгласил. — По велению всего, что чисто и лишено недостатков, я исполняю свой долг, лишая вас жизни!

Внезапно Доктор бросился вперёд, завалив мэйлеанина умелым приёмом регби. Ударившись об землю, Майклез сжал палец на курке бластера, и стоявший рядом караван взорвался, охваченный пламенем. Обломки посыпались сверху на борющихся на земле Доктора и Майклеза. Стивен и Додо смотрели, как их спаситель отчаянно пытается вырвать из руки другого мужчины бластер. Вскоре стало ясно, что из них двоих сильнее Майклез: он подносил бластер всё ближе и ближе к голове противника.

Додо внезапно бросилась действовать. Схватив один из обломков фургона, она побежала к ним и ударила обломком Майклеза по руке. Мэйлеанин закричал от боли и выронил бластер. Доктор быстро перевернулся, вскочил на ноги, и схватил выпавшее оружие. Стивен подошёл, чтобы схватить мэйлеанина, но Майклез заметил его приближение и, сделав подножку, швырнул его в Доктора. Они вдвоём упали, а Майклез тем временем скрылся в ночи.

Доктор встал первым и помог встать Стивену.

— Слушайте, простите за грубость, но кто вы вообще такой? — спросила Додо.

— Можно сказать, что я тот, кого вы уже знаете, — ответил Доктор, отряхивая одежду. — Простите, мне нужно торопиться. Надо поймать мэйлеанина.

Когда он скрылся в ночи вслед за Майклом, Додо повернулась к Стивену:

— Это был человек, которого нам описал Ёрма. Тот, который назвался Доктором!

Спрятавшись за опорой чёртового колеса, Майкл думал над тем, что ему делать дальше. Он принял решение. Его тело задрожало и засияло, и он приобрёл вид того Доктора, с которым только что дрался. Выйдя из-за опоры, он направился к буколианским полицейским, которые сопровождали Стивена и Додо. Он был уверен, что его, как Доктора, примут с раскрытыми объятиями.

Тихонько хихикая, Доктор смотрел со стороны, как протестующего мэйлеанина арестовали. Радость его была недолгой: он вдруг понял, что лучше бы ему на вид не показываться, а то его и самого арестуют!

По мнению Ёрма, Майкл был одним из самых надменных и гадких обвиняемых, которых ему доводилось допрашивать. Мэйлеанин даже не пытался скрывать свои предубеждения, и открыто признал, что единственной целью его прибытия на Буколь было убийство двух сбежавших с его планеты мутантов.

Несмотря на всё большее отвращение, буколианин старался сохранять профессиональную беспристрастность во время допроса.

Когда Ёрма наконец оставил Майклоза под надзором своего заместителя, то обнаружил, что во рту у него мерзкий привкус. Он пошёл в VIP-номер космопорта, где старый путешественник и его друзья отдыхали после своих приключений. Ужиная с ними, он рассказал о том, что Майкловз и не думал каяться, к тому же испытывал отвращение к многонациональной культуре Буколя.

— Надеюсь лишь на то, — подытожил он, — что те двое несчастных существ, на которых он охотился, смогли от него сбежать.

Увидев удивлённое лицо Доктора, Ёрма закатил свои глаза, что у буколиан было эквивалентно улыбке:

— Думаю, это тот случай, когда наши иммиграционные законы были поправлены во имя справедливости!

Они все засмеялись.

— А как Майкловз сейчас выглядит? — спросила Додо.

Ёрма одним из щупалец почесал голову — он был явно озадачен.

— Вы же помните, — сказал Стивен, — мы видели, как он полностью менял свою внешность.

Ёрма был потрясён:

— Мне об этом никто не сказал!

— Да ладно вам, — сказал Доктор. — Вы разве не знаете о способностях мэйлеан?

— Разумеется, я знал, что он пародист, но понятия не имел, что он оборотень.

Буколианин в возбуждённом состоянии вышел из номера и направился к месту предварительного заключения. Доктор, Стивен, и Додо поехали вместе с ним. Прибыв на место, они обнаружили заместителя Ёрма лежащим мёртвым в луже пурпурной крови. Потрясённый Ёрма включил коммуникатор на запястье:

— Приёмная? Немедленно перекрыть все выходы! Никого без моего разрешения не впускать и не выпускать.

— Так точно, сэр... — последовал ответ. — Но ваш заместитель только что вышел.

Было раннее утро, и на месте карнавала было безлюдно. Посетители уже давно разошлись, а усталые существа, заведовавшие аттракционами и киосками, пошли отдыхать в свои фургоны.

Доктор смотрел, как за чёртовым колесом встаёт солнце, и его яркие лучи медленно расползаются по ярмарочной площади. В утреннем свете он рассмотрел,

что его разноцветная одежда после борьбы с Майклом нуждается в стирке. Эти обыденные мысли он быстро прогнал, когда к нему приблизились два клоуна и начали исполнять свой номер. Он засмеялся, когда один из них огромным башмаком сделал другому подножку, и второй умело кувыркнулся на землю. Когда их экспромт подошёл к концу, Доктор заплодировал им, а они по очереди поклонились. Затем он с таким же восхищением смотрел, как они мерцали и превращались в свой естественный вид — двух молодых мэйлеан, которых он доставил на Буколь на лайнере.

Красивая они пара, — подумал Доктор. — Только мэйлеане могли быть так фанатичны, чтобы охотиться на них только лишь потому, что они начали сочувствовать к другим существам, и начали испытывать чувства друг к другу.

Склонив голову, Ализа подошла к Доктору:

— Доктор, мы сделали... много предосудительного с тех пор, как не виделись с вами. Когда вы исчезли на борту «Иллирии», мы поняли, что Майклом, должно быть, схватил вас, или даже убил.

— Да, — согласился с ней Орс. — А так как мы все были без билетов, мы не могли обратиться за помощью к властям.

— Но затем мы случайно обнаружили, что оно из ваших прежних воплощений тоже на борту лайнера, и...

— И? — мягко спросил Доктор.

— И мы заперли его спутников на складе, и заняли их места, — призналась Ализа.

— Понимаете, мы испугались, — торопливо объяснял Орса. — Мы подумали, что если сможем пройти через таможню и придём сюда, то всё будет в порядке. Но Майклез оказался очень умный, и всё пошло совсем не так.

Доктор задумчиво смотрел на них:

— Да, я примерно так всё и предположил. Я абсолютно не одобряю то, как вы обошлись с бедными Стивеном и Додо, но я понимаю, почему вы поступили именно так. Тяжело жить в страхе. К счастью, никто не пострадал.

Ализа умоляюще посмотрела на Доктора:

— И вы отведёте нас в Убежище?

Доктор широко улыбнулся:

— Не бойтесь, друзья мои. Очень скоро вы навсегда скроетесь от Майклеза и ему подобных. Скоро сюда придёт Привратник.

— Но откуда вы знаете? — спросил Орса.

Доктор пожал плечами:

— Убежище было создано моим народом, повелителями времени. Это было миллионы лет назад, ещё до того, как им разонравились приключения и они отвернулись от того, что происходило на других планетах. Они обнаружили, что здесь, на Буколе, было что-то необычное, что нарушало работу их машин времени; другое измерение, что-то вроде мини-вселенной, которая сосуществует с этой, но не взаимодействует с ней.

Доктор задумчиво почесал подбородок, вспоминая о том, как он впервые узнал о существовании Убежища во время своего краткого вторжения в Матрицу, хранилище всего знания повелителей времени. Буколиане хотя и гордились тем, что их планета была пристанищем для обездоленных, но не знали о том, что она была ещё и совершенным Убежищем для тех существ, кого остальные считали уродами или извращенцами. Жители этого странного измерения могли заглядывать в обыденную жизнь Буколя, но лишь самые наблюдательные могли мельком заглянуть отсюда туда, и обычно им казалось, что они видят призраков. Раздумья Доктора прервались, когда к нему обратился Орс.

— Сюда кто-то идёт, — прошептал мэйлеанин.

Через ярмарочную площадь беззаботно брёл карлик, одетый в разноцветную одежду циркача. На

мгновение показалось, что он пройдёт мимо, но внезапно он повернул прямо к ним. Он стал, засунув руки в карманы, и холодно смотрел на Доктора.

— А не слишком ли рано вы пришли? — произнёс карлик со странным монотонным скрипучим голосом.

— У меня никогда не получалось приходить вовремя, — улыбнулся Доктор.

Карлик тоже улыбнулся:

— Смешно такое слышать от повелителя времени.

— Быть повелителем времени у меня тоже не очень-то получалось, — не стесняясь, признался Доктор. — Ализа, Орса, познакомьтесь с Привратником Убежища.

Хитро рассмеявшись, Привратник взял мэйлеан за руки и повёл их на открытое пространство в центре ярмарочной площади. Из кармана он вынул маленький кристалл, похожий на звезду, и неожиданно подбросил его в воздух. Падая, кристалл начал сиять, и, коснувшись земли, поднял большое облако пыли, абсолютно не соответствующее его маленьким размерам. Облако, внутри которого пульсировал свет, постепенно образовало красивую золотую арку.

Ализа и Орса удивлённо переглянулись. Сквозь арку они увидели то, что, как они знали, должно было быть раем.

Привратник вернулся к Доктору, два мэйлеанина помахали им на прощание и, взявшись за руки, пошли навстречу новой жизни, сияя от радости, увидев за аркой множество встречающих их существ, приветствующих их каждый по своим обычаям.

Как и Ёрма ранее, Доктор почувствовал необходимость процитировать слова Эммы Лазарус, написанные на далёкой планете Земля на Статуе Свободы:

*«А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Я им свечу у двери золотой!»*

— Нет! — внезапно раздался крик Майклоза.

Ализа и Орса в ужасе обернулись на голос охотника, мчавшегося к ним с круглым бластером в руке. Доктор хотел броситься ему наперерез, но Привратник его удержал:

— Нет, Доктор! Смотрите. Врата закрываются.

Медленно, но верно, арка сжималась, её золотое свечение угасало. Майклоз поднял бластер и прицелился в исчезающих мутантов. Выстрел раздался как раз в тот момент, когда арка исчезла окончательно.

Выстрел оружия Майклоза наткнулся на остаточную энергию арки, и Доктора с Привратником швырнуло на землю. Прикрывая рукой глаза от света,

Доктор увидел, что Майклез повис в воздухе тёмным силуэтом на фоне светящегося вихря. Ткань пространства и времени исказилась.

Лицо мэйлеанина исказилось от ужаса. Словно человек, тонущий в зыбучем песке, он размахивал руками в отчаянной попытке освободиться. Но ему не за что было ухватиться.

Внезапно наступила абсолютная тишина. Майклез исчез без следа.

Привратник помог Доктору встать.

— Временный разрыв континуума, — объяснил он.
— Ничего необратимого.

Доктор подошёл к тому месту, где возникала арка, и аккуратно поковырял пыль ногой:

— А Майклез?

— Он может быть где угодно в пространстве и времени. Если вообще выжил.

Доктор нагнулся, чтобы рассмотреть расплавленные остатки бластера, а карлик засунул руки в карманы и весело побрёл прочь.

Дойдя до конца рассказа, Сильверман снова издал дрожащий вздох и расслабился. Неземное свечение его костлявых рук снова угасло, и комната вновь стала нормальной — насколько нормальной она вообще могла быть.

Моего клиента странно взволновали эти последние откровения. Словно окаменев, он молча сидел с мрачным, задумчивым выражением лица.

— Вы что-нибудь в этом поняли? — спросил я его.

С таким же успехом я мог бы задать этот вопрос столику. Я повернулся к Сильверману:

— А вы?

— Ну, — ответил он, на секунду задумавшись, — Доктор действительно умеет менять свою внешность; и мы знаем уже шесть разных обликов, которые он принимал.

— Да, парень в карнавальном костюме, — я задумчиво потёр подбородок. — Один и тот же человек, но в шести разных ипостасях...

Я снова посмотрел на незнакомца, но он неподвижно сидел в кресле, избегая моего взгляда.

— Хотите, чтобы я попробовал ещё один предмет? — спросил ясновидец.

— Что же, давайте, — сказал я. — Попробуем ещё разок.

УЗНИКИ СОЛНЦА

Тим Робинс

Волна времени пронеслась по планетной системе Кастербероус. На её гребне боевой флот вошёл в гравитационный колодец Галлифрея. Столбы плазмы прорвались сквозь трансдукционные барьеры, вызвав сейсмические волны до самого ядра планеты. Верховный Совет повелителей времени, собравшийся в зыбкой безопасности своего убежища, выяснил, что боевой флот был земного происхождения, и пришёл к выводу, что они сами создали причину своих проблем.

Это был первый случай спонтанного самовозгорания человека, который ей довелось увидеть.

Инженер Сайлоу стоял у своего пульта, проводя компьютерную диагностику систем. Показания приборов удивили его, и он обратился за помощью к ней. Затем он спросил:

— Тут что, солнечнее, чем обычно, или маленькие зелёные человечки баловались с нашими кондиционерами?

Она подумала, что он шутит. Не было жарко, кондиционер работал исправно. Оборудование

необходимо было содержать при такой низкой температуре, что это было самым холодным местом во всей Солнцеловке.

Через несколько секунд инженер Сайлоу вспыхнул.

Она бросилась к шлюзу и закрыла за собой дверь как раз в тот момент, когда противопожарная установка вытянула из комнаты весь кислород.

Успокоившись, что находится в безопасности, она посмотрела на монитор. На мониторе была пара рабочих ботинок и кучка чёрного пепла: всё, что осталось от инженера Сайлоу.

Она включила медицинскую тревогу. Медики тут же направились к ней. Но первым прибыл директор. Когда он зашёл в комнату, она поняла, что в Солнцеловке происходит что-то ужасное.

Об купол собора Святого Павла тихо плескались волны. Доктор прикрыл ладонью глаза от яркого полуденного солнца. С вершины купола ему было видно маленькие катера, чёрным цветом похожие на лондонское такси. Катера развозили туристов и бизнесменов между историческими памятниками и небоскрёбами, превратившимися в поросшие папоротником архипелаги.

Доктор спустился к воде, зачерпнул её рукой и попробовал на вкус. Она была тёплая, солёная,

загрязнений было на удивление мало. Он сел и прислушался к жужжанию водных лыжников и смешному рёву игуан. Сидевшая на его колене стрекоза, зажужжав, улетела прочь, в сторону камышей.

Доктор снял с себя вельветовый пиджак, расстегнул рубашу, и отбросил туфли. Он не мог вспомнить, когда в Лондоне было так жарко? Никогда. Ни в прошлом, ни в будущем. Вот в чём проблема. Когда было это настоящее?

Он стянул носки и опустил ноги в воду. Подложив под голову пиджак, он лёг и задумался. Паниковать ему было не к лицу.

С тех пор, как его сослали на Землю, он приложил много сил к формированию своей личности. В этом деле выбор одежды был особенно важен, ибо, будучи повелителем времени, он имел не так уж много способов самовыражения. Его теперешний костюм изображал его учтивым, искушённым, активным джентльменом. В его основу легла одежда, позаимствованная Доктором в больнице Эшбридж Коттедж, где его содержали после унижительного прибытия на Землю. Впрочем, фетровая шляпа впоследствии была признана неудачным решением и теперь покоилась в сундуке в ТАРДИС.

Костюм также помог ему воспитать уместную, как он считал, личность: по-отечески заботливый к молодым женщинам; сосредоточенный и энергичный при работе над научными проблемами; внимательный, но заносчивый по отношению к представителям власти; сосредоточенный и динамичный при возникновении угроз Земле. Разные люди, разумеется, воспринимали его по-разному. Молодые женщины считали, что он относится к ним свысока, представители власти считали его наивно педантичным, монстры считали его наглым и нелепым, пока он их не побеждал, после чего они решали, что он невероятно опасен и первый в очереди на уничтожение при следующем нашествии.

Лёжа на куполе, Доктор размышлял над тем, как правильно следует прореагировать на то, что его внезапно швырнули сквозь вихрь времени и бесцеремонно бросили в другой эпохе, не оставив для возвращения даже консоли ТАРДИС.

В этот момент он услышал гул быстроходного катера и понял, что помощь близка.

Затем он услышал сирену и увидел форму капитана военно-морского флота.

Потом он увидел на борту катера эмблему UNIT и снова начал махать рукой.

Вначале ему показалось, что моряк UNIT куда-то пригнулся. Катер медленно подплыл к куполу и уткнулся в него носом. Доктор потянулся рукой, поймал швартовый, остановил катер и запрыгнул на борт. И только тогда он понял, что моряка застрелили. Доктор осмотрел тело и рассчитал траекторию пули. Стрелять должны были с крыши собора. Он обернулся. Убийца стоял у него за спиной.

— Выйти из катера!

На убийце, похожем на спецназовца, была тёмная одежда и чёрный вязаный капюшон. По лицу был размазан чёрный крем. Ночной камуфляж жутко не соответствовал похожему на карибское небо и белому куполу собора.

Доктор прищурился. Голос боевика показался знакомым, но черты лица разобрать не удавалось.

— Боюсь, я уже разучился ходить по палубе. Вы не могли бы подать мне руку?

Боевик напряг палец на курке. Доктор решил попробовать другой подход:

— Быть может, обсудим это как разумные формы жизни? Я ненавижу насилие.

Когда Доктор приближался, боевик отвлёкся и немного расслабил руки. Через секунду левая пятка Доктора ударила боевика по голове, лишив его сознания.

В этот момент к драке присоединились ещё три боевика, спустившихся с купола по верёвкам. За ними спускались ещё трое. Они пробирались между ржавыми трубами строительных лесов, окружавших крышу. Не обращая внимание на выпавшее оружие, Доктор стал в стойку, перенеся вес на заднюю ногу. Теперь нападающих было шестеро, они двигались без суеты, организовано и уверенно. Они были обучены рукопашному бою, но ведь это Доктор обучал Брюса Ли.

Доктор прыгнул. Когда его тело было параллельно земле, он ударил ногами двух противников, третьего вырубил головой, перелетел через его тело, а затем также расправился с оставшимися тремя. Идеальный двойной санкактоби.

Доктор был мастером венерианских единоборств. Его сенсеем была Дзен-голограмма, созданная Тойотой, выкупившей эту курортную планету, когда её северо-американские попечители обанкротились. Он посетил Венеру в своём более раннем воплощении, когда его тело преждевременно состарилось от избытка опасностей, во время которых он чудом избегал смерти. Теперь же, в более молодой и сильной форме, его тренировки привели к поразительным результатам.

— Кийя! — Доктор ударил ногой, затем рукой, а затем наступил на колено нападавшего. Раздался хруст вывихнутого сустава. Внезапно Доктор почувствовал тупой удар по собственной ноге. Он споткнулся. Вторая пуля ударила ему в плечо. Обернувшись, он увидел, что киллер целится ему в голову, и, наконец, узнал его. Сержант Бентон выстрелил ещё раз.

С наблюдательной площадки Телекоммуникационной Башни Себастьян Эдж, главный помощник министра туризма и общественного порядка, смотрел на Лондон и улыбался. Это просто мечта тур-агента. Под карибским закатом он всё ещё мог различить сверкающие батискафы турфирмы «Утонувший мир», опускавшей туристов под воду, чтобы показать им тайны Большого Рифа Барбикан. Любители-аквалангисты ныряли с лодок со стеклянным дном, чтобы поплавать среди тропических рыб в бетонных лабиринтах Уэст Ван.

Вдали Эдж заметил кортеж UNIT, медленно поворачивавший к Башне со стороны Уэстминстерского Аббатства. За ними следовал легко узнаваемый, похожий на ската корабль на подводных крыльях. Эдж нервно поправил ворот своего френча. Ещё немного, и он будет встречать Гелиоса, директора

Элиты Власти. Организация охраны была просто кошмаром, как и составление списка гостей.

Эдж вспомнил времена, когда получал от работы удовольствие, до того, как ему пришлось заниматься вопросами общественного порядка. Общественный порядок всегда был частью заданий его министра. Когда уровень воды поднялся, большую часть населения пришлось переселять; куда-нибудь подальше от моря, в основном в горы Уэльса. Но сейчас большую часть его времени отнимали политика, контрразведка, и военные дела.

И всё это было по вине террористов. Эдж не понимал, зачем им так нужно было всё портить. Все соглашались, что у Лондона есть будущее только в качестве туристического центра. Особенно сейчас, когда биржа была перенесена на геостационарную орбиту.

Закат постепенно угасал. Эдж смотрел, как водный кортеж движется поверх утонувших улиц, скверов, которые почти не оказывали влияния на современные водные пути, проходящие по городу.

Внутри судна на подводных крыльях директор Гелиос из директората Элиты Власти по энергетике, скорости, и информации, спроектировал в левый нижний угол своих солнцезащитных очков своё расписание на ближайший час.

18.20: Причалить к Телекоммуникационной башне.

18.23: Подняться на лифте в конференц-зал.

18.25: Официальное приветствие по пути в аудиторию.

18.27: Провести презентацию о завершении Сети Virilio.

18.37: Ужин, обмен любезностями с министром туризма и общественного порядка.

18.45: Извиниться.

18.46: Улететь с вертолётной площадки на крыше.

18.47: Пронаблюдать за нападением террористов.

19.15: Прибыть в Солнцеловку.

20.20: Сесть на космический шаттл «Дедал».

Директор Гелиос немного подумал и внёс в своё расписание важную поправку. Он вычеркнул извинения в 18.45. Это позволит ему улететь на минуту раньше. «Возрождение Иерусалима», как и все остальные террористические группировки, отличались отсутствием пунктуальности, а он не хотел оказаться в гуще событий. К тому же, он не хотел извиняться. Ни за что.

Было 18.25.

— Сим.

— Да прибудет с вами Сим, директор, — сказал Эдж, сложив руки в принятом жесте приветствия.

На Гелиосе был надет стреловидный боевой шлем: смесь вело-шлема и шлема солдата из «Звёздных Войн», с матовым опускающимся забралом и с косой черепной частью, под которую был заправлен блестящий асбестовый полимерный доспех. Эдж подумал, что в доспехе директор выглядит стройнее, похожий на героев научно-фантастических фильмов пятидесятых, хотя единственной видной частью тела была костлявая скула, тонкие, сжатые губы, и очень бледная кожа, свойственная всем из Элиты Власти.

Директор прошёл в аудиторию. Когда Эдж его догнал, он уже занимал своё место у изящной пластиковой кафедры. Множество представителей армии, правительства, промышленности, и модных журналов с беспокойством ожидали новостей.

— Сим, — сказал директор Гелиос. — Сеть Virilio завершена.

Возникла голограмма, изображающая сеть компьютерных систем, охватывавших всю Землю. Эдж осмотрел схему. Он обратил внимание на отсутствие на ней континентов. Сеть Virilio была нервной системой без тела, неземной сетью, чьи электронные щупальца пересекались только в пяти узловых точках — на спутниках, находившихся чуть выше ионосферы.

Пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип.

Присутствующие встали и встретили голограмму бурными аплодисментами. Кто-то даже присвистнул. В окружении аплодисментов и паров алкоголя, Эдж подошёл поближе, чтобы слышать, что говорит директор Гелиос. Директор произносил речь. На глазах Эджа были слёзы облегчения. Он начал громко хлопать.

— Делегаты. Друзья мои, — сказал Гелиос. — Наконец, Сим при нашей жизни: глобальный, беспомеховый, свободный поток информации стал нам доступен.

Снова аплодисменты. Эдж вспомнил, что ему нужно выйти и уладить некоторые дела.

— Наша сфера влияния завершена, — продолжал Директор. — Энергетика, армия, транспорт, и вот теперь информация. Наступает новая эпоха.

Пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип.

Директор Гелиос услышал приближающийся к Башне вертолёт и понял, что террористы появятся даже раньше, чем он опасался. Глупые люди. Придётся пропустить ужин.

— Пришло время забыть. Пришло время мыслить по-новому: новые мысли о новом мире.

Пришло время уходить. Директор Гелиос завершил свою речь и украдкой подал сигнал своему вертолёту. Придётся им встретиться над Башней.

Пи-ип, пи-ип, пи-ип.

Рядом с аудиторией Эдж проверял, прибыл ли буфет. Несколько человек из UNIT уже выпивали в баре. В плексигласовом окне Эдж увидел, что что-то летело к Башне. Было уже темно, но ему удалось разглядеть силуэт вертолѐта.

— Боже правый! Это же модель 47G-3B-2! Много лет я уже таких не видел.

Это сказал генерал Монро. Эдж припоминал, что генерал сделал что-то важное во время сражения с автонами, но не помнил, что именно.

— Кажется, их любили использовать итальянцы, — продолжал Монро. — UNIT купили больше десятка таких.

— А как у них с манѐвренностью? — спросил Эдж. Он переживал. Он не припоминал, чтобы в обеспечении безопасности презентации были задействованы вертолѐты. — К примеру, сможет ли он повернуть до того, как долетит до нас?

— Только если сбавит скорость.

Генералу было приятно блеснуть своими знаниями перед гражданским. Как и многие высшие чины UNIT, он продвинулся по службе скорее благодаря преданности Элите Власти, чем благодаря своей компетенции.

— Двигатели «Lycoming engines». Мощные, но скорость взлёта всего триста метров в минуту, и...

Пи-ип, пи-ип.

— Ух ты! А вы не думаете, что эта чёртова хрень должна нас убить?

Именно так Эдж и думал. Он принял волевое решение: он решил бежать. На бегу он заметил директора, спешащего по лестнице на наблюдательную площадку. Эдж побежал за ним.

Пи-ип.

Вертолёт врезался.

Телекоммуникационная Башня была достопримечательностью с самой своей постройки в 1960-х. Тогда её называли Почтовой Башней, и какое-то время она была символом всего современного в Лондоне шестидесятых годов. На короткое время она стала домом для компьютера WOTAN, затем она досталась военным, которые добавили ещё тридцать метров радиолокационного оборудования, предназначенного для обнаружения межконтинентальных ракет. Это всё давно уже не использовалось.

Сейчас Башня выглядела особенно впечатляюще. Со стороны туристам казалось, что огромный огненный гриб был частью великолепного светового

шоу; они интересовались, как приобрести билеты на следующее такое представление.

Внутри же Башни, одетые в чёрное, как менестрели, боевики добивали оставшихся гостей. Эдж выбежал на наблюдательную площадку, где его встретил директор.

Улыбаясь, Гелиос схватил Эджа рукой и швырнул его через парапет.

— Осторожнее на последней ступеньке, — сказал он. — На ней убиться можно.

Когда Себастьян Эдж долетел до воды, он летел уже так быстро, что с таким же эффектом мог упасть на бетон. За секунду до того, как его кости разбились, он понял, что так и не получит добавку к зарплате, а значит так никогда и не сможет себе позволить причал в порту Найтсбридж, о котором всегда мечтал.

А наверху на наблюдательную площадку выбежали два боевика. Директор Гелиос дёрнул вшитый в его пояс шнур. Над его головой надулся гелием шар и тут же унёсся ввысь. Один из боевиков выстрелил в него короткой очередью.

— Бросьте, солдат, — посоветовал командир. — Он своё ещё получит.

Над Башней, из вертолёт навстречу Гелиосу спустился трос со страховочной системой. Когда его вертолёт улетал к северу, в направлении Солнцеловки,

Гелиос представлял себе последние моменты Башни: она ломается пополам; по периметру основания оставшегося обломка детонирует пластиковая взрывчатка, обломок рушится, его куски падают в море. Операция прошла успешно.

Огни на бульваре Детонации горели тускло. В оставшиеся до комендантского часа несколько минут, женщины и дети сидели снаружи, греясь во впадинах викторианской кирпичной кладки.

Капитан Йейтс целеустремлённо шёл, грязь на его пути доставала до его голеней. Временами он останавливался, чтобы ответить на приветствия «Невинных», как он любил называть людей, которых охраняли его солдаты.

Большинство тоннелей построенной в девятнадцатом веке канализационной системы были названы в соответствии с чёрным юмором его солдат: Напалмовая улица, Узи авеню, терраса Брошенных Гранат. Более важные маршруты были названы в честь знаменательных церемоний, некогда определявших ход национальной жизни Британии. Улица Коронации, к примеру, вела прямо под Британскую Библиотеку. Именно туда сейчас направлялся Йейтс, поскольку центр его операций находился в одном из огромных хранилищ Библиотеки.

Руководить сопротивлением из самого центра столицы было непросто. Враги были повсюду, хотя они, как подозревал Йейтс, уже утратили интерес к его войне на изнурение. Он знал, что атака на Телекоммуникационную Башню всё изменит.

Йейтс подошёл к ржавой железной лестнице и полез по ней вверх, в Библиотеку. Его кабинет был заставлен предметами, собранными за многие годы во время вылазок в музеи, галереи искусств, и магазины игрушек.

Иногда Йейтс рассматривал их часами: пара футбольных бутс; кружка в честь женитьбы принца Чарльза и леди Дианы Спенсер; комикс «Орёл»; жестянка с леденцами; фотография его матери; обложка «Radio Times» от 23 октября 1993 года; фигурка супер-героя с орлиным взглядом и хватающими руками; билет из лондонской подземки; каштан; фунтовая банкнота; банка джема; детская железная дорога. Они напоминали ему о Британии, которая однажды восстанет из-под волн. Йейтс верил, что ждать осталось уже не долго.

Нападение на Телекоммуникационную Башню было лишь отвлекающим манёвром, — думал он. Основную же задачу его подразделения выполняли в Северном Море. Под водой была восстановлена до рабочего состояния атомная подводная лодка. На ней

было всего две ракеты «Трайидент», но этого было достаточно. Одна из них будет взорвана в воздухе. Её электромагнитный импульс выведет из строя все компьютерные системы северного полушария. Вторая будет взорвана на поверхности земли. Она погрузит Землю в ядерную зиму, «естественный» экран от спутникового источника могущества Элиты Власти.

Правда, план не был лишён рисков. Элита Власти могла использовать спутниковые солнечные электростанции как направляемое энергетическое оружие. Один такой спутник находился на геостационарной орбите над Северным Морем, он излучал энергию вниз, на искусственный остров, известный как Солнцеловка. Эту систему будет просто перекалибровать для перехвата ракет. Элита Власти однажды уже так делала. Солнцеловку нужно вывести из строя до того, как подводная лодка запустит ракеты.

Йейтс также волновался, что Невинные могут пострадать от репрессий из-за атаки на Башню. Но сейчас были опасные времена. То, что не убивало тебя, умирало само.

Йейтс сел в обитое кожей кресло. Ему нужно было расслабиться, поэтому он направил пульт и одновременно включил телевизор и проигрыватель лазерных дисков.

На диске Сара Уокер пела «Rule, Britannia» в последний вечер концертов в Альберт Холле. Под её раскрытыми руками развивался британский флаг. Йейтс проникался радостью зрителей. Но этот диск был частью образовательной программы, и очень скоро патриотическую музыку сменили комментарии о «вымышленных сообществах» и «придуманных традициях».

Йейтс снова выбрал концерт, приглушив всё, кроме музыки. Но настроение было уже не то. У него снова начала болеть нога, хотя её и ампутировали почти год назад после неудачного налёта на Британский Музей. Теперь из его ноги было сделано чучело, которое стояло в стеклянном футляре среди других памятных предметов в его комнате.

В дверь постучали.

Капитан Йейтс натянул на лицо шерстяную маску, которая скрывала всё, кроме его глаз и рта. Сержант Бентон вошёл и отдал честь. Йейтс тоже отдал ему честь. Два боевика зашли вслед за Бентоном и водрузили на стул пленника. Они сняли с его глаз повязку, вынули из ушей затычки, и затянули туже тросы, которыми его руки были связаны у него за спиной.

Йейтс подошёл к стулу, схватил мужчину за измазанную кровью шевелюру, и запрокинул его

голову. Значит, в докладах была правда. Это был Доктор. Великий Предатель собственной персоной.

— Вам повезло, что вы сюда добрались, Доктор. Мои солдаты хотели казнить вас без суда.

Доктор попытался заговорить. Его губы опухли и затекли.

— Если я военнопленный, то, полагаю, вы соблюдёте Женевскую конвенцию.

— Женевскую конвенцию? — фыркнул Йейтс. — Действие Женевской Конвенции на предателей не распространяется.

— Предателей? — Доктор не понимал.

— Вы предали Землю и Британскую нацию. Ваши действия привели к смерти патриотов. Вы воспользовались своей грязной инопланетной наукой, чтобы поработить эту планету. И вы опозорили имя UNIT.

Йейтс почувствовал, что теряет контроль. Он вспомнил о временах, когда ООН впервые стала пешкой Элиты Власти, и он собрал группу солдат UNIT, которые всё ещё были преданны демократии и Короне. Это было двадцать лет назад, и за последующие годы на его глазах погибло много хороших ребят. Затем он вспомнил бригадира и ту роль, которую Доктор сыграл в его «казни».

Йейтс снял с себя маску. Он не мог больше прятаться от своего врага. Доктор никак не прореагировал. Поняв, что Доктор его не узнаёт, Йейтс разозлился ещё сильнее.

— Позвольте узнать, зачем меня сюда привели?

Глаза Йейтса заволокло пеленой красного тумана:

— Нет, Доктор. Вам не дозволено узнать зачем. Вам дозволено только стать на колени и умереть.

Йейтс схватил Доктора за рубашку, столкнул на пол, и засунул в рот ствол пистолета. Доктор задыхался. Йейтс медлил. В его голове шептал знакомый, успокаивающий голос. Пелена тумана начала исчезать. Он указал сержанту Бентону, чтобы тот увёл пленника. Доктора вытолкали из комнаты.

Оставшись снова один, капитан Йейтс надпил из фляги несколько глотков и подошёл к репродукции глобуса девятнадцатого столетия. Успокоившись, он нажал большим пальцем на Британские острова. Северное полушарие глобуса открылось на шарнире; под ним был пучок электродов. Он взял один из кабелей и воткнул его себе в нос. Успокаивающий белый свет встречал его в Сети Virilio.

Узник в камере понял, что он голый, но был благодарен за то, что на нём не было железной маски. Хорошо. Для пропитания он мог ловить и есть

насекомых, или ловить насекомых, кормить ими пауков, и есть пауков, или даже разводить пауков, кормить ими птиц, и есть птиц, или же разводить птиц, чтобы откармливать кошек. Впрочем, птиц, наверное, лучше было оставить в качестве компании. Пожизненное заключение в этой тюрьме могло быть невыносимо одиноким, а птицы были более жизнерадостной компанией, чем кошки.

Глубоко погрузившись в медитацию, Доктор, наконец, смог собраться с силами. С того момента, как его схватили у собора Святого Павла, он много узнал о том мире, в котором оказался. В тех случаях, когда ему не закрывали глаза, он смог почерпнуть много информации. Боевики общались между собой преимущественно на нестандартном языке жестов, который Доктор без труда расшифровал. Столкнувшись на крыше с сержантом Бентоном, он стал присматривался к боевикам, надеясь узнать других бывших членов UNIT.

Офицер, который засовывал ему в рот пистолет, похоже, знал его. Доктор офицера не припоминал. Может быть, в прошлом они ещё не встречались? Но в одном Доктор был уверен: это был полный псих. Глядя снизу в его ноздри, Доктор узнал ещё кое-что: в правой ноздре был разъём для подключения к компьютеру. Это было интересно не только

использованием человеческого тела в качестве камуфляжа, но и тем, что эта технология значительно опережала всё остальное, что Доктор видел в этом времени. Знали ли об этом разъёме другие солдаты?

Комната офицера тоже была бесценным источником информации. Коллекция предметов напомнила Доктору Театр Памяти Джулио Камилло, в котором тщательно спланированное расположение помостов, дверей, предметов и надписей позволяло любому вошедшему вспомнить всё, что было тогда известно о Вселенной, начиная от божественного сверх-звёздного сефирота, сформировавшего мир, и заканчивая самыми приземлёнными элементами бытия.

Камилло так никогда и не построил Театр Памяти, но он объяснил его устройство Доктору и Королю Франции долгим жарким летом 1530-го года, и, в виде темы для разговоров в тавернах среди болтунов Падуи, Театр получил гораздо более яркую жизнь, чем имел бы, если бы был реально построен.

Тот Театр Памяти, который Доктор увидел у офицера, был не таким превосходным, как у Камилло, но давал узнать гораздо больше. Между помещённой в рамку фунтовой банкнотой и банкой джема он заметил контейнер для сообщений повелителей времени. Было ясно, что контейнер предназначался для него — он

отставал на один хронон от всего остального, что было в комнате. Этот минимально возможный временной зазор делал контейнер невидимым для всех, кроме Доктора, чей взгляд был натренирован замечать мелкие аномалии пространственно-временного континуума.

То, что контейнер предназначался для него, сильно его разозлило. Повелители времени и так вмешались в его жизнь тем, что сослали его на Землю. Тогда они только распробовали вкус своей власти над ним, а теперь, похоже, им захотелось ещё. Они и были сефиротом, стоящим за его полётом сквозь вихрь. Доктор сердито посмотрел в сторону неба. Он всегда туда смотрел, когда обстоятельства принуждали его думать о родной планете.

Где-то за стенами его камеры, в лабиринте канализации, радио играло «Scary Monsters» Дэвида Боуи.

Помощь явилась к Доктору в виде робота-убийцы, который одним ударом выбил дверь в его камеру как раз в тот момент, когда двое допрашивавших его офицеров собирались накрыть его лицо мокрым полотенцем.

Способность Доктора к регенерации уже заживила его раны, поэтому он чувствовал себя довольно

спокойно. Звуки стрельбы снаружи он слышал задолго до того, как допрашивавшие поняли, что что-то не так.

Поэтому он был полностью готов к встрече робота, мгновенно распознал в нём разновидность автона, и понял, что нужно сделать, чтобы победить его.

Робот атаковал, стреляя из обеих рук. Обоих допрашивавших отбросило в другой конец комнаты, их тела скрылись в густом дыму.

Пока робот перезаряжал своё оружие, Доктор освободился, используя классические приёмы, позаимствованные у Гудини. Он взял свою звуковую отвёртку, которую следователи положили на стол, и пополз к роботу, держась в мёртвой зоне его сенсоров.

Робот попытался снова прицелиться, но его цель вдруг возникла прямо перед ним; она стояла слишком близко, оружием в руках нельзя было воспользоваться без риска повредить себя. Доктор усмехнулся и прижался носом к зеркальной поверхности лицевой панели робота.

— Ты уж прости, старина, — извинился он, — но у меня нет времени разбираться, на чьей ты стороне.

Он направил на робота хаотическую амальгаму волн УВЧ. Из оптических сенсоров посыпались искры. Несколько секунд спустя голова взорвалась, рассыпав по комнате микросхемы, словно конфетти.

Осмотрев его тело, Доктор обнаружил, что его спаситель был автоном только изначально. Признаков сознания нестин у него не было. Существо было частично роботом, частично киборгом, частично андроидом.

На «киботоида», как окрестил его Доктор, был надет облегающий костюм из стелс-материала. Доктор предположил, что это существо было невидимым для большинства камер наблюдения. Даже в видимом свете эта одежда обладала похожими на хамелеона способностями отражать окружающую обстановку.

Доктору с трудом удалось втиснуться в костюм. Он был на два размера меньше, но предоставлял хоть какой-то камуфляж. Он понимал, что у киботоида были сообщники, люди и роботы, поэтому надел на себя и его лицо, как маску. Сквозь её поверхность он мог видеть, как через полупрозрачное зеркало.

Выйдя из камеры, Доктор словно оказался в сцене ада Данте, воссозданной Тимом Бёртоном в виде научно-фантастического фильма. В каждом тоннеле он видел тени, корчившиеся в огне. Он почувствовал запах горелой плоти и услышал крики людей, сжигаемых лазерами.

Доктор начал с безжалостной логикой оценивать ситуацию. База повстанцев раскрыта. Он ничем не мог помочь спасению повстанцев. Самым логичным

выбором было вернуться в Театр Памяти и забрать контейнер сообщения повелителей времени. Он пошёл туда, автоматически вспоминая все подсказки: качающаяся на сквозняке ржавая вывеска; журчание воды; яма под ногами; поток горячего воздуха; грохот ржавой железной лестницы. Вот это место.

Он осторожно раскрыл дверь. Неисправные флуоресцентные лампы заливали комнату мерцающим светом. Его голову пронзило электрическое жужжание. Проигнорировав это, он переступил через распластанный на полу труп боевика. Его он тоже проигнорировал. У него был приказ. Ему нужно подчиняться. Существа из плоти слабы, живут недолго. Они не важны.

Доктор сорвал с себя маску робота и бросил её на пол. Он оглянулся на сержанта Бентона. Тот был мёртв, бедолага. Видимо, погиб, защищая своего командира, следа которого не было.

На контейнере сообщений повелителей времени не было того толстого слоя обломков, который покрывал всю комнату. Доктор начал манипулировать временем. Позволив своему сознанию оплести контейнер, он медленно потянул его в настоящее. Хронон спустя, контейнер упал в руки Доктора. Но не открылся. Выходит, что контейнер всё-таки не для него. На

одной из серых граней контейнера было выжжено имя: Лиз Шо.

Тем временем снаружи схватка приблизилась к тоннелю под Библиотекой. Внезапно перед Доктором возник ворвавшийся в комнату капитан Йейтс. Он выстрелил две очереди в канализационный люк. Его униформа была в пятнах крови.

— Отведите меня к главному, — сказал Доктор.

Глаза у Йейтса были как стеклянные, пустые, как и его сознание. Он раскрыл глобус, стоявший в центре кабинета.

— Я полагаю, вы не хотите рассказывать, кто из инопланетян дал вам это оборудование?

Он не ошибся. Капитан Йейтс не хотел рассказывать. Ненадолго подключившись к компьютерной сети Элиты Власти, он подошёл к детской железной дороге и запустил по рельсам паровозик. Когда тот заехал в тоннель, в комнате открылась одна из панелей стены. Йейтс указал, чтобы Доктор шёл туда.

— Идите, иначе погибнете вместе с остальными.

Йейтс включил механизм самоуничтожения, встроенный в канализацию.

— Ах, да, принесение жертвы, — сказал Доктор. — Жертву приносят, разумеется, другие люди от вашего имени.

— Идите за мной, или погибнете с остальными, — повторил капитан Йейтс.

Доктор пошёл по коридору, который привёл в заброшенный склад. Контейнер сообщения он взял с собой. Чтобы никто кроме него не мог его увидеть, он переместил его во времени обратно, как только в комнату вошёл офицер.

Их средством побега оказалась миниатюрная подводная лодка, использующая в качестве камуфляжа цвета корпорации Баллард. Вскоре они полным ходом направились по сети каналов к центру Англии, пересекли канал Адриана, а затем к затонувшим нефтяным вышкам, которые ранее производили разведку Северного моря, а теперь служили стоянкой подводной лодки «Возрождения Иерусалима», а также основанием электростанции, известной как Солнцеловка.

Доктор Элизабет Шо просматривала доклад о неожиданной кремации инженера Сайлоу. Эта смерть казалась уникальной, однако она была уверена, что это лишь часть мозаики несчастных случаев на Солнцеловке.

Глядя из окна своего кабинета, она представляла, что видит своё отражение в каждом зеркальном сегменте станции, отражающим одну из граней её

личности. Просто фантастическая идея. Зеркальные антенны Солнцеловки занимали площадь сопоставимую с островом Манхэттен.

Лиз всё ещё не забыла тот день, когда уволилась из UNIT. Бригадир тогда рассердился — его наименее убедительная эмоция — но принял её заявление.

— Всё, что ему нужно — чтобы кто-то подавал ему пробирки и говорил какой он умный.

Сколько раз она это говорила после того, как стала личным ассистентом Доктора?

Вообще-то, в существовании Солнцеловки была заслуга Доктора. Он вдохновил её на создание и, разумеется, до сих пор помогал ей. Когда Земля испытывала отчаянную потребность в технологии производства возобновляемых источников энергии, Доктор раскрыл ей глаза на мир инопланетных технологий. Затем он рассказал ей о параллельной Вселенной, в которой Земля сгорела дотла в процессе поиска нового газа. На следующий месяц она уволилась и получила место руководителя проекта ООН «Дозор Земли». На этом посту она следила за тем, чтобы финансирование направлялось только в перспективные исследовательские проекты. Результатом этого стали Солнцеловка и двадцать других похожих станций по всей Земле.

Лиз считала, что судьба была добра к ней. Ей даже удалось избежать брака с другом детства, который стал «зелёным». Ни при каких условиях она бы не стала жить с человеком, который считал, что наука и загрязнения это одно и то же.

«На нашей планете нет ни единого человека, чью жизнь за счёт науки нельзя было бы сделать светлее. Так давайте все окунёмся в новую эпоху Просвещения Земли».

Она поморщилась, вспомнив свою речь при получении Нобелевской премии мира в 1987 году. Но речь просто была плохо написана, в ней всё было правдой. Она до сих пор верила, что наука — это сила добра. Даже побочные эффекты в виде таяния льда на Северном Полюсе принесли пользу.

Но недавние происшествия на Солнцеловке были совсем другое дело. Компьютер не смог указать причину неисправности спутника, вызвавшей пожар в Европе, а теперь не объяснял смерть инженера Сайлоу. Быть может, компьютер и сам был неисправен?

Лиз зашла в свой личный лифт и направилась к ядру компьютера. Дверь открылась, а за ней был амфитеатр из мостков, компьютеров, мигающих огоньков, рабочих мест, и электрических кабелей толщиной с человека. Эта комната имела собственную собирающую свет антенну, которая, словно бутон,

раскрыла навстречу солнцу свои зеркальные лепестки. Под ней, в центре амфитеатра, была легкоузнаваемая бледно-зелёная панель консоли ТАРДИС. Рядом с ней, в прозрачном саркофаге лежал Доктор.

Лиз начала подключать сознание Доктора к компьютеру. Ей не нравилась эта работа. Почему Доктор не согласился сотрудничать? Мужчины. Может он и пришелец, но ничем не отличается от капитана Йейтса и сержанта Бентона с их нелепой группой борцов за свободу. То же мне, «Возрождение Иерусалима»!

Уже не в первый раз у неё были приступы сомнения. Разве это не тот мир, которого она всегда хотела? Всемирный порядок, основанный на науке и вере. Вера в моральные стандарты Западной цивилизации. Об этом же все мечтали: NATO, UNCLE, NEMESIS, SHADO, — все те великолепные организации, воодушевлявшие людей в конце шестидесятых. Когда всё пошло не так?

Затем дверь лифта снова открылась.

— Здравствуйте, Лиз, — сказал Доктор. — У меня для вас подарок. Быть может, поменяемся? Я вам дам сообщение для вас от повелителей времени, а вы вернёте мне моё тело.

Лиз поняла, что ей придётся много чего объяснить.

— Доктор! Что вас сюда принесло?

— Время, — с невозмутимым видом сказал Доктор.

— Вы серьёзно? Вы знаете, какое сейчас время?

— Да, — сказал Доктор. — Время рассказывать правду.

И Лиз рассказала ему об Элите Власти, о разработке Солнцеловки, и о недавних проблемах с компьютером. Она даже рассказала о своих подозрениях по отношению к директору, отметив, что катастрофы начали происходить после его прибытия.

— Понимаете, Доктор, — завершала она, — после вашей последней попытки сбежать с Земли, Элита Власти хотели казнить вас как предателя человеческой расы. Я убедила их, что нам нужна ваша помощь в исследованиях. Они оставили вас в живых, но погрузили в анабиоз. Ваш мозг был подключён к компьютеру. Но вот посмотрите... — Лиз взяла со своего стола диск. — Я разработала способ сохранения человеческого сознания на компакт-диске.

Она повернула диск к свету. Доктор увидел, что в голограмме на его поверхности запечатлено её лицо.

— На этом диске все мои мысли, весь мой опыт, — продолжала она. — Я собиралась сохранить и ваш разум тоже. А затем освободить вас.

Доктор обратил внимание на каждый предлог, каждое обращение к науке и прогрессу, каждое

упоминание о «славном будущем человечества», которыми Лиз Шо оправдывала свои действия. Он переместил контейнер с сообщением повелителей времени в обычное время и протянул его ей. Она взяла его. Он не открылся.

— Наверное, мне нужно познакомиться с этим вашим директором.

Одетый в ярко лимонного цвета комбинезон, белые резиновые сапоги, и защищающий от взрыва капюшон техника Солнцеловки, Доктор был в рабочем настроении. Он не стал рассказывать Лиз о том, как сбежал от капитана Йейтса. Было довольно просто вылезти из базы повстанцев в Солнцеловку и найти её. Но теперь времени не было. Скоро «Возрождение Иерусалима» начнёт атаку, а затем запустит две ракеты «Трайидент».

Лифт опустил Доктора и Лиз в глубины Солнцеловки. Скоро они дошли до кабинета директора. Личная секретарша директора встретила их с радушной улыбкой и лазерным ружьём «Узи». Доктор обездвижил её ударом карате по шее.

Директор Гелиос сидел за столом. Он широко улыбался, несмотря на то, что рядом с ним, наведя на него оружие, стоял капитан Йейтс.

Доктор заметил, что на столе директора было множество сувениров из Лондонского Музея Науки: флуоресцентный телефон (£49.95); камера с «молнией» (£59.95); и овощные часы (£14.95), которые вместо батареек использовали медную и цинковую пластины, вставленные в картофелину. Были ещё какие-то игрушки, которые Доктор не узнал.

— Я смотрю, вы пришли не одна, а с другом, — радостно сказал директор. — Вам нравятся эти товары, Доктор? — он взял одну из игрушек. — Это новые фигурки Элиты Власти. Мои советники говорят, что это будут бестселлеры ближайшего Рождества. Смотрите, доктор Шо, вот это вы, — он протянул к ним игрушку, которая треснула в его пятерне, и голова с хлопком отлетела в сторону.

— В этом году Рождество может наступить раньше, — сухо сказал Доктор.

— Вы, наверное, о ракетах «Трайидент», — сказал директор. — Капитан Йейтс возлагает на них большие надежды. Опустите оружие, капитан.

Йейтс повиновался.

— Понимаете, Доктор, когда капитан заглянул в сеть Virilio, сеть Virilio заглянула в него. И поработила его ум. Его подчинённые оказались весьма полезны в зачистке улик и уничтожении ненужных напоминаний о прошлом.

— Например, Солнцеловки? — спросил Доктор.

— Когда Землю окутает ядерная зима, мы, Элита Власти, спустимся со спутников, — продолжал директор. — Нас встретят как ангелов.

— Или как монстров.

— Доктор! — вмешалась Лиз.

Хотя она и не понимала всё, что происходило, ей не хотелось снова выслушивать параноидальные фантазии Доктора. Вечно он то размышлял о неправильно понятых пришельцах, то планировал отражение инопланетных захватчиков.

— Да, Лиз, монстров. Как ещё можно назвать этих глашатаев несчастья?

— Вы ошибаетесь, Доктор, — возразил директор. — Я для Земли благая весть. Моя Элита Власти возвестила о новой эре прогресса. А когда планета увидит негативные стороны поддержки экстремистов на подобие вот этого капитана, мы также начнём новую эру политического единства. Нет, Доктор, несчастье я могу нести лишь вам и вашим повелителям времени.

Лиз Шо закричала: лицо директора стекло на пол, вместо его кожи появилось свечение микроволнового излучения, имевшее гуманоидную форму. Она увидела, как Доктор отпрянул, и вспомнила, в каком он был состоянии, когда вернулся из параллельного

мира, уничтоженного проектом Штальмана. Она поняла, что ему страшно.

— Кто вы? Что вам от меня нужно? — спросил Доктор.

— Я Гелиос, — ответило существо. — Последний из соляриан.

— Извините, — сказал Доктор, — но это слово мне ни о чём не говорит. Я в своих путешествиях пересекаюсь с очень многими видами.

— Ваши путешествия были бы невозможны, если бы не уничтожение моего народа. Однажды мы были великой цивилизацией. Наши дети катались на солнечных вспышках, наши исследователи проникали в штормы солнечных пятен, по размеру в двадцать раз превышавших эту планету. Будучи чистой энергией, мы жили на поверхности нашего солнца.

— Вы жили на солнце? — спросил Доктор. Он был озадачен ещё сильнее.

— Пока ваш народ не взорвал нашу звезду, чтобы воспользоваться её энергией и стать повелителями времени. С тех пор мой народ существовал лишь как фоновое излучение Вселенной. Так было до тех пор, пока я не оказался на Земле, в солнечной антенне первой солнцеловки. С тех пор я управляю человечеством ради одной лишь цели — оно должно

стать моей армией в завоевании времени и полном уничтожении повелителей времени.

Забытый солярианином, капитан Йейтс потянулся к оружию. Пули взорвались в воздухе, не долетев до существа.

— Верен себе, то горького конца, — презрительно фыркнул Гелиос.

Лиз смотрела, как Йейтса постигла та же судьба, что и инженера Сайлоу.

Воспользовавшись тем, что солярианин отвлёкся, Доктор схватил овощные часы и швырнул их в голову существа. Солярианин закричал и исчез, рассыпавшись искрами.

— Как я и надеялся, — сказал Доктор, поднимая с пола обгоревшую картофелину. — Картофель поглотил микроволновые узы, удерживавшие Гелиоса. Его морфические резонансы были необратимо фрагментированы. Кому чипсов?

Лиз Шо тяжело опустилась на стул:

— Но излучения было больше, чем могла поглотить картофелина.

— Да. Остальная часть Гелиоса, вероятно, была собрана Солнцеловкой.

— То есть, она теперь часть энергосистемы?

Доктор был мрачен. Он посмотрел вниз на протез ноги — всё, что осталось от капитана Йейтса. Он не

чувствовал себя героем. Обвинения Гелиоса были правдоподобны. Повелители времени использовали его для прикрытия одного из своих преступлений. Однако он понял, что худшее ещё впереди. Он наконец-то понял, почему не открывался контейнер с сообщением.

Вернувшись к компьютеру, Доктор осмотрел консоль ТАРДИС. Под руководством директора прогресс Лиз Шо в экспериментах с путешествием во времени был тревожно большим.

— Делайте то, что нужно, — сказала Лиз, кивая в сторону консоли. — Можете теперь улетать. Я тут сама разберусь. Без директора в Элите Власти будет смятение. Я могу воспользоваться этим. Вместе с «Новым Иерусалимом» я могу построить новый порядок.

— Нет, Лиз, — сказал Доктор. — Было слишком много мировых порядков. Ничего из этого не выйдет. Понимаете, когда этот контейнер не открылся, я понял, что он предназначен не вам. Вернее, вам, но не этой. Боюсь, что это будущее не должно существовать. И его не будет после того, как я вернусь.

— Вы не можете так поступить! — закричала Лиз.
— Вы не можете отобрать у меня всё, чего я достигла.

Она вызвала охрану. Доктор не стал делать вид, что управляет ТАРДИС. Он просто послал телепатическое сообщение повелителям времени.

Когда Доктор дематериализовывался в вихрь, он стал свидетелем последнего ужаса. Поскольку капитан Йейтс не вернулся, его подчинённые предположили, что он был схвачен. И теперь, в качестве последнего жеста неповиновения, они взорвали свои ракеты. Солнцеловка испарилась в грибе ядерного взрыва.

Грозовые тучи. Гром. Пустая дорога.

На ярком «Фольксваген-Жук» она переезжает через Вестминстерский Мост, свернув в сторону от Дома Парламента к подземной парковке. Она стоит на фоне входа в пустой коридор. Она идёт по коридору. У неё угрюмое лицо. Её туфли щёлкают по линолеуму. Туфли, лицо, туфли, лицо. Раскат грома. Она распахивает дверь; там за столом сидит бригадир. Она швыряет конверт на стол. Она бьёт по столу кулаком. Фарфоровые чашка и блюдце подпрыгивают от страха.

Она едет на машине обратно домой. Найтсбридж.

В хранилищах Министерства её карточка пробита с пометкой «Уволена» и автоматически каталогизирована.

Она швыряет на свою кровать чемодан. Запихивает в него одежду. Проверяет авиабилеты. Смотрит на

фотографии. Кения. Пальмы зелёные, пуансеттии красные.

Шипение.

Многоэтажки за окном покачиваются на ветру.

Шипение.

Она падает на кровать.

Шипение.

Сознание покинуло её. Её усыпили газом. Она просыпается, наощупь пробирается к окну и открывает шторы. В деревне она узнаёт Портмейрион в Северном Уэльсе, в котором она несколько раз отдыхала. Но теперь улицы кажутся более узкими, темнее, более зловещими. Как в еврейском квартале в Праге. Она была в Праге, преподавала английский язык как иностранный. Лежащий на столе ломоть свинины обращается к ней:

— Что тебе нужно? — спрашивает он.

— Информация. Мне нужна информация.

— Ты её не получишь.

Она бросается на свинину со штыком, настоящим штыком британской армии. Монстр пронзён. Она осматривает его: землистого цвета, похожее на крысу, словно из Кафки.

— Я не завишу ни от кого, я свободная ветчина, — заявляет кусок свинины.

Она погружает свинину в миску с сыром. Она вращает его в расплавленном Камамбере. Нити сыра не рвутся. Они удлиняются. Они выросли из её пупка. Сырные пуповины. Сырные щупальца обвиваются вокруг опор комнаты. Сыр бросается к вершине собора. Она смотрит вверх. Сыр быстро разрастается. Она вспомнила, что сыр, должно быть, впитал ломоть Кафки, и взывает к его человечности.

«Ты не виноват. Это вина твоего отца».

Её охватывает паника. Сырное фондю атакует.

Лиз проснулась в холодном поту, зовя на помощь профессора Куотермасса. Опять плохой сон. У неё словно земля уходила из-под ног. Её жизнь становилась всё меньше наукой и всё больше вымыслом.

Когда разведки разных стран узнали о её назначении личным ассистентом научного консультанта UNIT, её начали пытаться завербовать в чередё все более и более странных подковёрных операций.

Её последний контакт, тайно организованный посредством одного из почтовых ящиков UNIT, был некий Джон Ридж, мужская шовинистская свинья, питавшая слабость к ярким галстукам. Одним вечером, в каком-то грязном бистро, он показал ей сверхсекретное портфолио с невероятными историями

о крысах-убийцах и поедающих пластик вирусах-мутантах. Затем он предложил «повалиться на его матрасе». Она отказалась, он назвал её фригидной, она вылила ему на голову недопитое вино.

— Что со мной будет дальше? — жаловалась она близкой подруге во время обеда у Фрита. — Кукловод на засекреченном острове?

Лиз начала убирать мусор, оставшийся после её прощальной вечеринки. Она переставила два светильника с жидким парафином и тут же запуталась в нитях световодов. По всей квартире были разбросаны подушки, на которых вчера сидели гости, и книги: «Суд над Оз», «Дзен и искусство ухода за мотоциклом», «Пластинин Колец», «После судного дня».

Горка выкуренных косяков отмечала место, где Джеймс, Чарльз, и «Джулс» провели всю ночь, оживлённо говоря о заделывании озоновой дыры за счёт замены фтор-углеродных аэрозолей озоноросстанавливающими газами, и о спасении амазонских джунглей засаживанием их быстро-растущими деревьями, созданными методами генетической инженерии.

Лиз, такая же обкуренная, как и её друзья по Кембриджу, встречала каждое их предложение словами «Доктор смог бы придумать что-нибудь

лучше». Доктор. Что ей делать с Доктором? Она открыла дневник и написала: «Доктор — кто?» на странице, озаглавленной «Незавершённые дела».

Её колокольчики на двери зазвенели. Открыв дверь, она увидела стоящего за ней Доктора. На нём был ярко-лимонного цвета комбинезон, а на шее был повязан большой пластиковый мусорный пакет, который Лиз недавно выбросила. А он стал лучше одеваться, — подумала Лиз.

Повелители времени проявили себя достойными своего имени, но вот чувство пространства их снова подвело. Материализовавшись, Доктор оказался в мусорном баке недалеко от квартиры Лиз.

— Здравствуйте, Лиз. Я не хотел отпускать вас без подарка, — Доктор протянул ей контейнер сообщения повелителей времени.

Лиз покраснела и попыталась придумать оправдание. Как Доктор узнал, что она уходит? Она мысленно выругалась на бригадира. Человек его должности должен уметь хранить секреты. Она взяла контейнер. Тот раскрылся. Прокомментировав необычность упаковки, она вынула оттуда диск размером с ладонь. На его поверхности плавал её объёмный мерцающий портрет.

— Голограмма! Как красиво, Доктор!

На мгновение Лиз показалось, что он похож на привидение, пойманное в зеркало. Она сказала об этом вслух.

— Наверное, это и есть привидение, — ответил Доктор.

Он узнал в диске отпечаток сознания, который показала ему другая Лиз. Теперь он существовал вне времени; воспоминание о ещё не случившемся.

— Считайте, что это привидение из будущего. Хотите узнать, что оно может рассказать?

В лаборатории Доктора, обвешанная подкожными электродами, соединяющими её с консолью ТАРДИС, Лиз Шо ознакомилась с содержимым диска. Не имея тех оправданий и того опыта, которые облегчали ей принимать методы Элиты Власти, она оценила своё будущее в холодном свете настоящего.

— Но это будущее ведь не обязательно должно случиться, Доктор?

— Разумеется, нет. Поэтому повелители времени и послали вам это сообщение. Видите ли, Лиз, это всё их вина. Сослав меня на Землю, они нарушили Первый Закон Времени. Они изменили будущее. Вы хотите использовать на благо Земли то, что узнали, будучи моим ассистентом. Но наука так не делается. Технология не является морально нейтральной. Её

значение определяется культурой. И ваша культура ещё много веков не будет готова иметь дело с теми возможностями, примером которых является ТАРДИС.

— Но я не могу перестать знать то, что я знаю.

— Но вы можете отказаться пользоваться этим, Лиз. Или же использовать ваше знание для другой цели. Мало кому выпадает возможность знать последствия своих действий до того, как эти действия совершаются. Вы получили такую возможность. Я знаю, что вы воспользуетесь ею правильно.

И Лиз Шо вернулась в Кембридж и посвятила свою жизнь изучению происхождения Вселенной. Она написала книгу об истории времени, настолько умную, что никто её не понял. И двадцать лет спустя, когда она выглянула из окна в Кембридже на безоблачное небо, она увидела в нём не источник возобновляемой энергии, а просто ясный, солнечный день.

Своего рода революция пронеслась по Цитадели повелителей времени. Были казнены несколько кардиналов, а голова Верховного Первосвященника Времени, ненавистного «Папы Времени», на шесте была обнесена вокруг Паноптикума. Агентство

Небесных Вмешательств¹⁴ смогло направить недовольство масс против духовенства, оставив свою секулярную власть неизменной.

— Доктор показал себя полезным, — заметил агент, повелитель времени. — Мы можем использовать его ещё.

— Необходимо кое-что скорректировать, — ответил его коллега. — Мы должны сделать так, чтобы Доктор был на Земле занят. Я связывался с надзирателями Шады. Они позволили сбежать тому, кто называет себя Мастером.

— Мастер! — воскликнул первый. — Он же маньяк-убийца. И вы же знаете, как он относится к Доктору. Мастер его уничтожит.

— Как я и сказал, нужно кое-что скорректировать, — второй повелитель времени надел на голову шляпу-котелок; она хорошо дополняла его костюм в тонкую полоску. — Доктор будет предупреждён.

14 В оригинале это агентство называется «Celestial Intervention Agency», и его аббревиатура (CIA) такая же, как у ЦРУ.

Я взял из рук Сильвермана диск.

— Значит, это — Лиз Шо, — размышлял я.

Диск отражал мерцающий свет лампы как зеркало; зеркало, из которого мне улыбалось непостижимо объёмное изображение молодой женщины с длинными рыжими волосами. Я неохотно вернул диск на стол.

— И это, похоже, тот же Доктор, который нарисовал фигурку пришельца на буклете, — заметил Сильверман, указав костлявым пальцем на скомканный листок бумаги.

— Да, верно, — согласился я.

Мой клиент внезапно встал, резко оттолкнув назад своё кресло.

— Поверить не могу! — бормотал он, ходя туда-сюда по кабинету. — Вы обсуждаете всё это так, словно это... игра какая-то! Вы что, не понимаете? — он посмотрел на нас глазами маньяка. — Мне нужно найти этот цилиндр! Вы должны мне помочь!

На лице Сильвермана снова появилась улыбка покойника:

— Мой дорогой сэр, именно это мы и пытаемся делать.

— Пытаетесь! — человек качал головой. — Но ни одна из этих историй не имеет отношения к тому, что случилось со мной в Лос-Анджелесе.

— Должен признать, — вмешался я, — что похоже на то, что мы уже узнали всё, что могли узнать.

Это, похоже, задело профессиональную гордость Сильвермана:

— Я уверен, что вы ошибаетесь, мистер Эддисон. Если позволите мне продолжить, я уверен, мы сможем узнать об этом человеке больше.

Я посмотрел на него скептически:

— Ну, возможно, но я до сих пор не знаю, что из этого всего следует. Странные планеты, разные отрезки времени, альтернативные измерения... Мне всё это кажется каким-то сумасшествием.

Несмотря на мои слова, Сильверман начал барабанить пальцами по столу, видимо, что-то обдумывая.

— Пожалуй, я могу попробовать ещё кое-что, — признался он. — До сих пор я впадал в транс лишь первого уровня. Есть ещё второй уровень, более глубокий, в котором связь с личностями, отпечатавшимися на артефактах, сильнее. Этот метод не лишён... риска... Но он может раскрыть гораздо больше.

Он повернулся ко мне, почти умоляя:

— Позвольте мне попытаться ещё один раз.

Я глубоко вздохнул. Это становилось всё безумнее и безумнее.

— Ну ладно, так и быть.

Я посмотрел на своего клиента, тот кивнул и вернулся на место.

— Да, — пробормотал он, — нужно продолжать. Мне нужно узнать, куда я ходил в городе!

Сильверман снова осмотрел предметы на столе и, принимая решение, выбрал нечто, похожее на мундштук какого-то духового инструмента. Он держал его перед нами, крепко зажав его в руке.

— Итак, джентльмены, — сказал он. — Мне необходима ваша полная сосредоточенность. Сконцентрируйте свое внимание на моих руках. Вы можете стать свидетелями... странных вещей, но вы не должны позволять, чтобы вас что-то отвлекало.

Закрыв глаза, Сильверман начал что-то бормотать, словно волшебник заклинание. Снова подул ветер, сильнее, чем раньше, керосинку сдуло со стола, а с полок посыпались книги. В этот раз свечение рук Сильвермана было настолько сильным, что я едва мог на них смотреть. Несмотря на предупреждение о том, что нельзя отвлекаться, я дёрнулся от неожиданности, когда ясновидец вскрикнул, но не своим голосом, а чистыми высокими нотами молодой женщины.

LACADAY EXPRESS

Пол Корнел

Я пьяная. Я бью кулаком. Джеймс пошатнулся, и из его носа пошла кровь. Кровь течёт. Замедляя всё, я вижу её зависшие в воздухе контуры. Его крик превращается в одну ноту. Я останавливаю всё. Его крик безграничен, шипящая песня информации.

Столько подробностей. Эта вечеринка была в Кэмдене, мне тогда было двадцать лет. Неубранная старая гостиная, сквозь гардины ещё пробивается летний вечер. Почему улыбается Брюс? И что это за человек на кухне, чуть-чуть не попадающий в поле зрения? Если я смогу вытянуть голову ещё на пару сантиметров, то смогу увидеть кто это. Видимо, за всю вечеринку я его так толком и не рассмотрела, не помню ни его лицо, ни кто он такой.

Но мы же не рассматриваем всех, не говорим со всеми, не знаем всех. Если кто-то выложит перед нами фото и спросит «Вы видели этого человека?», то единственным честным ответом может быть «Не знаю».

Кровь висит. Стоп-кадр. Ха! Были бы это и вправду кадры, были бы настоящие Моменты, я бы смогла проскользнуть между ними наружу. Я была бы

свободной. Но когда я останавливаю движение, изображение дрожит маленькими изменениями. Что-то в нём меняется быстрее, чем я могу отследить, словно эта остановка даёт мне жалкое представление о следующем шаге времени. Может быть, поэтому отдельные остановленные звуки звучат как сложные песни на непонятных мне языках. Мой стоп-кадр — это день чьей-то жизни. Быстрые Люди пробегают сквозь вас, пока я говорю это.

Пока я говорю. Ха! Всё происходит, пока я говорю.

Ладно. Попробую ещё раз. Несмотря на всё.

Перематываю на следующую сцену. Бар «Возрождение». Всё вокруг в духе восьмидесятых, включая одежды. Алек ставит стакан и поворачивается, чтобы что-то сказать. Я ценю то, что он рядом. Я ценю эту музыку. Я — ценительница. Это история о ценительнице, попавшей в ад, и о том, что могло случиться с её кошкой.

Я останавливаю и смотрю в глаза Алека.

Я отпускаю время.

— Катерина, так ты... обдумала?

— Да. Я... Я... Должна сказать... Нет. Я не могу выйти за тебя замуж. Прости.

Я пытаюсь изменить это.

— Да. Я... Я... Должна сказать... Нет.

— ...сказать... Нет.

— Нет.

Я не могу ничего изменить.

Он опускает голову и вздыхает. И вздыхает. И вздыхает.

Алек так красиво вздыхает.

ТАРДИС материализовалась в виде знакомой полицейской будки посреди металлического коридора. Посреди типичного коридора: кругом провода и пластик. Из полицейской будки в коридор вышла спорившая компания.

— Нет! Разве ты не понимаешь, Тиган? Я не могу вернуться. Адрик умер. Тебе нужно смириться с этим.

Тиган смотрела на него, готовая расплакаться. Всё то же лицо. И всё тот же спор, повторявшийся уже много раз.

— Прости, — вздохнул Доктор. — Я не хотел повышать голос.

— Ты мог нарушить этот закон. Это всего лишь правило, а не закон физики.

— Не могу. Первый Закон гласит...

— Где мы? — аккуратно вмешалась Нисса, отрывая Доктор и Тиган от спора.

Это на несколько дней раньше. Джеймс танцевать не умеет, но пытается. Он такой неряха. Кругом

кавардак. Вокруг нас, в темноте, полно поклонников восьмидесятых. Когда Джеймс поворачивается, я замечаю в его взгляде что-то. Он знает про Алека, уже в этот момент. Теперь я понимаю это. Может, позволить этому вечеру продолжаться? Были вечера и получше. Это за неделю до отлёта на базу Харди. «Я Не Хочу Быть Одна». Ха, Ха, Ха, Ха.

— Интересно! — Доктор постучал по запертой двери. — Её не открывали как минимум год. Почему, интересно, тут всё забросили?

— Наверное, тут чудовище бродит или смертельный вирус, — пробормотала Тиган.

Нисса пропустила её слова мимо ушей:

— Это ведь научное учреждение, да?

— Очень похоже на то, Нисса. Судя по гравитации, мы не на Земле, но технологии похожи на человеческие. А... — после того, как Доктор ввёл очередную шестизначную комбинацию цифр, дверь открылась. — Всего лишь вопрос времени. Совпадений не существует, — не обращая внимания на их озадаченные лица, он вошёл вовнутрь.

Смесь разрухи и науки. Сломанные клавиатуры, разбитые экраны, перевёрнутые стулья. Самым заметным в центре управления был большой вертикальный цилиндр, стоявший в углу. В нём была

дверь доступа, и он казался частью чего-то большего, сегментом какой-то огромной трубы, проходившей сквозь пол и потолок. Он был из какого-то прозрачного материала. Внутри него вспыхивали и гасли похожие на светлячков проблески, и в то время как другие машины издавали шум, цилиндр, казалось, издавал тишину. Рядом с ним на стене висела большая схема: большая сфера планеты была окружена кольцом, и в одной из точек окружности горел огонёк.

Нисса опередила Доктора:

— Циклотрон!

— Что? — переспросила Тиган без особого интереса.

— Твои люди, Тиган, назвали бы это «разбиватель атомов».

Засунув руки в карманы, Доктор осматривал всё с видом гордого отца на школьной выставке:

— Устройство для разгона субатомных частиц до огромных скоростей. Игрушка дорогая, но довольно забавная.

— Эту игрушку кто-то сломал, — проворчала Тиган, сдула пыль со стула и села.

— Ну, не совсем. Сам циклотрон всё ещё работает. Повреждена только часть измерительной аппаратуры. Странно... — Доктор нахмурился.

— Что странно? — заглянула через его плечо Нисса.

— Аномалия. Частицы продолжают сталкиваться, хотя нет никакого источника частиц. Помоги мне, Нисса. Диаграммы Фейнмана... Негэнтропия неопределённо пролонгирована случайными полями Хиггса. Но необходимый потенциал Юкавы... Это что, возможно только за счёт квантовой неопределённости?

— Возможно, — кивнула Нисса. — Но...

— Она не существует! Я знаю! Пузырьковая камера, пузырьковая камера.

— Да что вы такое оба несёте?

— Не сейчас, Тиган! — с энергией пумы, нападающей на жертву, Доктор распахнул технологический люк.

— Началось... — вздохнула Тиган, и стала рисовать пальцем на слое пыли.

Случайные наборы чёрточек. Завитки и спиральки.

Джеймс спит. Я подхожу к окну и смотрю на покрытую снегом землю. Вдали, за университетским городком, стоит корабль «Чешир», он блестит в лучах рассвета. Я оставляю на столе записку и отпираю дверь. Уже за порогом я слышу, что он проснулся. Его разбудил холодный сквозняк. Когда я иду по замёрзшей дорожке к Хойл Холлу, он за мной не идёт.

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть подошёл ли он к окну.

Я рождаюсь. Очень больно. Повторяя это снова и снова, понимаешь, как много, оказывается, помнишь. Я вишу в руках акушерки и кричу на них всех. Моя мама красивая. В мощном потоке гормонов я полюбила её тут же, огромное удовольствие от этой боли. Я, наверное, мазохистка, раз так часто это повторяю. Такой меня в конце концов и найдут: у маминой груди, только что родившуюся. Сося молоко, я хочу извиниться перед ней. Прости меня за то, что я сделала с твоей маткой, большая мама. Прости?

Прости. Я не могу сказать. Я вою и кричу. Прости. Не получается. Этот момент — сплошное разочарование, потому что рождение очень близко к грани. Это почти самый предел для меня. Поэтому я сюда всё время и возвращаюсь, быть может, однажды этот ребёнок всё-таки посмотрит на маму и скажет «Прости». Ох и перепугаются они все тогда. Может быть, в реинкарнации всё-таки есть доля правды, ведь часть этого ребёнка-меня очень хочет снова заговорить. Но не может. Ребёнок заражён временем с самого зачатия. Зачатие. Ха! Как будто бы это один момент, кадр, а не непрерывность. Мне кажется, что мы зачаты во время прогулки в парке, когда руки

сжимают друг друга, во время взглядов друг на друга в толпе.

Я возвращаюсь туда. Ныряю, выставляя таймер. Я теряю сознание.

Таймер пробуждает меня, когда мне пять лет. В детском саду. Я не знаю, может быть, там стена какая-то во времени, когда я была в утробе. Я лишаюсь сознания, мыслей, и даже снов, становлюсь исполненной теплоты и резких порывов. Я уверена, что не помню того, чтобы была Двумя Разными. Наверное, у меня просто фантазии о том, как я была одновременно яйцеклеткой и сперматозоидом. Куда бы меня ни выбрасывал Таймер (и я не понимаю, как я им пользуюсь, я просто пользуюсь), я могу вспомнить лишь цвета и звуки. У меня нет настоящих воспоминаний, потому что тогда не было мысли. Я там заблужусь, и это будет что-то вроде моей версии Смерти. Может быть, когда-нибудь, если я сильно постараюсь, то прорвусь, и стану частями мамы и папы.

Пицца. Алек осматривает анчоус. Я пробую ананас и осторожно надпиваю бренди.

— Ну что, хорошо? — недоверчиво спрашивает он.

— Мм, очень.

Потом тишина. Он достаёт из кармана коробочку, а из неё вынимает кольцо. Иногда мне кажется, что его

гордость снисходительна, как у фокусника, вынудившего кролика из шляпы. Я тяжело сглатываю. Во рту пересохло.

На Аляске, во время наблюдения полного затмения, я говорю Алеку:

— Хочу увидеть кольцо с бриллиантом¹⁵.

Ха!

За столом я не могу говорить. Я чувствую, как химические вещества в моей крови — мои собственные, из бренди, из пищи — меняют моё решение. Но я могу думать, и ни в одной своей мысли я не нахожу причины своего решения.

Почему?

— Почему? — Тиган нарисовала кенгуру, двух киберлюдей, и спираль.

— Это может помочь тебе понять, — терпеливо сказал Доктор.

Пожав плечами, Тиган заглянула в смотровое окно. Там было темно. Затем внезапно появились две

¹⁵ Кольцо с бриллиантом — эффект, который наблюдается за мгновение до начала полной фазы солнечного затмения либо через мгновение после ее окончания. Когда последние лучи солнечного света проходят через долины края лунного диска, на небе как будто вспыхивает кольцо со сверкающим бриллиантом.

Также, кольцо с бриллиантом — традиционная форма обручального кольца в англоязычных странах.

маленькие светящиеся точки. Они разлетелись, снова сблизились, и исчезли. Но мгновение на экране вспыхнула целая галактика таких столкновений. Затем снова стало темно.

— Да, понятно, я вижу.

— Это частицы, появляющиеся из ниоткуда, и снова исчезающие.

— Я думала, что это не возможно.

Нисса улыбнулась:

— Это примерно как опровергать эволюцию всадником на лошади.

Она кивнула в сторону ТАРДИС.

— Перестань, — обиделась Тиган. — Между ТАРДИС и этими штучками огромная разница.

— И в чём эта разница? — свысока спросил Доктор.

— Эти штучки не синие. Кроме того, тебя они тоже удивили, иначе бы ты не бегал тут как ведущий детской телепередачи.

— Тиган, Тиган... — раздражённо бормотал Доктор. — Я пытаюсь вовлечь тебя в мир науки. Задавать вопросы — часто так же важно, как и получать ответы. Так вот, как ты и сказала, появление этих частиц из ниоткуда невозможно. Но принцип неопределённости Гейзенберга допускает это, при условии, что масса частиц или время их

существования достаточно малы. Это нарушение причинности, из-за которого многие студенты не спят по ночам. Но дело в том, что здесь это происходит постоянно, это повторяется раз за разом. Вещество возникает из ниоткуда, на уровне частиц движется во времени, а затем исчезает, как будто...

— Погоди минутку! Перемещается во времени?

— Да. Сама природа этих столкновений означает, что некоторые частицы отлетают назад или вперёд на несколько лет. Мы наблюдаем срез поразительно сложного процесса, растянутого и по всему циклотрону, и по времени.

— Нет, — Нисса сосредоточенно качала головой.

— Нет? — расстроенно спросил Доктор.

— Только вперёд. Частицы не движутся во времени из будущего к нам, они движутся вперёд из прошлого! — подытожила она с широкой улыбкой.

Доктор глубоко вдохнул, словно собираясь возразить, но остановился. Затем он нахмурился.

— Да... Как странно.

Двое учёных снова погрузились в науку, а Тиган вернулась к рисованию.

В небе сфера Харди: скалистая, вся в кратерах, безжизненная. Вокруг её экватора сияет линия ослепительных огней — ускоритель частиц. Корабль

начинает медленный поворот к поверхности, и Харди проплывает по небу, уходя под корабль. Мы шестеро, цвет физики частиц, прилетели работать на циклотроне. Я в нетерпении. Забываю обо всём, что я оставила на Земле, Джеймса и Алека с их дрызгами. Забываю. Нет. Оно всё ещё со мной, но Харди заглушает это своей новизной.

Здесь кроме нас никого нет. Год квантовой механики в одиночестве. Станный багаж: Фрэнк Пэкстон взял с собой саксофон. Надеюсь, он хоть умеет играть.

Он хорошо играет. Пэкстон бродит по ночам по коридорам, вдохновенно играя. Сыгранные им ноты звучат так, словно они эхо экваториального тоннеля, донёсшееся до лабораторий мониторинга в Точке Тихо и в Атласе. Это так грустно. Некоторые другие тоже проникаются этим. Мне это нравится. Напоминает мне о смертности. Ха! Это напоминает мне о том, что через год мне придётся вернуться и разобраться со своими проблемами на Земле. Но Пэкстон странный.

Этот ублюдок сдал нас! Вон он бежит в конце коридора с плазменным ружьём подмышкой. Откуда они взялись? Как бы там ни было, он помогает им проникнуть вовнутрь, он помогает им находить и убивать нас.

В шкафу на складе хныканье. Тише, Мэделин, ради бога! Пэкстон и другой мужчина выходят из-за угла и меня под ящиками не видят. Они услышали чёртову Мэдди и её чёртово хныканье. Пэкстон подходит к шкафу, открывает дверь, и видит её:

— Вот она.

Мужчина — степной партизан, судя по его доспехам — отошёл на шаг и прицелился в Мэдди.

— Фрэнк, это же я, не дай ему...

Мужчина стреляет. Звук негромкий. Тело Мэдди дёргается, словно она икнула, падает, и замирает. Я закрываю глаза. Раздаётся тихий хрип. Что от нас нужно степным партизанам? Тут нет ничего ценного для них. Что им Пэкстон пообещал?

Я их всех взорву. Мне страшно. Я проживаю этот момент. Настоящий ужас, до судорог в животе. Я жду, пока они уйдут.

— Я думаю, что это сознание, — сказала Нисса.

Доктор задумчиво шагал по комнате:

— Да, я тоже пришёл к такому выводу. Вопрос в том, естественное ли это существо, каким-то образом эволюционировавшее из последовательностей столкновений частиц в циклотроне... Или же оно результат эксперимента? Но ведь такие технологии такое бы позволили?

— Да, и технологии Союза Тракена тоже. Впрочем, мы бы и не стали такое делать.

Тиган, заскучав, начала ходить по комнате. Идея о сознании её заинтриговала, но разговор стал таким абстрактным, что превратился в очередной поток терминов. Она остановилась.

— Эй, смотрите, кто тут!

Доктор обернулся и нахмурился:

— Ты, я, Нисса. Кто ещё?

Тиган моргнула. Почему она это сказала?

— Я схожу с ума. Я словно вдруг оказалась на вечеринке, и всех там хорошо знала, и... — она прикрыла рот рукой. — Ой. Прости. Я не хотела так сильно ударить.

Доктор повернулся к Ниссе:

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет. Я и не думала, что у Тиган есть экстрасенсорные способности.

— Я тоже не думал. Тем не менее, век живи — век учись. Тиган... — он подошёл к ней и взял её за руку. — Я Доктор. А ты?..

Тиган влепила ему пощёчину:

— Меня достало.

Доктор схватился за щёку:

— Что же, кажется...

Тиган прикрыла рукой рот:

— Ой. Прости. Я не хотела так сильно ударить.

— А. Кажется, ты всё ещё не ты?

Тиган снова нахмурилась. Доктор вовремя шагнул в сторону, уклоняясь от второй пощёчины.

— Меня достало! — сказала она ему.

— Я вижу. Так, пока мы не устроили тут что-то вроде баварского народного танца, давай-ка я отведу тебя к...

— Меня достало!

— ...стулу. Нисса...

Тракенитка помогла подвести Тиган к складному стулу.

— Это очень личное, это не настоящая телепатия.

Он взял Тиган за руку и посмотрел ей в глаза.

— Я одна, — сказала она ему. — Я не хочу быть одна.

— Ты не одна. Ты с друзьями. Расскажи, что ты чувствуешь.

— Холодно. Одна. Забытая. Я всё так хорошо знаю, словно моя голова стала моим местом жительства. Все лица, все вкусы, запахи. Я могу рассказать подробности о лайме, о саксофонах, о сэндвичах с сыром. Я знаю каждое слово в каждом письме, которое я когда-либо читала. Я могу прочесть любую книгу, которую хоть раз мельком видела. Могу

почти остановить приятные моменты, и внимательно рассмотреть снежинку на пальце.

— Это не Тиган, — нахмурилась Нисса. — Она не настолько красноречива.

— Да. Лучше её далеко не отпускать. Тиган Джованка, вернись к нам. Вернись к своим друзьям, Тиган.

Пальцы Тиган задрожали в руках Доктора.

— Тиган... Тиган...

— Эй, в чём дело? — очнулась она.

Нисса её обняла. У Доктора раскрылся рот — он понял, что происходит.

— ЭПР, — выдохнул он. — Эффект Эйнштейна-Подольского-Розена. Действие на расстоянии? Это ужасно, но... — он схватил ручку и листок бумаги. — Быстрее, Нисса, помоги мне с расчётом.

Я печатаю на главной клавиатуре, пытаюсь запустить в реакторе, от которого питаются циклотрон и база, что-то вроде самоуничтожения. Я придумываю это на ходу и, если посмотреть внимательно, то я делаю абсолютно не то, что нужно. Вдали слышна стрельба. Многие из этих кодов придумал Пэкстон, и его фразы-пароли настолько ироничны, что закрадываются сомнения в его психическом здоровье. Вот, например: «Иметь правительство означает быть

наблюдаемым, проверяемым, направляемым, унифицированным, запертым, идеологизированным, оцениваемым существами, у которых нет ни права на это, ни мудрости, ни добродетели». Я представляю себе его сидящим на подоконнике с саксофоном; он смеётся с нас, словно какой-то безумный принц. Или же в своей гостиной на Земле, думающим о том, что его инструмент делает его крутым и стильным. Всё, что он умеет — доставать соседей, но сам он себя считает крутым. Хуже того, он считает себя крутым и ироничным.

Чёртова ирония.

Вдалеке стреляют. Звуки стрельбы похожи на последние аккорды музыки. Нет, они как книга, потому что я всегда хотела вначале прочесть последнюю страницу. В этих звуках нет энтропии, ни какого указания на то, что конец уже близок. Это просто мои личные ассоциации. Раз уж я зашла так далеко, я чувствую себя обязанной пережить Конец.

Наверное, осталась уже только я.

Алек и Джеймс так и продолжают ссориться. Я не вернусь. Они будут винить друг друга. Степные партизаны уже получили доступ ко всем базам данных корабля, и будут меня искать, потому что я — последняя свидетельница. Я нахожу то, что, как мне кажется, является последними кодами для

самоуничтожения. Сзади какой-то шум. Это Пэкстон, с саксофоном и ружьём. Он улыбается. У меня нет шансов завершить ввод кодов. Слава богу, что я не это пытаюсь сделать.

Я пячусь назад, к люку, через который мы помещаем в ускоритель экспериментальные образцы. Он смотрит на ружьё, проверяя настройки. Я стану экспериментальной целью. Я берусь за ручку двери камеры и открываю её.

Удивлённый тем, что это дверь, он быстро упирает приклад в плечо и целится.

Я прыгаю в дверь и

Конец.

Я родилась. В бесконечном цикле, размазанная по всей своей жизни. Вся моя жизнь — моя игровая площадка, и я всегда одна, я единственная обитательница роя частиц. Теперь я могу вспомнить все свои сны, все, которые я видела, и среди них есть сон с подробностями об этом событии.

Это осень, я сплю рядом с Алеком, просыпаюсь и кричу, что мне никогда отсюда не выбраться. Кошка спрыгивает с кровати.

— Я была заперта в своей жизни. Я заперта в своей жизни.

— Ты не заперта. Кто тебя держит?

— Я могла увидеть всё. Партизан и...

— Республиканцев? То, что говорят о той планете, неправда. Террористы никогда не нападали на...

— И все эти их другие точки зрения, и мир просто разрывает сам себя на части. Будущего нет, Алек. Я видела... Чёрт.

Сон пропал. Какая бы химия не вплеснула тогда в мою голову будущее... она куда-то утекла.

Интересно, что значит этот сон? Мы что, все в циклотроне, а я единственная, кто в циклотроне, который в циклотроне? Когда я всё замедляю, оставшиеся голоса — это мёртвые? Серые человечки, готовые выскочить из щелей? Я могу умереть?

Я в отеле в Бате, передо мной стоит полный чайник.

Доктор закончил расчёт:

— Да! Из ленты Мёбиуса есть выход. Обращение фазы в изначальном узле, разумеется. Вход является и выходом! Именно здесь!

Даже Нисса в этот раз не поняла:

— Прости, но что?..

Доктор ходил туда-сюда, размахивая перед собой очками.

— Нисса, ты должна перегнать ТАРДИС вот к этим координатам! — он схватил ручку, взял руку молодой тракенистки, и написал у неё на коже

последовательность цифр. — Что бы вы ни делали, не выходите наружу. Просто подождите пока я... хм... прибуду.

Он бросился двери в циклотрон и схватился за её ручку. На мгновение он остановился.

— Беспокоиться не о чем, — сказал он своим спутницам; его лицо на мгновение нахмурилось. — Надеюсь.

Он раскрыл дверцу камеры и прыгнул в ничто. Его тело вспыхнуло серебристым светом и улетело звёздной пылью. Дверь захлопнулась.

— Доктор! — крикнула Тиган.

Доктор налетел на конец своего четвёртого воплощения и отскочил от разделяющего их зазора реальности.

Он осознавал время, но был вне его.

Это было довольно весело.

Он был в Бате, пил чай.

На него удивлённо смотрела молодая женщина.

— Нет! — закричала она.

Она... *закричала*. Доктор встал. Усилием воли он затормозил своё продвижение по времени.

Он протянул руку:

— Здравствуйте. Пожалуйста, не пугайтесь. Я прыгнул в циклотрон, как и вы.

— Вы настоящий? — она пятилась от него. — Боже мой. Как я с вами разговариваю? Разговариваю! Ха! Вы настоящий? Это повторилось? Нет, нет...

— Я настоящий. Мы находимся в каком-то моменте вашей жизни, судя по всему, довольно приятном — перед нами бездонный чайник.

Доктор сел за стол, взял чашку, и надпил.

— Вкусно как! — широко улыбнулся он. — Достоинства английского завтрака выше любой физики. Знаете, я всегда подозревал это.

Женщина оглядывалась по сторонам, осматривая столовую отеля, резко дёргая головой, удивлённая тем, что может смотреть туда, куда не смотрела раньше. На полпути к столику была горничная. Она замерла с невидящим взглядом.

— Рискну предположить, что вы можете прожить заново любой момент своей жизни, повторить его сколько угодно раз, — продолжал Доктор. — Но вы не можете его изменить. Я знаю выход. Если вы пойдёте со мной, я смогу нас обоих перенести в реальное время.

Я выпиливаю лобзиком с моим братом Эндрю. Как тот человек, с которым я познакомилась, мог верить в моменты? Нет никаких моментов, нет! Но он

остановил мгновение, заставил всё замереть. Может быть, он какой-то призрак...

Эндрю перебирает кусочки фанеры в ящике, отбирая те, у которых есть прямые края. Боковым зрением я снова замечаю его. Моего воображаемого друга. Эндрю его уже не видит так часто, как я. Он взрослеет.

— Послушайте меня, — говорит мужчина. — Я знаю выход. Пожалуйста, идёте со мной.

Я на пристани, смотрю, как чайки едят дохлых акул. Вчера вечером Джеймс и Алек устроили новую версию конфронтации: ни один из них не хотел идти спать раньше другого, они хотели увидеть, кого из них я больше люблю. Порвать меня готовы. Я из-за них готова броситься в воду. Готова почувствовать соль, вдохнуть планктон. Я не бросаюсь. Я не бросилась. Я кричу.

Мороженное. Большой его кусок плавает в Кока-Коле в баре «Возрождение». Все там: Марко, Антония де Вулф, Кристофен Робин Бэйли, и много других, чьи имена я так и не узнала. Один из них потом умрёт, земля ему пухом. Все остальные живут вечно.

Джеймс тоже там.

— Я не могу выйти за тебя замуж, — говорю я ему. Все смеются. Они думают, что это шутка.

Мужчина в кремовом костюме сидит рядом со мной. Всё вокруг замирает.

— Это шутка, — говорю я ему. — С чего бы мне хотеть замуж за этого плаксу?

Он хмурится:

— Понятия не имею.

— Всё время, пока я здесь, я хочу выйти за него замуж. Но он же слишком надменный. Слишком манерный. Не хочу я сейчас выходить за него. Как вы так всё останавливаете?

— Просто жму ногой, и всё с визгом затормаживается. Это просто, когда научишься. Так вот, если вы пройдёте со мной к выходу...

— Если вы хотите, чтобы я это сделала, попросили бы меня об этом в такой момент, когда я склонна согласиться.

— А я подумал, что это как раз один из таких моментов.

— Ха! Может быть. А может быть нет.

— Как вас зовут?

— Катерина. Зовите меня Кэйт.

— Знаете, Кэйт, у меня бывали возможности изменить прошлое, и я всегда решал не делать этого. Я мог вернуться, нарушить Законы Времени, но это всегда казалось так... несправедливо.

— Несправедливо? Слушайте, я получила доступ к каждому поворотику человеческой жизни, и у меня больше нет понятия о справедливости. Всё, что со мной происходило, происходило как течение воды по склону. Туда, сюда, склонны ли мы сегодня к убийству, пользуемся этой частью мозга или другой? Люди думают, что в их телах царит диктатура, и что некто, кого они называют «я», там главный. Это не так. Мы все — демократии. И в циклотроне я видела, как в моей голове маленькие партии приходили к власти, а затем теряли её. Мы живём в химическом мире, Доктор, а я — химическая девушка. Ха! Я разговорила, давно не говорила новые слова...

— Постойте. Вы сказали «Доктор»?

— Так вас звали, когда мне было восемь лет. Вы мой воображаемый друг. Вы знаете, ваше здесь присутствие может начать разрыв структуры Хиггсового Облака.

— Да, я тоже об этом подумал. Это значит, что у нас очень мало времени до того, как...

— У нас сколько угодно времени.

Поперёк стола в пабе светит солнечный луч. Я медленно иду к Алеку и Джеймсу, несу поднос с напитками. За другими столиками много других людей. Некоторые из них друзья, некоторых я раньше

никогда не видела. Одного парня я не видела с тех пор, как мне было тринадцать лет. Я его не узнаю и не разговариваю с ним.

Моего воображаемого друга не видно. Хорошо.

Акустические системы паба гремят музыкой восьмидесятых. От проносящихся мимо транспортёров эхом отражается «Domino Dancing». Каждый транспортёр поднимает в воздух стаю устроившихся на дороге птиц.

— А для кого четвёртый стакан? — спрашивает Алек.

— Четверть четвёртого, — отвечаю я.

И тогда я понимаю. Он не говорит, он не говорил это раньше.

У меня на подносе четыре стакана, а не три.

Ну почему они тут оба вместе?

— Алек и Джеймс, — говорю я, до сих пор не привыкнув к тому, что слова нужно придумывать и произносить. — Мне кажется, что вы оба должны на мне жениться. Соглашайтесь.

Они переглянулись, ублюдки, и рассмеялись.

— Почему? — спрашивает Джеймс.

— Потому что если один из вас на мне женится, я не полечу на Харди, потому что на Харди можно лететь только неженатым. В моей личности эмоции

восторжествуют над логикой, и я буду жить, на Земле, а потом умру. С божьей помощью.

— Что за чёрт? — Алек начинает злиться. — Тебе что, не важно, за кого из нас выйти замуж?

— Нет, любой из вас годится.

Они смотрят друг на друга, поняв что-то, чего я ещё не понимаю.

Люди вокруг замерли, а Доктор берёт с подноса лишний стакан:

— Апельсиновый сок.

— Нет, Pet Shop Boys, ублюдок!

Музыка в колонках замерла на непрерывном «...ай!», а голоса превратились в «бррр». Никакой путаницы голосов, ничего из-за пределов времени.

— Да кто вы вообще такой?

— Повелитель времени.

— Повелители никогда не знают, что происходит с обычными людьми!

Я отбираю у него стакан и направляюсь к парню в толпе, которого узнала. Он заглядывает через моё плечо, глаза у него расширяются.

— Ну, давайте, отпустите! Я ему нравилась, когда мы в школе учились, может он на мне женится.

Доктор вздыхает:

— А почему нельзя просто решить не лететь?

— Мне нужен якорь. Мне нужна твёрдая, физическая причина почему я не могу полететь. Ваше здесь присутствие нарушило поток частиц. Теперь я могу делать что хочу. Я могу всё изменить так, что когда вы уйдёте...

— Когда я уйду, я и вас заберу.

— Нет. Нет, я этого не хочу.

Он быстро подходит к столику:

— То, что вы помните меня в своём детстве, доказывает, что это не репетиция. Это по-настоящему. Если вы попробуете что-то изменить, вселенная расколется. Время будет компенсировать. Раньше мне уже доводилось торговаться со временем, и оно всегда выставляет ужасный штраф. У него есть способы заживлять такие разломы. Обычно, довольно кровожадные способы.

— Так оставьте меня умереть. Я хочу этого.

Доктор на мгновение потупил взгляд:

— Умрёте не только вы.

— То есть, вы хотите сказать, что впервые за... не знаю, сколько прошло... я могу делать что хочу, и что я не должна это делать из-за того, что может случиться со вселенной, в которой меня уже нет. Убедительный аргумент.

— Вы не можете устраниться из вселенной. Ответственность от пространства и времени не зависит!

— Вы уже говорите как священник. Это поэтому всё странное затихает в вашем присутствии? Волшебство боится вас?

— Нет никакого волшебства. Послушайте, я с удовольствием поговорю с вами об этом, но могли бы мы сделать это в реальном мире? Потому что у нас заканчивается...

Я на вечеринке и я поворачиваю голову, чтобы увидеть того, кого я не могла увидеть в кухне.

И это снова он. Этот мужчина в кремовом костюме. Я не хочу говорить ему, что я боюсь, что я не хочу уходить, не хочу покидать это безопасное место.

Он открывает холодильник и наливает себе ещё один стакан апельсинового сока.

Джеймс бредёт в мою сторону, в одной руке у него болтается бутылка красного вина, он словно пьяная мартышка.

— Сука! — кричит он. — Ты держишь меня в неопределённости, врешь мне. Ты просто пользуешься мной.

Я улыбаюсь и привычно замахиваюсь, чтобы ударить его. Но в этот раз я могу сделать что угодно. Меня не всё ещё достало.

Я опускаю руку.

— Джеймс, я люблю тебя, и никогда не причинила бы тебе боль. У тебя такие красивые глаза, ты так хорошо говоришь. Я хочу остаться с тобой навсегда.

Он ухмыляется и качает головой:

— Я тебе не верю. Что ты...

И я всё равно бью его.

— Меня достало, — говорю я ему.

Как и следовало ожидать.

Пока он лежит на полу, зажав рукой рот, я смеюсь с него:

— Ух ты. Прости. Я не хотела бить так сильно.

Затем я разворачиваюсь и иду на кухню.

— Вы здесь, — киваю я мужчине в кремовом костюме.

— Кухни и вечеринки. Они просто созданы друг для друга. История только что повторилась?

— Да, но по другим причинам. Похоже, что Джеймс в любом случае остаётся без зуба.

— Почему вы пытаетесь выйти замуж?

— Потому что тогда я вырвусь отсюда и при этом...

— И при этом не будете знать о том, что вы тут были. Ничего не потеряете.

— Не знаю, о чём вы.

— А как вы воспримете необходимость делать выбор? Какое вы примете решение, когда оба парня будут по-настоящему стоять перед вами в реальном мире, в котором всё происходит в реальном времени? — его голос становится выше, он сердится. — Впрочем, эта реальность всё равно недолго просуществует при таком напряжении. Ваш отказ разобраться с вашей личной жизнью может означать конец всего космоса!

Я прикладываю палец к его носу:

— Вы говорите в точности как Джеймс.

— Восемь, шесть, три, — Нисса закончила читать цифры, написанные на её руке.

Тиган внимательно набрала последние координаты на клавиатуре пульта ТАРДИС.

— Я ничего не понимаю.

— Доктор с помощью циклотрона отправился в прошлое. Нам нужно тоже отправиться туда и спасти его.

— Надо же, смена ролей! Давай проясним: он спасает кого-то, кто там застрял?

— Правильно.

— Для этого он нырнул туда и схватил спасаемого. А почему он не может просто вернуться?

— Это не то же самое, что спасти кого-то из бассейна, Тиган. Это скорее... как река.

— А, поняла! Значит, его унесёт течением?

— Именно.

— Ясно, — Тиган улыбнулась. — Вот так бы сразу и сказали, — она протянула руку и нажала кнопку старта. — Всё это не так уж и...

ТАРДИС сильно дёрнулась, и раздался срежет. Обе девушки упали на пол. В воздухе звучала жуткая пародия на обычные звуки, сопровождающие отлёт.

— Как ты иногда говоришь, Тиган... — бормотала Нисса, хватаясь за край консоли, — хорошо пошли.

Из-за угла с грустной улыбкой вышел Алек. В своей ретро-футболке он был похож на персонажа рекламы. Вздохнув в свойственной ему манере, он заметил кошку, развалившуюся на ступенях Хойл Холл.

— Эй, киска! — позвал он и подошёл к ней. — А она думала, что ты пропала, — он погладил кошку по голове. — Я так скучаю по ней. Ты тоже, да?

Кошка подумала, что сегодня её почти наверняка покормят. Возможно, рыбкой.

— Пойдём, я о тебе позабочусь, — Алек поднял кошку. — Будет о чём написать на Харди.

ТАРДИС мчалась сквозь вихрь пространства-времени, внутри неё бегали тени. Её бросало из стороны в сторону. Особенно ужасным был цвет вихря. То, что раньше было синим или пурпурным, сейчас было кроваво-красным.

Нисса лихорадочно щёлкала переключателями, пытаясь стабилизировать курс корабля.

— Что происходит? — кричала Тиган. — Что случилось с ТАРДИС?

— Ничего! — крикнула Нисса. — Это проблема в самом вихре! Кажется... — она прикусила губу, осознав важность своих слов. — Тиган, мне кажется, что вселенная подходит к концу!

— Ладно, — кричит Доктор. — Если вам безразлична вселенная за пределами вашего собственного мира, возможно, вам будет не безразлично это!

Мы возле паба. Джеймс и Алек смотрят на нас, когда Доктор бросает на землю свой стакан. Апельсиновый сок ударяется об дорогу, и Доктор глубоко вздыхает.

— Я буду держаться этого момента! — говорит он. — Если хотите сделать что-нибудь положительное, всё что вам нужно — взять меня за руку.

И он выходит на дорогу. В нескольких метрах от него транспортёр. Джеймс и Алек пытаются встать на ноги.

Он закрыл глаза. Он готов к тому, что его собьют насмерть.

Ублюдок.

Я прыгаю к нему, хватаю за руку, и...

Пэкстон удивлённо обернулся. В углу центра управления циклотроном раздался гром, и возникла синяя будка. Пол под его ногами качнулся и заскрипел, он с трудом устоял на ногах.

Этого тут не должно быть. Он знал, что ничего здесь не появится. Но это же просто глупо. Откуда ему было знать? Ему снилось и он внезапно проснулся, или это сон и пробуждение... Он вспомнил, что Кэйт бросилась в циклотрон, всего несколько секунд назад...

Кэйт выскочила из циклотрона, схватила саксофон, и ударила им его по голове. За ней выскочил злой игрок в крикет, который грубо вырвал из его рук ружьё и навёл его на него.

— Твоё счастье, что я вынужден играть по правилам! — крикнул он дрожащим голосом.

А затем он направил плазменное ружьё в комнату и разрядил всю обойму в сверкающие поверхности нового оборудования.

Он потащил за собой Кэйт и затолкал её в будку. Затем и сам прыгнул вовнутрь, задержавшись на мгновение, чтобы швырнуть ружьё обратно Пэкстону.

Будка исчезла, скрипя двигателями.

Вошёл степной партизан.

— Эй, — усмехнулся он. — А где твой саксофон?

Пэкстон нахмурился.

— Это сложно, — сказал он.

Позади них, на едва работающей панели инструментов, впервые завертелись узоры, узоры частиц, формирующихся и исчезающих в структуре самой вселенной.

ТАРДИС неслась сквозь вихрь, теперь уже как обычно.

— Чаю? — спросил Доктор, рассматривая, сдвинув брови, что Нисса и Тиган сделали с его приборами.

Заметив, что всё ещё держит в руках разбитый саксофон, он аккуратно положил его на пульт.

— Да, пожалуйста... — Кэйт ошеломлённо смотрела на свои руки, и едва заметила приветствия спутниц Доктора. — Боже мой, что я была готова сделать... Вселенная в безопасности?

— О да! — Доктор с любовью похлопал по пульта ТАРДИС, и передал Кэйт чашку, из которой поднимался пар. — Вселенные — крепкие старушки.

— Но я чуть было... Почему я так делала?

— А почему мы вообще что-нибудь делаем? — серьёзно посмотрел на неё Доктор. — Вот в этом, как мне кажется, физика разберётся не скоро — в науке мгновений. Что мы делаем и почему. Если вообще разберётся. Тогда, наверное, придёт мне время вернуться домой и открыть книжный магазин. Кстати... — он поднял с пола инструкцию к ТАРДИС. — Тут есть целое приложение про всемирную деформацию, которое...

Он замолк. Эти страницы были вырваны.

— Наверное, пошли на растопку, — нахмурившись, он немного смущённо смотрел на спутниц. — Молодцы.

Земля. Доктор и Кэйт шли по дорожке университетского городка. Он держал руки глубоко в карманах и довольно вдыхал весенний воздух. Она вела себя неуверенно, оглядывалась вокруг так, словно всё вокруг могло исчезнуть.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что живу последовательно, — сказала она ему. — Теперь я не могу прожить заново свои воспоминания. Они изменятся и забудутся, поверх них запишется множество сентиментальной ерунды. Я потеряла своё прошлое...

— Да, но получили будущее.

Женщина подозрительно посмотрела на его мальчишескую улыбку:

— Я не уверена, что это был удачный обмен. И меня всё ещё беспокоят последствия того, что вы меня спасли. Вы забрали меня оттуда до того, как нашли меня. Это не нарушает какой-нибудь закон?

— Ну, возможно. Всегда будет существо, являющееся вами в циклотроне. Настоящая ли это вы, или просто копия... Лучше не задаваться этим вопросом, правда? Не заглянув туда, ответ никто не узнает, а поскольку я единственный, кто заглядывал, я собираюсь обмануть себя, чтобы не испытывать никаких сомнений по этому поводу, — он снова усмехнулся. — Кажется, я только что произнёс полную чушь.

Алек и Джеймс оторвали взгляды от бильярдного стола и от удивления выронили свои кии.

Катерина, которой не было всего около двух месяцев, вошла в дверь и демонстративно стала.

— Как... Как ты так быстро вернулась? — вытаращил глаза Джеймс.

— На попутке, — ответила она.

Алек быстро оглянулся через плечо.

— А я... кошку твою нашёл! — усмехнулся он. — Она вернулась. Я ей поставил лоток в лаборатории. Пойдём, посмотришь...

Кэйт, улыбаясь, покачала головой.

— Через минуту, — она указала на двух женщин, которые несли из бара напитки. — Вначале познакомьте меня со своими подружками.

Экипаж ТАРДИС смотрел на это, сидя за столиком в углу. Алек и Джеймс отчаянно размахивали руками, пытаясь успокаивать сразу трёх женщин.

— Мужчины, — сказала Тиган.

— Да уж, — кивнул Доктор.

Нисса подняла палец:

— Я разобралась. Ты действительно нарушил...

— Тихо, Нисса. К тому же, похоже, что Кэйт теперь не придётся принимать много сложных решений.

— Кэйт? — подозрительно посмотрела на него Тиган.

— Катерине, — поправился Доктор. — Думаю, нам пора улетать.

— Да, — Тиган встала из-за стола. — Так как насчёт Адрика?

— Тиган, Тиган, Тиган! — вздохнул Доктор. — Ты так ничему и не научилась?

Они втроём пошли на улицу и направились обратно к ТАРДИС, продолжая спорить.

В тот же вечер Кэйт наконец-то добыла запасной ключ (оба парня с ней не разговаривали), и открыла дверь в химическую лабораторию, в которой они оставили её кошку. Она закашлялась. В воздухе был резкий запах.

— Кис-кис! — позвала она.

В лаборатории было темно. Включив свет, она медленно пошла по лабиринту из оборудования.

Ей ответил испуганный крик. На лабораторном столе стояла её кошка. Рядом со столом на полу лежали остатки стеклянной ёмкости с надписью «синильная кислота».

Кэйт подбежала к окну и распахнула его. Синильная кислота очень ядовита. То, что кошка выжила, было чудом. Что было плохой новостью для всех физиков.

Но отличной новостью для кошки.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

(окончание)

Сильверман откинулся в кресле и закрыл глаза: последний сеанс его истощил. Если бы я не знал, что он всегда выглядит как труп, я бы заволновался. Несколько мгновений спустя он немного ожил и, наклонившись, вернул мундштук саксофона на стол. К моему изумлению, он начал перебирать оставшиеся предметы, похоже, собравшись попробовать ещё один.

— Эй, минуточку! — запротестовал я. — Думаю, мы зашли уже достаточно далеко. Мы можем целую неделю ковыряться в этом хламе, и так ничего и не узнаем.

Ясновидец поднял на меня свой стальной взгляд:

— Заверяю вас, мистер Эддисон, я прикладываю максимальные усилия. Все мои рассказы, хотя и звучат фантастически, являются правдивыми описаниями истории этих предметов.

— Послушайте, — ответил я, — я не сомневаюсь в ваших способностях. Если вы сказали, что что-то случилось, пожалуй, мне стоит верить вам. Но всё равно осталось множество вопросов без ответов. Даже если предположить, что мой клиент и есть Доктор, и

что он носится во времени и пространстве в синей будке под названием ТАРДИС, я по-прежнему не знаю что привело его в Лос-Анджелес, как он потерял память, и куда дел этот цилиндр, который так ему нужен.

— Мне обязательно нужно найти этот цилиндр! — незнакомец всё больше и больше нервничал, ёрзал в кресле, протирал брови носовым платком, вынутым из верхнего кармана пиджака. — Нужно продолжать, пока мы не выясним что-нибудь, связанное с тем, чем я занимался в городе!

Я демонстративно посмотрел на газету, которую он не дал исследовать Сильверману, но ничего не сказал.

— Я готов продолжать, если вы этого хотите, — предложил ясновидец.

— Нет... — я притворился, что размышляю над этим. — Нет, я благодарен вам за ваши старания, Сильверман, и с меня причитается, но сейчас, мне кажется, будет лучше сменить подход.

— Уму непостижимо! — мой клиент встал и начал буквально прыгать. — Вы только что признали, что мы тут ничего не узнали!

— Нет, я сказал не это! Хотя я, возможно, знаю ещё не все ответы, но несколько зацепок у меня появилось.

Человечек был озадачен:

— Но как вы могли узнать хоть что-то из того, что нам рассказал Сильверман? Все эти воспоминания абсолютно не относятся к делу!

Я постучал пальцем по своему носу:

— Я же частный глаз, забыли? Скажем так, я применил дедукцию. Знаете, как Шерлок Холмс.

Сильверман и Рамон проводили нас, и мы пошли по заросшей тропе обратно к машине. У ясновидца мы провели гораздо больше времени, чем я рассчитывал, и когда мы выехали, из-за горизонта уже выглядывали первые лучи восходящего солнца.

После безумного ночного сеанса мой клиент по-прежнему был полон энергии, я же сильно устал и настоял на том, чтобы остановиться и позавтракать в придорожном кафе. Я проглотил тарелку жареной картошки с яйцами и ветчиной, запил их чашкой кофе, а затем зашёл в уборную, чтобы умыться и немного освежиться. Маленький незнакомец, однако, просто сидел за столом, ковырялся в своей тарелке, и молчал.

Мы вернулись в машину и поехали к шоссе 178, которое вело из города в сторону Долины Смерти. Когда мы поехали дальше на запад и кустарники сменились пустыней, утреннее солнце, несмотря на зиму, начало припекать. Я снял плащ и бросил его на заднее сидение.

Мой клиент становился всё беспокойнее, он всё время ёрзал и обмакивал лоб платком. Поначалу казалось, что ему жарко, но затем он начал нервно поглядывать вверх, на небо, как будто ожидал, что вот-вот упадёт бомба. Я проследил за его взглядом, прищурился против солнечного света, но не увидел ничего необычного.

— Бойтесь, что дождь пойдёт? — спросил я его.

Смутившись, он тут же переключил своё внимание на дорогу.

— А зачем мы так далеко поехали? — явно недовольный, пробормотал он.

— Следую интуиции, — ответил я.

Когда несколько минут спустя я свернул с шоссе на боковую дорогу до Балларата (одного из городов, возникших когда-то во времена золотой лихорадки), он начал нервничать ещё сильнее.

— Не нужно было сюда ехать, — ворчал он. — Я это место совсем не узнаю.

— Ну и что? — ответил я. — Вы же потеряли память, не так ли?

— Мне кажется, что нам нужно вернуться, — настаивал он. — Я уверен, что оставил цилиндр где-то в городе...

— Послушайте, — перебил его я, — вы меня наняли, чтобы я узнал кто вы и как потеряли память, а

не искать какой-то цилиндр. И когда я веду дело, то мне решать, как это лучше делать. Я тут частный детектив, не забыли?

По-прежнему недовольный, он откинулся на спинку сидения и какое-то время мы ехали молча. Когда на горизонте появился город, я съехал на обочину и остановил машину рядом со старой заброшенной автозаправкой, где проезжающие мимо не могли нас заметить.

Человечек, похоже, был рад, что мы не едем дальше, но не понимал причину остановки.

— И что вы собираетесь тут найти? — раздражённо спросил он.

— Давайте выйдем и посмотрим, — предложил я.

Фыркнув, он вышел из машины и хлопнул дверью. Я шёл вслед за ним.

Здание представляло собой заброшенную деревянную хижину. Окна были заколочены, вывеска скрипела, качаясь на ржавых петлях. На пыльном дворе стояли два сломанных бензонасоса, оба пустые.

— Тот город вдали называется Балларат, — сказал я, показав рукой. — Вам это ничего не напоминает?

Незнакомец сделал несколько шагов вперёд, взгляделся вдаль, и покачал головой:

— Нет. Как я вам уже говорил, мне эти места абсолютно незнакомы.

— Вы уверены? Я подумал, что они должны вам кое-что напомнить.

— Что вы хотите этим сказать? Не вижу никакой связи между тем, что сказал Сильверман, и этой местностью.

— Верно, связи нет.

— Тогда какого чёрта мы сюда приехали?! — закричал он.

— Ну, — ответил я, — именно в Балларате наблюдали все эти НЛО — те, о которых заметка в вашей газете — и я подумал, что Доктор тоже может быть где-то здесь.

Человечек повернулся и посмотрел на меня так, словно я ржал, как мул. На его лице появилось ещё большее удивление, когда я вынул из кармана пистолет и навёл его на него.

— Но ведь это я Доктор! — протестовал он. — Если мы хоть что-то у Сильвермана и выяснили, то именно это.

Я улыбнулся и покачал головой:

— Нет, вы не Доктор. Возможно, вы на него похожи (впрочем, учитывая, что он меняет свою внешность, как я рубашки, я даже в этом не уверен), но вы не он.

На какой-то миг мне показалось, что он будет спорить, но затем он смиренно пожал плечами,

признавая, что попался. Его фигура начала мерцать и изменяться, словно жаркий воздух над раскалённым песком, и вот уже передо мной стоит кто-то другой. Высокий мужчина с острыми чертами лица, на котором смешно сидел всё тот же бесформенный коричневый пиджак, на несколько размеров меньший, чем требовалось. Вся остальная одежда трансформировалась вместе с ним, и теперь он был одет в тунику из чёрной блестящей ткани.

Я внимательно посмотрел на него:

— Мистер Майклез, если я не ошибаюсь?

Он утвердительно кивнул:

— Вы очень проницательны, инопланетянин. И как же вы пришли к такому выводу?

Я широко усмехнулся:

— Ну, если честно, всё это с самого начала было похоже на подставу. Эта ваша выдуманная история про потерю памяти была абсолютно неправдоподобна. А затем, когда мы пришли к Сильверману, вы бы убили Рамона, если бы я вас не остановил. Это само по себе показалось мне странным, но чем больше я узнавал о Докторе, тем очевиднее становилось, что он бы так ни за что не поступил. Он не из тех, кто хладнокровно убивает. Думаю, он высказал бы сожаление даже по поводу того, что раздавил бабочку. И он уж точно не стал бы всю дорогу молчать: судя по

тому, что нам рассказал Сильверман, в каком бы он ни был обличье, он и пяти минут рот на замке продержать не может.

— Похоже, я вас недооценил.

— Ну, изменение внешности, конечно, хитрый фокус, но человек — это не только внешность. Есть ещё характер, а его подделать тяжелее. Вообще-то, вы упростили мне задачу. Вначале газета, а затем эта штука-виза. Если бы вы не пытались помешать Сильверману изучить её, я бы никогда не подумал, что она чем-то важнее других предметов, — я ещё раз внимательно его осмотрел. — Значит, после Буколя вы приземлились тут?

— Верно. И со времени своего прибытия трудился не покладая рук, — он посмотрел на мой пистолет, по-прежнему направленный на него. — Итак, вы узнали кто я такой, и что дальше?

Он старался говорить невозмутимо, но в его голосе проскакивали нотки отчаяния.

— Ну, — ответил я, — предлагаю вам ответить на несколько моих вопросов. Например, зачем вам нужно было, чтобы я узнал о перемещениях Доктора в Лос-Анджелесе; что это за цилиндр, который вы разыскиваете; и как на вас оказался пиджак Доктора?

Он слегка улыбнулся, но ничего не ответил.

— Послушайте, — сказал я, — у меня в руках пистолет. Когда на вас кто-то наводит пистолет, положено подчиняться.

Он собрался что-то ответить, но неожиданно в ужасе отпрянул назад.

— Берегись! — крикнул он, указывая за моё плечо.

Я рассмеялся:

— Вот уж действительно вы меня недооцениваете! Самая старая уловка...

В этот момент сзади меня откуда-то сверху послышался какой-то писк. Обернувшись, я увидел зависший над заброшенной заправочной станцией НЛО из газетных заметок. Быстро вращающийся серебристый диск с регулярно расположенными вдоль края круглыми прорезями был похож на что-то из дешёвого фильма о чудовищах, вот только не было видно верёвок, на которых он был подвешен. Воздух вокруг него немного дрожал, отчего на диске было тяжело сфокусироваться, и мне не удавалось различить более мелкие детали.

Пока я, как идиот, всматривался вверх, Майклез не упустил возможности броситься на меня. Он прижал меня к земле, ткнув лицом в пыль, и грубо пнул меня в бок. Поднявшись на ноги, я обнаружил в его руках свой пистолет, направленный прямо мне в голову.

— А вот это с моей стороны было глупо, — печально сказал я. — Но не каждый же день летающую тарелку можно увидеть.

С мрачной улыбкой Майклез напряг палец на курке. Я приготовился отчаянно (и, скорее всего, безуспешно) отпрыгнуть в сторону. Затем, к моему удивлению, он, видимо, передумал, словно не смог себя заставить. Бросив взгляд на инопланетный корабль, всё ещё висевший в воздухе над автозаправкой, он пистолетом указал на мою машину.

— Садитесь за руль! — крикнул он. — Быстро!

Я не стал спорить. Запрыгнув в машину, я завёл её и рванул вперёд так, что Майклез едва успел сесть рядом. Колёса завизжали, отбрасывая назад гравий. Не обращая на это внимания, я выехал на дорогу и на полной скорости направил машину в сторону Балларата. Майклез при этом всё время не отводил от меня пистолет, но почти всё время смотрел сквозь заднее окно на НЛО. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, я увидел, что объект следует за нами.

— Что делать дальше? — спросил я.

— Не останавливаться! — крикнул мэйлеанин; с его лба капал пот.

Перед самым началом пригорода он велел мне свернуть на пыльную дорогу, ведущую вдоль невысокого хребта. Я обернулся через плечо на НЛО, и

на мгновение подумал, что мы оторвались. НЛО направился в сторону города, всполошив стоявшую у дороги пару автостопщиков. Но внезапно он сменил курс и снова полетел за нами.

Я утопил в пол педаль газа, нас подбрасывало в сидениях на каждой неровности дороги. Минут через десять впереди появилось деревянное ранчо. Оно выглядело таким же запущенным и заброшенным, как и заправочная станция, с которой мы сбежали, и я бы проехал мимо неё, если бы Майклез не схватил меня за руку и не велел остановиться.

Едва мы остановились, мэйлеанин выпрыгнул из машины и велел мне сделать то же самое. Он завёл меня в дом через старую дверь, болтавшуюся на ржавых петлях, и, угрожая пистолетом, отвёл меня в затхлую комнату, когда-то бывшую гостиной. Сквозь разбитое окно я увидел, что НЛО догнал нас и завис в воздухе чуть в стороне от ранчо. Снизу он выпустил несколько ножек и медленно опустился на землю, подняв облачко пыли.

Майклез тем временем подошёл к стене и возился с замком чего-то, похожего на большой шкаф. Открыв его, он затолкал меня внутрь, зашёл в неё сам, и захлопнул за нами дверь. К моему удивлению, мы оказались в маленькой камере с металлическими стенами, освещённой скрытыми в потолке

светильниками. Майклез нажал на стене кнопку, и у меня возникло чувство, что мы опускаемся в лифте.

Когда мы остановились, Майклез раскрыл дверь и вытолкнул меня. После всего того, что я видел и слышал за последние несколько часов, мне, наверное, не следовало сильно удивляться увиденному, но у меня всё равно перехватило дух. Помещение было примерно такого же размера, как и гостиная над нами, но на этом их сходство заканчивалось. В центре стояла большая груда каких-то приборов, изобиловавшая переключателями и рубильниками, а стены вокруг нас были покрыты экранами. С потолка свисала большая чёрная сфера, из которой торчали похожие на объективы предметы. Всё вокруг блестело металлом и стеклом.

В состоянии, близком к панике, Майклез метался по комнате, что-то переключая и настраивая. Ему тяжело было одновременно ещё и следить за мной, и я хотел попытаться отобрать у него пистолет, но не успел я даже попытаться, как из стены за моей спиной раздалось жужжание. Лифт поднимался обратно — видимо, его вызвали те, кто высадился из летающей тарелки. Майклез тут же повёл меня к двери в дальнем конце комнаты. Набрав на клавишах в стене рядом с дверью последовательность цифр, он раскрыл дверь и

втолкнул меня. Затем снял с себя пиджак Доктора, швырнул его вслед за мной, и захлопнул дверь.

Моя камера представляла собой маленькую белую комнату, пустую, за исключением экрана на стене и панели управления рядом с ним. В одном из углов на табурете сидел человек с кляпом во рту и связанными руками, которого я сразу узнал. Я подошёл и развязал его.

— Так вот вы где, Доктор, — сказал я. — Я так и знал, что вы где-то рядом.

Человечек озадаченно смотрел на меня:

— Хм... Простите, мистер?..

— Эддисон.

— Мистер Эддисон, я не припоминаю... Мы знакомы?

— Можно и так сказать, — широко улыбаясь, я поднял с пола пиджак и передал ему. — Мне кажется, это ваше.

— Хм... Да, верно...

— А теперь, — сказал я, — может быть, вы объясните, что тут происходит? Что затеял этот Майклоз, почему он вас тут запер?

Встав, Доктор подошёл к экрану, и начал что-то настраивать на пульте.

— Боюсь, объяснять сейчас некогда. Мне нужно выяснить, что я пропустил, пока я был... не у дел.

Я хотел было поспорить, но слова застряли у меня в горле, когда на экране вдруг появилось идеальное цветное изображение двора ранчо, над которым нависала громада НЛО.

— Похоже, у Майклоза гости... — задумчиво сказал Доктор.

— Да, — ответил я, всё ещё не в силах отвести глаза от кристально-чистой картинки на экране. — Они только что прибыли.

— Только что? Отлично...

Он что-то переключил, и экран показал комнату Майклоза. Мэйлеанин немного успокоился и стоял у двери лифта, ожидая его прибытия. Дверь раскрылась, и вошли два существа. Я был готов увидеть каких-нибудь чудовищ, но они оказались очень похожи на Майклоза: высокие мужчины с резкими, угловатыми чертами лица, одетые в одинаковые чёрные туники. Майкловз поприветствовал их странным жестом — ударив кулаком правой руки по левому плечу, и они ответили ему так же.

— Харкоз, Сайлоз! Приветствую.

Прибывшие с интересом переглянулись.

— Приветствую, Майкловз, — ответил тот, которого Майкловз назвал Харкозом. — Мы уже давно пытаемся с вами встретиться.

— Мы прибыли из-за вашего сигнала, — прохрипел тот, которого звали Сайлоз, — но не обнаружили вас в этой зоне.

— Да, я... Я... — Майклоз не мог подобрать слова. — У меня были дела в городе.

Пришедшие вновь переглянулись.

— Но когда мы, наконец, обнаружили вас, — продолжал Сайлоз, — вы уехали в одном из этих примитивных человеческих транспортных средств.

— Ну, я... Я подумал, что будет быстрее, если я вернусь сюда, на базу, самостоятельно.

Сайлоз недоверчиво посмотрел на него:

— Вы плохо себя чувствуете, Майклоз?

— Нет, нет. Разумеется, нет. А почему вы спрашиваете?

Харкоз шагнул вперёд и тревожным голосом сказал:

— Друг мой, мы получили сообщение от Верховного Совета. Их не удовлетворяет прогресс операций на этой планете.

Майклоза это шокировало:

— Неудача организации в Европе расовой чистки действительно прискорбна...

— Прискорбна! — не выдержал Сайлоз. — Это был полный провал! Мы столько лет готовили почву, заменяли лидеров нацистского режима своими

людьми, и все эти усилия насмарку! И неудача была не столько из-за нас, работавших в Европе, сколько из-за вас, в Америке. Позвольте напомнить, что ваша задача состояла в том, чтобы не допустить вступления Америки в войну.

— Возникли... непредвиденные трудности.

— Ваши агенты, Майклез, так и не смогли проникнуть в политическую базу этой страны. Тут что, наша способность менять внешность ничего не решает?

— У Верховного Совета кончается терпение, — вставил Харкоз. — Им кажется, что будет лучше прекратить все местные операции и уничтожить эту планету.

Майклез перепугался:

— Нет, это было бы ошибкой! В этой стране огромный потенциал. Ей присущ расизм. Под нашим влиянием организации вроде Ку-Клукс-Клана могут легко стать новой нацистской партией. Мы можем начать снова! А затем, возможно, программа евгеники...

Сайлоз резко оборвал болтовню Майклеза:

— Нам не нужно было бы начинать снова, если бы вы не провалили своё задание! Может быть, вы лучше подходите на роль охотника, чем организатора?

— Нет, нет, провал был не из-за меня. Эту планету не нужно уничтожать...

Майклез, похоже, был на грани нервного срыва. Его посетители обменялись подозрительными взглядами. Сайлез шагнул вперёд, держа палец на висящей у него на боку кобуре с бластером.

— Вы ведёте себя иррационально, Майклез. Почему вас заботит судьба этих людей? Можно подумать, что...

Майклез с усилием взял себя в руки:

— Меня заботят не люди, а ценные ресурсы, которые мы потеряем, отказавшись от операций здесь.

Харклез покачал головой:

— Я не согласен с вашей оценкой, Майклез. На мой взгляд, Верховный Совет рассудил здраво.

Пока трое мэйлеан продолжали спорить друг с другом, Доктор снова настроил что-то на пульте возле экрана. Изображение исчезло, и появилась диаграмма, отображающая последовательность электрических цепей.

— Так я и думал, — бормотал он, лихорадочно нажимая кнопки и поворачивая переключатели. — Времени в обрез. Меня подмывает предоставить Майклеза самому себе, но если они поймут, что он мутирует, они не только убьют его, а уничтожат всю

планету. У меня не остаётся выбора, придётся вмешаться.

— Вмешаться? — спросил его я. — Каким образом, если мы тут заперты?

— Майклез теряет хватку, — ответил он. — С этой панели управления у меня есть доступ к его компьютерной сети, так что довольно просто взломать его систему управления центральным блоком питания и установить положительную обратную связь.

— Что-что?

— Я могу взорвать эту базу! — и драматическим жестом он нажал последнюю клавишу. — Вот!

— И сколько времени у нас до взрыва?

Он задумчиво почесал голову:

— Минут десять, наверное.

У меня отвисла челюсть:

— Может быть, нам в таком случае лучше уйти отсюда?

— Ах, да, вы правы, — он подошёл к двери и осмотрел маленькую клавиатуру на стене. — Проблема в том, что тут кодовый замок... и у меня уйдёт как минимум десять минут на подбор комбинации.

— Что же, если проблема только в этом... — я подошёл к нему и с невозмутимым видом набрал на клавиатуре код.

Дверь начала открываться. Доктор был поражён.

— Я видел цифры, которые набирал Майклез, — признался я.

Наше появление в центре управления было для мэйлеан полной неожиданностью.

— А что тут делает этот сброд? — зашипел Сайлез, потянувшись рукой к бластеру.

— Думай, кого оскорбляешь, — ответил я и швырнул в него стоявший возле меня стул.

Удар пришёлся ему в висок, он упал назад, на своих соплеменников. Бластер выпал из его руки и покатился по полу в нашу сторону. Доктор радостно схватил его и направил на троих мэйлеан.

— Руки вверх, — крикнул он, а не то я... Котлеты из вас сделаю!

На мой взгляд, его попытка звучать грозно была не очень убедительна, но, к счастью, она произвела требуемый эффект. Мэйлеане подняли руки и смотрели на нас с нескрываемой ненавистью. Я забрал у Майклеза свой пистолет и пошёл за Доктором в лифт. Он нажал кнопку, и дверь за нами закрылась.

Пару минут спустя мы снова были на поверхности. Доктор направил бластер Сайлеза на управление лифта и нажал курок. Огонь и дым окутали всю стену.

— Впечатляет, — сказал я.

— Через несколько минут вы увидите нечто гораздо более впечатляющее, — сказал он. — И если вы не хотите оказаться в эпицентре, нам будет лучше убраться подальше.

Небрежно бросив бластер на пол, он побежал к двери. Я тоже не стал медлить.

Выбежав, мы сели в мою машину и понеслись по дороге в сторону шоссе.

Минут через пять Доктор решил, что мы уже достаточно отъехали, и велел мне остановиться. Мы обернулись как раз в тот момент, когда огромный взрыв поглотил дом ранчо. Летающую тарелку нечему было защитить от ударной волны, и она медленно завалилась набок. Затем она тоже взорвалась, и над пустыней поднялся огненный гриб.

Вскоре мы (по настоянию Доктора) поехали обратно к месту взрыва. Я воспользовался возможностью задать ему несколько вопросов:

— Так что, у вас всё началось с заметки в газете?

— Да. Я её, в общем-то, случайно увидел, но тот час же узнал в так называемой «летающей тарелке» мэйлеанский флагманский корабль.

— А когда вы пришли сюда, к месту, с которого был репортаж, то нарвались на Майклоза?

— На Майклоза, да... Надо же, какая ирония... После стольких лет охоты на мэйлеанских мутантов он сам начал мутировать. В нём начало появляться равнодушие к другим существам; нечто, абсолютно чуждое мэйлеанской душе, на базовом генетическом уровне. Такова уж особенность оборотней: их генетика так же изменчива, как и их внешний облик.

Я почесал голову, пытаюсь всё это понять:

— Так что это за цилиндр, за которым гонялся Майклез?

— Генетический стабилизатор. Он, правда, смог бы обеспечить лишь временное улучшение. Но он этим выиграл бы какое-то время.

— И вы умыкнули у него этот стабилизатор?

— Хм, да, — на мгновение показалось, что ему стыдно, но затем он захихикал. — Он настиг меня в конце концов в Лос-Анджелесе, и был уверен, что я спрятал цилиндр где-то в городе. Чего он только не делал, чтобы выведать у меня куда я его дел, но я ему, разумеется, ничего не сказал. Мэйлеанские зонды разума никогда не были лучшими.

— Так вот почему он пришёл за помощью ко мне.

— Да, он пошёл на это только потому, что совсем отчаялся.

— Ну, спасибо на добром слове! — засмеялся я.

Подъехав в месту взрыва, мы не обнаружили ни единого следа ни НЛО, ни ранчо. На их месте остался лишь огромный кратер. Выйдя из машины, мы подошли ближе и заглянули вниз. На самом дне, завалившись на бок, лежала синяя будка с фонарём на крыше.

— ТАРДИС? — спросил я.

— ТАРДИС, — подтвердил Доктор. — Я оставил её на кухне. К счастью, она неразрушимая.

Он начал спускаться вниз, но я схватил его за руку:

— Постойте. Одну вещь я не понял до сих пор. Где вы спрятали цилиндр Майклоза?

Широко улыбнувшись, он порылся в своих карманах и вынул один из странных предметов, замеченных мной ранее — чёрный кубик с золотыми иероглифами. То, что он сделал после, было поразительнее всех поразительных вещей, которые я повидал за последние пару дней: открыв одну из граней кубика, он вынул изнутри цилиндр толщиной два-три сантиметра и длиной около метра, весь покрытый мигающими огоньками и кнопками.

— Пространственная трансцендентность, — сказал он так, словно это всё объясняло. — Наука, которую мэйлеане так и не освоили.

Он вернул цилиндр в кубик, закрыл крышку, и собрался положить его в карман, но вдруг передумал и протянул его мне.

— Возьмите себе, — сказал он. — Как сувенир. Будете веселить им друзей на вечеринках.

Сказав это, он спустился на дно кратера и подошёл к синей будке. Достав ключ, висевший на цепочке у него на шее, он отпер дверь и зашёл вовнутрь. Мне показалось, что он позвал кого-то — парня по имени Бенни — а затем дверь за ним захлопнулась. Несколько мгновений спустя раздался громкий скрежет, и прямо у меня на глазах будка словно растворилась.

Я положил кубик в карман и сел в машину. Мне предстояла длинная дорога обратно в мой офис.